ISSN 2304-4748

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 4

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2015

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

УДК 94:327(476)

Зборнік уключае навуковыя артыкулы, матэрыялы якіх адлюстроўваюць часам няпростыя ўзаемаадносіны беларускага народа з яго суседзямі ў розныя гістарычныя эпохі, паказваюць ролю і месца беларускай зямлі ў міжнародных палітычных працэсах, што адбываліся ў Цэнтральна-Ўсходняй Еўропе, выяўляюць уплыў разнастайных фактараў на сацыяльна-культурныя і дзяржаўна-палітычныя працэсы на Беларусі.

Першы зборнік навуковых артыкулаў "Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны" пабачыў свет у 2012 годзе. Зараз чытачам прапануецца ўжо чацвёрты выпуск зборніка, у складанні якога прынялі ўдзел вядомыя прадстаўнікі акадэмічнай і ўніверсітэцкай навукі Беларусі, Украіны і Расійскай Федэрацыі. Адрасаваны спецыялістам-гісторыкам, настаўнікам, студэнтам.

Зборнік выдаецца ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдакцыйная калегія:

Р. Р. Лазько (галоўны рэдактар),
А. М. Вабішчэвіч, М. П. Касцюк, У. Е. Снапкоўскі, С. А. Елізараў,
Ю. А. Мыцык, М. М. Мязга, С. А. Чаропка

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук А. А. Макушнікаў;
кандыдат гістарычных навук Г. А. Аляксейчанка

© Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны», 2015

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

Змест

Прадмова	……	5
Темушев С.Н.	Организация власти и управления белорусских земель древнерусского периода в понимании М.В. Довнар-Запольского…….	6
Черепко С.А.	Православная церковь на Руси XIII–XV веков: борьба за митрополию……	14
Шиляев А.П.	Посполитое рушенье как часть войска Великого Княжества Литовского в середине XVI века……...……	27
Хайнак С.В.	Политика Речи Посполитой в отношении Швеции в конце XVI – начале XVII века…….	31
Кондратьєв І.В.	Нащадки служебної шляхти в оточенні Леонтія та Павла Полуботків……	37
Киштымов А.Л.	Война 1812 года в исследованиях М.В. Довнар-Запольского…….	42
Сакольчык А.Э.	«Нядобранадзейная» Рэчыца і яе жыхары ў часы паўстання 1863–1864 гадоў……..	46
Падерова И.В.	Разводы в семьях крестьян в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX века……	51
Алексейчикова Н.Н.	Влияние алкоголя на семейную жизнь белорусских горожан во второй половине XVI – XVIII веков……	55
Ганчар У.А.	Знахарская практыка ў сферы сельскай гаспадаркі ў Беларускім Палессі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя……	60
Жихарев С.Б.	Железнодорожное строительство в деятельности Полтавского земства на начальном этапе раннеиндустриальной модернизации в России……	69
Багалейша С. В.	Праекты стварэння Беларуска-Літоўскай дзяржавы падчас Першай сусветнай вайны……	73
Веремеев С.Ф.	Милиция г. Гомеля в 1917–1926 годах...……	79
Понуждаев Д.Н.	Национальный и социально-классовый состав милиции Беларуси в 1920–1930-е годы…….	83
Трубчык А.Г.	Дзейнасць таварыства стражы крэсовай у галіне культуры і асветы на беларускай тэрыторыі грамадзянскага ўпраўлення ўсходніх зямель у 1919–1920 гадах…..…….	88

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Щавлинский Н.Б.	Национальный вопрос в деятельности белорусских партий и организаций в годы Первой мировой войны (1914–1918) ….	92
Каплиев А.А.	Развитие медицины Гомельской губернии в первые послереволюционные годы (1919–1924) ……..……...	99
Александрович З.А., Лин Д. Г., Горбачев О. В.	Крестьянские переселения из Гомельской губернии в середине 1920-х годов……..	105
Мязга М.М.	Змены ў міжнароднай сітуацыі ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе ў сувязі з падрыхтоўкай Рэйнскага гарантыйнага пакта……	114
Пичуков В.П.	Социальный образ еврея в среде сельских немцев БССР межвоенного периода…….	120
Толочко Д.М.	Мероприятия советской власти по национализации промышленности в западных областях БССР (сентябрь 1939–1940)…..…….	126
Захарченко О.О.	«Новий аграрний порядок» німецько-румуньских окупантів України (1941–1944) ……..…….	131
Кравчук О.Ю.	Політичні аспекти безпеки Українськоі держави……	135
Матвієнко Л.В. Панченко Г.О.	Діахронічні аспекти адміністративно-територіального становлення та розвитку Миколаївщини…….	143
Гавриловец Л.В.	Торгово-экономические и культурные связи Беларуси с Польшей в первой половине 1990-х годов……	148
Звесткі аб аўтарах	……	153
Summary	……	155

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПРАДМОВА

Гістарычны лёс і геаграфічнае становішча прымушалі беларусаў у розныя часы ўступаць ва ўзаемадзеянне з рознымі народамі, якія жылі побач. Знаходжанне Беларусі на пагранічны паміж Захадам і Усходам рабіла яго часта складаным, супярэчлівым і драматычным. Узаемаадносіны з суседзямі ў вялікай ступені вызначалі нацыятворчыя і дзяржаватворчыя працэсы на беларускіх землях. Пад яго ўздзеяннем фарміравалася свая спецыфічная роля і геапалітычнае становішча беларусаў у Еўропе. Беларуская культура ўспрымала каштоўнасці іншых народаў, узбагачалася, атрымоўвала новыя імпульсы для свайго развіцця. Неабходна памятаць і аб адваротным уплыве, успрыняцці суседнімі народамі духоўных і матэрыяльных каштоўнасцей, створаных белрускім народам. Пазнанне ўзаемадзеяння беларускага народа з суседнімі этнасамі дазваляе ўсвядоміць яго як адзін з элементаў еўрапейскай супольнасці народаў.

На працягу сваёй гісторыі беларусы ўваходзілі ў склад некалькіх дзяржаўных утварэнняў, у розныя эпохі мелі больш блізкі гістарычны лёс з рознымі народамі. Адпаведна, мяняўся і характар адносін з тым ці іншым народам. Які б з суседніх для беларусаў народаў мы не ўзялі б, ва ўзаемадносінах з ім знойдзем як часы плённых кантактаў у розных сферах, так і перыяды вострых канфліктаў. Такі аб’ектыўны гістарычны працэс і яго розныя бакі заслугоўваюць увагі з боку гісторыкаў. У рамках гэтага працэсу, нягледзячы на ўсю яго складаннасць і супярэчнасць, Беларусь выконвала ролю моста паміж Усходняй і Заходняй Еўропай. У нашы дні важна ўсвядоміць дадзенае становішча Беларусі для наладжвання ўзаемавыгадных сувязей, якія будуць узбагачаць і беларусаў, і суседнія народы ў духоўнай і матэрыяльнай сферах. На працягу гісторыі сфарміраваліся пэўныя стэрэатыпы ўспрыняцця беларусамі іншых народаў, якія часта носяць негатыўны характар. Важная роля ў іх пераадоленні, у фарміраванні атмасферы, спрыяльнай для развіцця добрасуседскіх адносін, належыць і гістарычнай навуцы. Аб’ектыўныя гістарычныя даследаванні могуць стаць важным падмуркам для фарміравання палітыкі незалежнай Беларусі, накіраванай на наладжванне плённага супрацоўніцтва з суседнімі народамі і краінамі.

Зборнік навуковых прац, прапануемы чытачам, утрымлівае артыкулы, якія прысвечаны гісторыі адносін беларусаў з суседнімі краінамі і народамі ў розных сферах жыцця на працягу некалькіх гістарычных эпох. Асноўны акцэнт у іх зроблены на вывучэнне праблем, якія звязаныя з фарміраваннем дзяржаўнасці на беларускіх і суседніх землях і тых міждзяржаўных і міжнацыянальных адносін, якія ў сувязі з гэтым фарміраваліся і развіваліся. Аўтарамі друкуемых прац з'яўляюцца аўтарытэтныя гісторыкі, чые даследаванні вядомыя ў Беларусі і суседніх краінах. Матэрыялы зборніка прадстаўляюць цікавасць як для прафесійных гісторыкаў, так і для ўсіх, хто мае цікавасць да мінулага сваёй краіны. Яны з’яўляюцца адным з крокаў у справе даследавання актуальных праблем гісторыі Беларусі і прылягаючага да яе рэгіёна, садзейнічаюць умацаванню паразумення паміж народамі-суседзямі на аснове стварэння аб’ектыўнай навуковай карціны іх гістарычнага мінулага.

Мязга М.М.,
канд. гіст. навук, дацэнт,
член рэдакцыйнай калегіі

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

*УДК 930(476):321*М.В.Довнар-Запольский*

С.Н. Темушев
Белорусский государственный
университет (Минск, Беларусь)

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРИОДА В ПОНИМАНИИ М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО

В статье анализируются взгляды на важнейшие вопросы организации власти и управления белорусских земель в древнерусский период М. Довнар-Запольского – ведущего представителя так называемой киевской школы в российской историографии, который стоял у истоков научного осмысления истории Беларуси. Историк определил несколько звеньев в системе управления и наметил функциональные обязанности различных должностных лиц. Большое значение в деле управления историк придавал вечу, наделяя его всеми полномочиями верховной власти. В целом взгляды ученого на роль княжеской власти и народного самоуправления в форме веча в Полоцком княжестве надолго утвердились в исторической науке.

Митрофан Викторович Довнар-Запольский в своей многогранной исследовательской деятельности значительное внимание уделил и древнерусскому периоду белорусской истории. Домонгольскую Русь историк в своих работах рассматривал в нескольких аспектах: государственный строй и управление древнерусских княжеств, этногенез и хозяйство восточных славян, положение церкви и структура общества. Между тем в основе собственных концептуальных построений ученого находилась именно проблема организации власти и управления в древнерусских княжествах (в том числе в Полоцком, Туровской и Смоленском). Данной проблеме была посвящена отдельная монография М.В. Довнар-Запольского [1]. Кроме того, показательно, что в коллективной работе, подготовленной под редакцией ученого с целью представить для учащихся гимназий и училищ наиболее полную картину развития древнерусского общества, им самим непосредственно были написаны подразделы, связанные с функционированием важнейших органов власти и управления восточных славян («Вече», «Князь и княжеское управление», «Дружина и боярство») [2, с. 326–364, 387–407].

Понимание М.В. Довнар-Запольским основ и характера государственного строя Древней Руси в целом и княжеств на территории Беларуси в частности имеет принципиальное значение для белорусской историографии, поскольку именно с работ этого профессионального историка начинается серьезное научное осмысление проблемы генезиса белорусской государственности и белорусского этноса. В исследованиях М.В. Довнар-Запольского следует видеть пример применения достижений современной ему исторической науки к истории белорусского края. Историк, несмотря на то, что значительную часть своей жизни провел за пределами Беларуси, не терял связи со своей родиной, неоднократно осуществлял научные экспедиции в белорусские уезды, целенаправленно искал материалы по истории белорусских земель в московских, петербургских и виленских архивах [3, с. 6; 4].

Принято считать, что исследовательские качества и выбор тематики исследований М.В. Довнар-Запольского сформировались в рамках так называемой киевской школы в российской историографии [5][*]. Сам историк являлся учеником В.Б. Антоновича, который понимал под историей России в широком смысле историю ее народа, отдавая предпочтение изучению сельской и городской общин Древней Руси и истории Великого Княжества Литовского. Важно отметить, что в отличие от школы западно-русского права, основное внимание уделявшей исследованию государственных институтов и права ВКЛ, В.Б. Антонович и его ученики

[*] Дискуссия о существовании киевской исторической школы развернулась уже в начале XX в. М.В. Довнар-Запольский был убежден в её существовании на том основании, что основным элементом исторической школы как таковой является выработка определённого направления и цели работ. 6, с. 37.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ориентировались на изучение политической истории древнерусских земель до их включения в состав ВКЛ. Данную тематику принято называть «областнической»; созданные в этом направлении труды А.М. Андрияшева, Д.И. Багалея, П.В. Голубовского, А.С. и М.С. Грушевских, В.Е. Данилевича, М.В. Довнар-Запольского, В.Г. Ляскоронского, Н.В. Молчановского составили единый компендиум истории Юго-Западной Руси периода политической раздробленности [6, с. 157]. Все труды указанных историков строились по единой схеме: сначала давалась географическая характеристика земли, затем излагалась ее политическая история [5]. Труд М.В. Довнар-Запольского, посвященный истории кривичской и дреговичской земель, опубликованный в 1891 г. [7], не был исключением. К числу достоинств работ В.Б. Антоновича и его школы относят преодоление узко краеведческой направленности [5], но необходимо отметить, что «областнический» подход в современном понимании в ряде случаев приводил к некорректным и даже ошибочным выводам: племенные образования догосударственной и раннегосударственной эпохи не соответствовали территории позднейших государственных образований.

Современный российский историк С.И. Михальченко пришел к выводу, что в 10-х гг. XX в. сам М.В. Довнар-Запольский создал собственную историческую школу, которая также придерживалась территориального принципа изучения истории, но при этом расширила хронологию и географический диапазон научных исследований. Основное направление работы представителей данной школы была задана М.В. Довнар-Запольским, нацелившим своих учеников на изучение по писцовым книгам отдельных уездов Средневековой Руси. В методологическом отношении для исторической школы М.В. Довнар-Запольского была характерна экономическая разновидность позитивизма. Сам М.В. Довнар-Запольский находился под влиянием экономических теорий К. Маркса, В. Зомбарта, Г. Шульце-Геверница [5; 6, с. 157–158]. Учитывая то обстоятельство, что важнейшим экономическим фактором развития восточнославянского общества историк считал торговлю, следует признать влияние на него концепции В.О. Ключевского.

Безусловно признавая, что степень сформированности исторической школы для каждого интерпретатора может быть различной [8, с. 304], все же по ряду критериев («педагогическое общение», общие методы и принципы обработки источников – «передача научной культуры», методологическая общность, близость в тематике исследований) [9, с. 38] существование киевской исторической школы не вызывает сомнений. В рамках этой школы был принят особый, отличный от господствующего в то время, взгляд на проблему восточнославянского политогенеза и этногенеза (сами эти явления оказывались тесно связанными). Основные идеи киевской школы двумя десятилетиями ранее были сформулированы Н.И. Костомаровым: 1) господство «федералистского начала» в государственном строе восточных славян*, 2) приоритет «самовластия народа» в виде веча над княжеской (государственной) властью.

В работах М.В. Довнар-Запольского в полной мере нашли отражение идеи киевской школы, которые были спроецированы на историю белорусских земель. Так, в работы ученого основывались на следующих тезисах: 1) древнерусские «племена» не представляли собой этнографического целого, 2) древнерусское государство связывал только «внешний интерес», а именно: торговля и борьба с внешней опасностью (хазарами, викингами), 3) в XIII в. «русские» из земель Беларуси без боя подчинились литовским князьям и «объединение русских земель с литовскими во главе с князьями из рода последних принесло несомненную пользу обоим народам» [3, с. 9].

В духе киевской школы понимал М.В. Довнар-Запольский генезис восточнославянской государственности. Наиболее значительной заслугой ученого стало обращение к изучению становления государственности на территории Беларуси. Истоки белорусской

* Уже «в первобытном строе общественного быта», по мнению Н.И. Костомарова, лежал «зародыш федерации». 17, с. 6–8.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

государственности М.В. Довнар-Запольский представлял совершенно упрощенно, искусственно связывая политогенез и этногенез восточных славян. В работе, изданной в год образования Советской Социалистической Республики Белоруссии, историк утверждал, что сформировавшиеся на территории Беларуси три родственных племени – кривичи, дреговичи и радимичи – изначально отличались от «племен, положивших начало народам Великорусскому и Украинскому». У этих племен сложилась собственная верховная власть. В подготовленной к 1925 г. «История Белоруссии» М.В. Довнар-Запольский, ссылаясь на данные летописи (?), утверждал, что каждое восточнославянское «племя» (автор прямо называет их «белорусскими») имело свое княжение», «т.е. представляло собою отдельный народец» [10, с. 25; 18, с. 22]. Эти «племена», «княжения» или «народцы» имели собственных князей, где-то местного происхождения, где-то варяжского [10, с. 36; 18, с. 34], проводивших самостоятельную политику. Лишь ненадолго во второй половине X в. Полоцк подчинил Владимир Святой, но уже вскоре Полоцкое княжество получило «своих особых князей из рода Рогволода». И другие части Беларуси «недолго держались Киева», с конца X в. особые князья были даны дреговичам и смоленским кривичам [11, с. 4–5]. Таким образом, на территории Беларуси «получилось» несколько «княжений»: Смоленское, Полоцко-Витебское и Турово-Пинское. Эти «княжения», охватившие всю (!) территорию Беларуси, историк характеризует как самостоятельные государства со своими «особыми династиями» [11, с. 5].

Как видим, в реконструкции начального этапа становления государственности на белорусских землях и происходивших здесь этнических процессов М.В. Довнар-Запольский в соответствии с априорной схемой, ранее уже применяемой для реконструкции происхождения украинского народа, допустил значительные упрощения и искажения данных источников и имеющихся к его времени выводов крупнейших специалистов по истории Древней Руси (сам М.В. Довнар-Запольский к таковым не может быть отнесен). К началу XX в. среди исследователей Раннего средневековья прочно утвердилось представление о несоответствии древнерусских княжеств-земель летописным «племенам» (восточнославянским союзам племен)[*], достоянием прошлого стало отождествление этнических и государствообразующих процессов, определенные выводы были сделаны о месте и роли отдельных княжеств в политической системе Древней Руси. Совершенно некорректно утверждение М.В. Довнар-Запольского о большей близости друг к другу «белорусских племен» кривичей, дреговичей и радимичей по отношению к другим восточнославянским союзам племен (надо полагать, «украинским» и «великорусским»). Дреговичи были значительно ближе к волынянам, полянам и древлянам, нежели к кривичам; в свою очередь последние имели общее происхождение с ильменьскими словенами. Между тем в описании конкретных примеров функционирования органов власти в древнерусских княжествах М.В. Довнар-Запольский более объективен и последователен. Некоторые выводы, сделанные историком в осмыслении проблемы организации власти и управления в древнерусских княжествах, перекликаются с представлениями современных исследователей древнерусских реалий.

В системе управления древнерусских княжеств М.В. Довнар-Запольский обнаруживал два основных элемента: *вече* и *князя* с близкой ему «думой» и созданной им администрацией. При этом «в отдельных случаях, в зависимости от тех или других условий, перевес власти находился то у веча, то у князя» [12, с. 243]. В силу ряда условий вече получило широкое развитие в некоторых землях Древней Руси, среди них и в Полоцком княжестве. Историк пытался наметить эволюцию данных институтов, специально остановившись на вопросе о происхождении вечевых собраний. И княжескую власть, и народное самоуправление в форме веча историк обнаруживал уже на раннем этапе существования восточнославянских «племен». Каждое племя имело своих особых племенных князей, вече, или народные сходки, на которые собирались все представители племени для обсуждения тех или иных вопросов [10, с. 36; 7, с.

[*] Этому отдавал отчет и сам М.В. Довнар-Запольский, связывавший падение значения племенного веча с тем, что «княжества не всегда совпадали с древними границами племени». [4, с. 245].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

34]. Народные собрания не были каким-то уникальным явлением восточнославянской истории, а были свойственны многим народам «на известной ступени их развития». В то же время у «русских племен» они представляли собой «исконные учреждения» [12, с. 245]. Дальнейшую эволюцию института веча историк связывал с периодами возрастания или уменьшения его значения. Так, период племенного веча сменяет время господства первых князей, державшихся «военною силою» с помощью наемного войска. В это время – до последней четверти XI в. – «голос веча не мог сказываться», хотя оно и продолжало «ведать дела, касающиеся племени или отдельных городов», князья же совсем не вмешивались в дела управления, довольствуясь данью. Но затем вместе с ослаблением княжеской власти заметно усиление веча. С середины XII в. снова отмечаются признаки падения значения веча «центрального города», что ученый связывает с выделением в отдельных княжествах пригородов, которые стремились превратиться в самостоятельные княжения. Монгольское нашествие привело к «прекращению вечевого начала» в Северо-Восточной Руси, но в Западной Руси, главным образом в Полоцкой и Турово-Пинской землях, вече еще некоторое время существовало [12, с. 244–247]. Отметим, что данная эволюция не соответствует историческим реалиям, противоречит она и конкретно-историческим наблюдениям самого М.В. Довнар-Запольского при рассмотрении истории Полоцкого княжества (см. ниже). При этом сама эволюция рассматриваемого института реконструирована исключительно по внешнему признаку. Совершенно неверным было рассмотрение веча родоплеменной эпохи и стихийных народных собраний государственного периода как одного и того же института. В итоге реальной эволюции институтов народного самоуправления в работах М.В. Довнар-Запольского не представлено.

Что касается значения народных собраний в осуществлении управления древнерусским княжествами, М.В. Довнар-Запольский, с одной стороны, указывал, что «с точки зрения государственной, оно было носителем верховной власти в государстве» [12, с. 243], а с другой отмечал, что вече «никогда и нигде, ни в какой земле, не имело строго определенных форм, никакой закон не определял прав веча, его круга деятельности, способов решения и т.п.» [12, с. 227]. И хотя вече обладало верховными правами в государстве, но «вопросы, которые оно обыкновенно рассматривало, были немногочисленны» [12, с. 238]. К числу важнейших прерогатив веча ученый относил право выбора правителя. Таким правом, по его мнению, обладали полочане.

В своей ранней монографии, посвященной истории Полоцкой, Туровской и Смоленской земель, М.В. Довнар-Запольский основной акцент сделал на историко-географических аспектах. Связывают это с воздействием на историка идей С.М. Соловьева об определяющем влиянии географических условий на политическую историю [13, с. 185]. Именно особенностью географического положения «кривичско-дреговичских земель» (они «лежали на окраинах, сторонились от общих дел Руси») [7, с. 63] объяснял исследователь специфику их политического развития. Тем самым М.В. Довнар-Запольский превратил географический фактор в социально-историческую категорию, важнейшую свою задачу он видел в показе вызревания в «удельный период» самостоятельной государственной организации у отдельных племен [14, с. 34]. Между тем, предложенное историком понимание роли полоцкого веча надолго определило характеристику государственного строя Полоцкой земли в позднейших исследованиях.

«Патриарх белорусской историографии» [15, с. 38] наделял полоцкое вече всеми полномочиями верховной власти: заключение международных договоров различного характера, объявление войны, смещение князей. При этом полоцкий князь, в представлении историка, оказывался даже в худшем положении, чем князья Новгорода и Пскова, поскольку в материальном отношении сильно зависели от веча и в случае изгнания не могли нигде найти поддержки [7, с. 67–68]. Летописное сообщение 1159 г. о пребывании князя Ростислава Глебовича в Бельчицах под Полоцком [16, стб. 495] М.В. Довнар-Запольский возвел в правило, утверждая, что полоцкие князья постоянно жили со своей дружиной за городом. Этот вывод был неоднократно повторен в позднейших работах белорусских историков. Важно, что истоки

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

специфики государственного строя Полоцкой земли основоположник белорусской национальной историографии искал в особом положении князя в этом регионе: князь со своей дружиной переходил из города в город и представлял собой временную военную и судебную власть, в этой связи из-за необходимости «постоянного заведывания внутренними делами» и усилилось значение веча [7, с. 84]. Ситуация изменилась с середины XII в.: с этого времени «интересы князя и его удела становятся не раздельными» [7, с. 85]. Почему же именно в это время в наибольшей степени как раз и проявляется значительная роль веча в Полоцке, историк не объясняет. К числу заслуг автора относят опыт сравнительного анализа института веча в Полоцке, Турове и Смоленске [13, с. 186]. Если в Полоцке вече в значительной степени ограничивало княжескую власть, то в Смоленске институт народного собрания развивался параллельно с княжеской властью, а в Турове процесс его сложения был прерван княжеской же властью [7, с. 68].

В целом же вече в древнерусских княжествах было лишь направляющим органом и не имело в своем распоряжении исполнительных органов. В вопросы внутреннего управления вече, хотя и имело на них сильное влияние, вмешивалось редко [12, с. 241, 240]. Главная же роль в управлении принадлежала князю.

Характеризуя государственный строй Древней Руси, ученый указывал на его крайнюю простоту, что выражалось в господстве личных отношений: «…в древней Руси государственная машина была очень проста» [17, с. 248]. При этом качества княжеского управления основывались исключительно на личности князя [17, с. 249]. В руках князя, по мнению историка, были сосредоточены все сферы управления. При этом второму элементу – вечу – отводилась контролирующая функция. В этой связи сфера деятельности князя была довольно широкой и разнообразной. К компетенциям князя историк относил отношения с другими князьями и государствами, заключение мирных и союзных договоров, объявление войны. «Полным хозяином» был князь в военном деле: непосредственно ему подчинялась дружина, он же собирал ополчение и назначал его руководителей (тысяцких=воевод). Через назначаемых «чиновников» (посадников, тиунов, тысяцких, мытников и др.) князь осуществлял и повседневное управление княжеством – «полицию, финансовое управление и суд». Главнейшей обязанностью князя М.В. Довнар-Запольский называл суд, не отделяемый от законодательства. Но делая вывод о составе княжеской администрации, историк отмечает, что более всего она была развита по финансовой части, а именно: сбору пошлин [17, с. 268]. Правда, в обзоре конкретных должностных лиц, занимавшихся сбором налогов-даней, историк назвал только сборщиков судебных и мытных (торговых) пошлин, совершенно не раскрыв состав фискального аппарата по сбору прямых налогов. Указанные полномочия князя дополнялись участием в церковном управлении [17, с. 251–252]. М.В. Довнар-Запольский понимал, что установленная система организации власти в период политической раздробленности была характерна не для всех древнерусских земель. Особая ситуация сложилась в Новгородской земле. Полоцк же «достиг весьма высоких ступеней народоправства и демократического устройства». В связи с этим власть князя «имела весьма небольшое значение». В основном князь был военачальником и судьей, но и суд осуществлял с представителями веча [18, с. 43–44].

Преобладание в отношениях между князем и его подданными личных связей, а также невозможность одного человека охватить все сферы управления обусловили складывание около князя определенной группы советников – «княжеской думы». Этот совет, или дума, по определению М.В. Довнар-Запольского состоял из бояр, которые являлись помощниками князя «во всех отношениях». Эти бояре осуществляли от имени князя посольства, управляли городами в качестве посадников, «держали тысячу», т.е. были руководителями земского ополчения [17, с. 256]. Кем были эти бояре, каковы были их происхождение и источник высокого положения в обществе, историк не указывает. В позднейшей работе он уже однозначно указывает, что бояре были старшими членами княжеской дружины [18, с. 44]. В отдельном очерке «Дружина и боярство» М.В. Довнар-Запольский писал о двух группах

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лучших людей в Древней Руси: местном «земском» боярстве и «дружинном» боярстве [5, с. 292]. В развитии рассматриваемого совещательного органа историк отмечает две тенденции: 1) расширение круга княжеских советников и 2) сосредоточение в ней «административных лиц», так что к XIII в. «княжеская дума представляет собою совет, в котором большею частью сходились бояре, ведавшие какою-нибудь отраслью управления» [17, с. 257]. Функционирование этого совета, по мнению ученого, не было определено никакими законами, и на князя не налагалось никаких обязательств призывать в него бояр, но само древнерусское общество вынуждало князя обращаться к совету бояр, особенно местных, к руководству которых привыкло население [17, с. 259, 260]. Таким образом, «княжеская дума» рассматривалась как необходимый элемент управления.

Как видим, в определении роли княжеского совета в осуществлении управленческих функций М.В. Довнар-Запольский не стал учитывать значение военной организации – дружины. Именно из состава последней во многом формировался персональный состав должностных лиц в ранний период [20, с. 22]. На основе тех же письменных источников, какие имелись в распоряжении историка в начале XX в., ведущий советский специалист по истории Древней Руси Л.В. Черепнин смог определить значительно более широкий состав совета при князе, который включал вассалов князя, духовную знать, представителей городской верхушки и т.д. [21, с. 19].

При описании функций и компетенций конкретных должностных лиц княжеской администрации, упоминаемых в источниках применительно к домонгольскому периоду истории Древней Руси, М.В. Довнар-Запольский совершенно справедливо делит их на две группы: к первой отнесены те «чиновники», которые являлись органами государственного управления «в собственном смысле», а ко второй – личные слуги князя, выполнявшие дворцовые обязанности [17, с. 261]. Указывал историк и на характерную черту организации управления в древнерусских княжествах: смешение государственных и частных (дворцовых) должностей. В числе важнейших должностей первой группы были названы должности посадника и тысяцкого. Их функции или обязанности историк описывал в традиционном духе: посадник замещал князя, поэтому наделялся всеми его полномочиями, тысяцкий же был начальником «земского ополчения». Не вполне определился М.В. Довнар-Запольский с тем, какая из указанных должностей в источниках именовалась также «воеводой». В любом случае тысяцкому историк отводил исключительно военные функции. В подчинении у тысяцкого находились сотские и десятские, их обязанности не ограничиваются военной сферой. Так, в сотских ученому виделись представители общин. Таким образом, назначение децимальной организации оценивается несколько ограниченно, совершенно не был затронут вопрос о ее происхождении. К органам государственной власти был отнесен также печатник, прилагавший княжеские печати к грамотам. Целый ряд должностных лиц был отнесен к «финансовому ведомству»: таможник, куноемцы, осмник, мытники, мостник, городник, и суду: вирники, мечники, метельники, детские, отроки [17, с. 261–263]. В последнем случае историк обратил внимание на участие представителей дружины в осуществлении управления, но это наблюдение в его работах развития не получило. Позднее ученый писал, что именно детские – младшие члены дружин – со временем получили название дворян, т.е. людей, составлявших двор князя [18, с. 44].

Обращаясь к описанию администрации княжеского двора М.В. Довнар-Запольский основное внимание уделяет «тиунству». В его представлении тиуны – это «слуги для самых разнообразных поручений по княжескому хозяйству», к ним относились сельский тиун, конюший тиун и огнищный тиун. Последний со временем получил название дворского, или дворецкого и превратился в высшее должностное лицо в государстве. Из «княжих дворовых слуг» вышли и другие «важные чиновники»: ловчие, стольники, окольничие [17, с. 264–265]. Вследствие близости к князю тиуны и другие должностные лица княжеского двора привлекались и к государственному управлению. В целом же княжеская администрация была совсем немногочисленной, при этом отсутствовала какая-либо система. Определенный круг

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

обязанностей имели только «низшие чины». Качество же управления всецело зависело от личности князя, который «должен был нести лично бремя управления, а если где не мог успеть, посылал вместо себя своих бояр или своих личных слуг» [17, с. 266].

Упоминает М.В. Довнар-Запольский еще одно, низшее звено в системе управления древнерусскими княжествами: княжеская администрация не во всем контролировала повседневную жизнь восточнославянского населения, последнее имело собственную организацию в виде общин, миров – сельских (вервь) и городских (кончанские и уличанские). На своих сходках представители общин обсуждали и решали все важнейшие дела [17, с. 267].

Таким образом, реконструкция М.В. Довнар-Запольским системы управления древнерусскими княжествами наиболее полно отражала достижения исторической науки к началу XX в. Во много понимание историком данной проблемы стало общепринятым в последующее столетие. Так, конкретно-исторические наблюдения ученого в осмыслении проблемы организации власти и управления на территории Беларуси в период Раннего и Высокого средневековья повторялись в подготовленных в советскую эпоху обобщающих трудах по истории Беларуси [22, с. 50; 23, с. 109–110]. Важнейшая заслуга М.В. Довнар-Запольского заключалась в обращении внимания на специфику организации власти и управления на территории Беларуси, прежде всего, в Полоцком княжестве. Выводы о значительной роли веча в Полоцке надолго утвердились в отечественной историографии.

М.В. Довнар-Запольский четко понимал место князя и народных собраний – веча – в политической системе древнерусских княжеств. Историк указал на незрелость социальной структуры домонгольской Руси, а вместе с этим – и на отсутствие эффективной системы управления, которая в Древней Руси не подразделялась на отдельные отрасли. Важным представляется указание на наиболее характерную черту древнерусского периода – смешение государственной («земской», публично-правовой) и частной (дворцовой) сфер управления. В свое время советские историки обвиняли М.В. Довнар-Запольского в том, что он не смог обнаружить однотипность политических форм в «удельных» княжествах Древней Руси [14, с. 34–35]. Представляется, что это обвинение совершенно несправедливо: как раз сильной стороной исследований ученого является широкое использование сравнительно-исторического метода. Так, в освещении проблемы функционирования княжеской администрации он не видит особенностей в отдельных древнерусских княжествах и данные по истории одного восточнославянского региона без оговорок переносит в другой. Между тем в реконструкции системы управления древнерусскими княжествами М.В. Довнар-Запольским существует множество пробелов. Так, остались нераскрытыми вопросы о роли дружинной организации, о времени формирования и основных функциях десятичной организации, о функционировании фискальной системы.

Источники и литература

1. Довнар-Запольский, М. В. Политический строй Древней Руси. Вече и князь / М. В. Довнар-Запольский. – М.: Издание И.Д. Сытина, 1906. – 64 с.

2. Книга для чтения по русской истории / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. – Т. I. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1904. – 407 с.

3. Караў, Дз. У. Прадмова / Дз. У. Караў // Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Довнар-Запольский. – Мінск: “Беларуская энцыклапедыя” імя Петруся Броўкі, 1994. – С. 5–15.

4. Лебедева, В. М. Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934) [Электронный ресурс] / В. М. Лебедева. – Режим доступа: http://ranar.spb.ru/files/visual/pdf/Dovnar.pdf

5. Михальченко, С. И. Киевская школа в российской историографии: В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики / С. И. Михальченко. – М.: Прометей; Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. – 228 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

6 Матюшевская, М. И. Рецензия на: С.И. Михальченко. Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). С.И. Михальченко. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М. Прометей-Брянск. Изд-во БГПУ. 1996. 186 с., М. Прометей-Брянск. Изд-во БГПУ. 1997. 228 с. / М. И. Матюшевская // Вопросы истории. – 1999. – № 11–12. – С. 156–159.

7. Довнар-Запольский, М. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия / М. Довнар-Запольский. – Киев: Типография Товарищества И. Н Кушнеров и К, 1891. – 170 с.

8. Острянко, А. Наукові історичні школи в Україні: фантоми української історіографії / А. Острянко // Історіографічні дослідження в Україні. – К., 2014. – Вип. 23. – С. 293–310.

9. Михальченко, С.И. О школах и направлениях в исторической науке / С.И. Михальченко // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. – Мн: БГУ, 2004. – С. 38–39.

10. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Довнар-Запольский. – Мінск: “Беларуская энцыклапедыя” імя Петруся Броўкі, 1994. – 510 с.

11. Довнар-Запольский, М. В. Основы государственности Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Гродна: Тип. Т-во «С. Лапинъ», 1919. – 14 с.

12. Довнар-Запольский, М. В. Вече / М. В. Довнар-Запольский // Русская история в очерках и статьях / Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. – Т. I. – 2-е изд. – М.: Московское учебное книгоиздательство, 1910. – С. 226–247.

13. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении / Л. В. Алексеев, В. П. Богданов. – М.: Наука, 2009. – 336 с.

14. Копысский, З. Ю. Историография БССР (эпоха феодализма): Учеб. пособие / З.Ю. Копысский, В. В. Чепко. Под ред. Я. Н. Мараша. – Минск: Изд-во «Университетское», 1986. – 175 с.

15. Марзалюк, І. А. Міфы “адраджэнскай” гістарыяграфіі Беларусі: манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў: УА “МДУ імя А. А. Куляшова”, 2009. – 148 с.

16. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 382 с.

17. Довнар-Запольский, М. В. Князь, его дума и администрация / М. В. Довнар-Запольский // Русская история в очерках и статьях / Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. – Т. I. – 2-е изд. – М.: Московское учебное книгоиздательство, 1910. – С. 248–268.

18. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2005. – 680 с.

19. Довнар-Запольский, М. В. Дружина и боярство / М. В. Довнар-Запольский // Русская история в очерках и статьях / Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. – Т. I. – 2-е изд. – М.: Московское учебное книгоиздательство, 1910. – С. 290–311.

20. Мельникова, Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы / Отв. ред. А. П. Новосельцев. – М.: Наука, 1995. – С. 16–33.

21. Черепнин, Л. В. Черты политического строя Древней Руси / Л. В. Черепнин // Новосельцев А. П. Древнерусское государство и его международное значение / А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин и др. – М. : Наука, 1965. – С. 11–76.

22. История Белорусской ССР. Том I / Под ред. В. Н. Перцева, К. И. Шабуни и Л. С. Абецедарского. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1954. – 502 с.

23. Гісторыя Беларускай ССР. Том I. Першабытнаабшчынны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму / Рэд. К. І. Шабуня. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 629 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

24. Довнар-Запольский, М. В. Исторические взгляды В.Б. Антоновича / М. В. Довнар-Запольский // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – К., 1909. – Кн. XXI. – Вып. 1–2. – С. 22–38.

25. Костомаров, Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси / Н. И. Костомаров // Исторические монографии и исследования. – Т. 12. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1872. – С. 5–91.

Stsiapan Tsemushau. The organization of government and administration of the Belarusian lands of ancient period in understanding of M. Dovnar-Zapolsky. In the article analyzes the views on the most important issues of the organization of power and administration of Belarusian lands in the ancient period of Dovnar-Zapol'skiy – a leading representative of the so-called Kyiv School of in Russian historiography, which was at the forefront of scientific understanding of the history of Belarus. The historian has identified several units in the control system and indicated the functional responsibilities of various officials. Great importance in the management of MV Dovnar-Zapolskiy gave the vechu, he endows it all the powers of the supreme authority. In general, the views of scientist on the role of princely power and the national self-government in the form of a veche in the Polotsk principality permanently entrenched in historical science.

УДК 271.2-9(470)«11/14»

С.А. Черепко
Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУСИ XIII–XV ВЕКОВ: БОРЬБА ЗА МИТРОПОЛИЮ

В данной статье проводится исследование процесса оформления на основе Киевской митрополии всей Руси двух независящих друг от друга церковных структур – митрополии Киевской, Галицкой и всей Руси в Великом княжестве Литовском и Русском и митрополии Московской и всей Руси для Великого княжества Московского. Рассматриваются перепетии внутрицерковной борьбы и влияния на неё внешних и внутренних политических сил.

Вопросы, связанные с историей церкви являются довольно интересными, они востребованы обществом, т.к. зачастую вызывают ощущение не просто таинственности, а даже сакральности. И это не удивительно, ведь в Беларуси, как и многих странах, церковь уже на протяжении тысячелетия в том или ином виде является частью жизни общества, она сформировала мировоззрение наших предков, определённые культурные стереотипы и жизненные ценности и по сей день оказывает влияние на жизнь практически любого человека. Особый интерес эта проблематика занимает отдельные категории общества, которые нередко переносят сакральный смысл религиозного учения на саму религиозную организацию, в связи с чем новые взгляды, которые противоречат сложившейся точки зрения, встречаются в лучшем случае насторожено или вообще крайне враждебно. В качестве примера вспомним хотя бы пример князя Святополка Ярополчича (Владимировича), которого, несмотря на серьёзные научные исследования, на основе "Сказания о Борисе и Глебе" и вставленного позже в "Повесть временных лет" свидетельства, до сих пор называют Окаянным и считают организатором убийств князей Бориса и Глеба [1; 2]. В массовом сознании история церкви в Беларуси и России базируется на стереотипе о единстве православия на землях Руси, который был сформирован российскими и советскими учёными в XIX-XX вв. В результате или скорее в процессе возникшей по этому поводу дискуссии на Украине в конце XX в. оформилось несколько

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

церковных структур, декларирующих свою приверженность православной конфессии и находящихся сейчас в состоянии «междоусобной войны». Общая клерикализация общественно-политической жизни в Беларуси, Украины, Российской Федерации значительно повысили внимание общества к жизни церкви, в том числе и её истории. Обозначенная проблематика в том или ином ракурсе уже не раз подвергалась изучению серьёзными исследователями, которые оставили ряд солидных работ, однако исследовательский потенциал этой проблемы остаётся огромным [2-6]. В связи с этим исследование непростого пути развития православной церкви в названных выше государствах, а также отдельных её аспектов, представляется довольно актуальной задачей как с общественно-политической, так и с научной точки зрения. В данной работе мы взялись за рассмотрение вопроса о становлении церковной организации в русских землях в период с середины XIII по середину XV вв. Выбор хронологических рамок работы связан с самим ходом исторического процесса. В середине XIII в. митрополит киевский и всея Руси покинул свою резиденцию, что привело к началу раскола в церковной организации, а в середине XV в. на русских землях окончательно оформилось две православных организации. Отметим, что в данной работе под "русскими землями" подразумеваются государства и территории, образовавшиеся в ходе распада Древнерусского государства и населённые людьми, которые в большинстве своём использовали эндоэтноним "русские", ставшие этническим базисом для формирования таких современных наций как белорусы, украинцы и русские.

Несмотря на возможные попытки князей Аскольда и Дира, а затем княгини Ольги христианизировать Киев, только после крещения Руси в 988 г. князем Владимиром Святославичем здесь оформилась разветвлённая церковная структура во главе с киевским митрополитом. В 992 и 1005 гг. были созданы первые епархии на современной белорусской земле. Несмотря на распад Древнерусского государства в XII в. церковная структура оставалась достаточно прочной, и попытка владимирского князя Андрея Боголюбского в 1160 г. учредить в своём княжестве отдельную от Киева митрополичью кафедру оказалась безуспешной.

Монголо-татарское нашествие стало важным этапом в истории не только Русского государства, но и в истории местной православной церкви. Разорение русской столицы в 1240 г. привело к окончательному падению авторитета Киева, как центра русских земель, а также к необходимости приспособления людей, власти и церкви к новым условиям существования. В качестве возможных вариантов развития у раздробленной на более десятка княжеств Руси ярко прослеживались два основных. Первый мог реализовываться в виде сотрудничества с европейскими странами (прежде всего Венгрией, Польшей, Тевтонским Орденом), что гипотетически позволяло избавиться от владычества татар, однако неизбежно привело бы к усилению позиций католической церкви в регионе. Данный вектор впоследствии был апробирован Византией, что привело к заключению в 1274 г. Лионской церковной унии, которая должна была объединить две церкви под властью римского епископа. Это событие, однако, вызвало острую дискуссию в византийском обществе и со сменой власти в этой стране лионские договорённости были упразднены. На Руси данную внешнеполитическую линию попытались развить галицко-волынские князья. Другим направлением было сотрудничество с монголо-татарскими захватчиками, которые при всех их "недостатках", не представляли серьёзных угроз для позиций доминирующей в данном регионе православной церкви.

Избранный на соборе епископов в 1242 г. митрополит Кирилл в своей политике основным вектором избрал как раз вектор сотрудничество с Ордой. Кирилл сблизился ханом Менгу-Тимуром, а в 1252 г. ему удалось получить от хана Батыя ярлык, гарантирующий неприкосновенность православной церкви. В самой же Руси до 1251 г. митрополит опирался на галицко-волынского князя Даниила, однако, после активизации им прозападной внешней политики, Кирилл переориентировался на поддержку лояльного к

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

монголо-татарам владимирского князя Александра Невского, после чего пребывал преимущественно в северо-восточных окраинах Руси. Таким образом, киевская кафедра опустела, а митрополит обосновался во Владимире-на-Клязьме.

После смерти Кирилла из Константинополя на Русь в 1283 г. прибыл назначенный патриархом митрополит Максим. Он в 1299 г. окончательно перенёс митрополичью резиденцию из Киева во Владимир, за обладание властью в котором активно боролись тверской и московский удельные князья этого государства. С митрополитом во Владимир перебрался и весь высший клир, а в Киеве остался лишь наместник митрополита. Таким образом, реализовалась идея Андрея Боголюбского 150-летней давности иметь во Владимирской земле собственную митрополию. Находясь во Владимире Максим поддержал тверского князя Михаила Ярославича, который в 1305 г. стал великим князем Владимирским. Однако все попытки Максима примирить Михаила Ярославича с проордынски настроенным московским князем Михаилом Ярославичем оказались тщетными.

Тем временем, перемещение резиденции киевского митрополита из Киева во Владимирскую землю вызвало недоумение и неудовольствие иных русских князей, прежде всего галицко-волынского князя Юрия Львовича. Как верно заметил Е.Е. Голубинский, если раньше «Киев был нейтральным между двумя русскими великими княжениями — владимирским и галицким, так что пока столица митрополитов оставалась на старом месте, они могли быть митрополитами обеих частей всея Руси. Но когда Максим перенёс столицу во Владимир, Великое княжество Галицкое оказалось в церковном отношении уже не равноправным с первой частью митрополии, а только как бы некоторым к ней придатком»[3, с. 96]. Стремясь дистанцироваться от монголо-татар он нуждался в соответственной антиордынской церковной иерархии. По его просьбе константинопольский патриарх Афанасий Глике в 1303 либо 1305 г. возвёл в сан митрополита галицкого епископа Нифонта. Это событие означало раскол киевской митрополии на две церковные структуры. Галицкую митрополию стали, вероятно, называть «митрополиею Малой Руси», в отличие от «митрополии Великой Руси», сохранившей большее число епархий. «Было в Великой России 19 епархий: теперь же их осталось 12. Когда епархия Галиции была возведена на степень митрополии царём Андроником по царским хрисовулам и патриаршим писаниям при патриархе кир-Афанасии, то подчинились галицкой митрополии следующие епархии: Володимеря, Перемышля, Луцка, Турова и Холма» отмечает источник [8, с. 28]. После смерти Нифонта в 1307 г. Юрий Львович выдвинул своего претендента на галицкую кафедру - игумена Петра. Однако в это время умер киевский митрополит Максим и, как результат, Пётр в 1308 г. стал новым не галицким, а киевским митрополитом, а галицкая кафедра осталась вакантной.

Как и митрополит Максим, Пётр, находясь во Владимирском княжестве не мог остаться в стороне от московско-тверского противоборства, однако в отличие от своего предшественника он поддержал московского князя. Одним из результатов этого обстоятельства стало перемещение резиденции киевского митрополита в 1325 г. из Владимира в Москву. Однако полного объединения киевской митрополии добиться не удалось. На неподконтрольной монголо-татарам территории Великого княжества Литовского, которое по мере своего расширения, освобождения русских земель из-под татарского ига и постепенного превращения в Литовско-Русское государство, возникла потребность в собственной православной иерархии. Таким образом, паралельно Москве в ВКЛ начала формироваться митрополия с центром в столице этого государства - Новогрудке. Очевидно, что для освобождённых от Орды православных земель требовался независимый от неё духовный лидер, а киевский митрополит, который находился в проордынской Москве, играть такую роль, естественно, не мог.

В некоторых источниках, относящихся к времени правления византийского императора Андроника II Палеолога под 1291-1292 и 1299-1300 гг. упоминается Литовская митрополия [8, с. 28]. Нам представляется целесообразным согласиться с мнением А.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Павлова, что датировка 1292 г. вероятнее всего является ошибкой переписчика [9 с. 239]. Наиболее более достоверные данные о создании Литовской митрополии с центром в Новогрудке относятся к 1317 г., когда в актах константинопольского синода встречается подпись литовского митрополита [10, p. 72, 143]. Таким образом, основателем литовской митрополии мог стать князь Витень или, что ещё более очевидно, Гедемина. Имя литовского митрополита, подписавшегося в 1317 и 1327 гг. не известно, однако следует предположить, что это был Феофил (Θεοφίλου), чьё имя фигурирует в актах константинопольского синода 1329 г. [10, p. 147]. Однако кроме политического фактора создания митрополии могли быть и иные аспекты, в частности снижение авторитета киевского митрополита Петра среди духовенства. В 1311 г. Пётр по требованию константинопольского патриарха Афанасия вынужден был провести Переславский собор (в Переяславле-Залесском), на котором митрополит фактически был обвинён в симонии. Несмотря на то, что патриарший посланник, который присутствовал на соборе посчитал, что установленные за священство тарифы удовлетворительны, сам вопрос о продаже церковных званий вызвал шквал критики. Противники симонии отправили в Константинополь монаха Акиндина, в результате чего патриарх Нифонта I направил владимирскому князю Михаилу Ярославичу письмо, в котором патриарх осуждал Петра за симонию и потребовал: "да придетъ къ намъ митрополитъ и дастъ ответъ о всемъ, что безъ закона сотворилъ". В случае отказа митрополита ехать на суд добровольно, патриарх допускает применение силы, а также возможную смену митрополита [11, с. 149; 12; 13].

Литовский митрополит Феофил включился в политическую жизнь Литовской Руси, благословил Гедимина на должность великого князя. В 1328 г. в Новогрудке прошёл собор, в котором участвовали епископы Марк Перемышльский, Феодосий Луцкий, Григорий Холмский и Стефан Туровский. На этом соборе рукоположили двух епископов: владимирского – Афанасия, галицкого – Феодора [14, с. 52-56]. Список участников собора дают представление о границах митрополии, которая во многом совпадала с границами ранее существовавшей, а в это время вакантной Галицкой митрополии.

После смерти в 1326 г. киевского митрополита Петра новый митрополит Феогност в 1328 г. из Константинополя направился сразу в Москву. Выбор между Новогрудком и Москвой очевидно был обусловлен интересами внешней политики Византии, которая и продуцировала высших церковных иерархов для русских государств. Одной из задач, которую должен был решить митрополит Феогност было налаживание союзных отношений между Византией и Золотой Ордой. В связи с этим Феогност отказался признать ростовским епископом Гавриила, который был рукоположен с участием галицкого епископа Феодора, который, в свою очередь, подчинялся литовскому митрополиту Феофану, а также отлучил от церкви активного противника ордынской власти, руководителя антитатарского Тверского восстания 1327 г. Александра Михайловича и жителей Пскова, которые приняли этого князя. Поддержку Александр Михайлович получил от епископата Литовской митрополии и князя Гедимина.

После смерти литовского митрополита Феофила около 1330 г. его личное имущество было описано канцелярией Киевского митрополита Феогноста [15, с. 271]. Таким образом, византийские власти взяли курс на возрождение единства церковной структуры на Руси, что соответствовало и интересам Золотой Орды. Как верно заметил И. Мейендорф «Связь Византии с Золотой Ордой помогает понять, почему в XIV веке константинопольский патриарх старался сохранить на Руси единую систему церковного управления, возглавляемую одним митрополитом, резиденция которого должна была находиться на территориях, подвластных татарам, а не в Литве, например» [16, с. 146]. Однако единства церковной структуры всё же вновь не было установлено. Во-первых, период 30 – начала 50-х гг. византийские источники говорят о литовской митрополии не как о упразднённой, а как о незамещённой [15, с. 271]. Во-вторых, незадолго до смерти литовского митрополита

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ имени Ф. Скорины

Феофана, либо сразу же после неё в Галиче был избран митрополитом Гавриил, который в апреле 1331 г. он участвовал в константинопольском синоде.

Деятельность Гавриила была предвестником возрождения Галичской митрополии. Кроме политического аспекта этого процесса, вероятно присутствовал и внутрицерковный фактор. В 1329 г., как было сказано выше, киевский митрополит отказался утвердить ростовским епископом Гавриила, а в 1331 г. Феогност отверг Арсения, который был рукоположен епископами, ранее подчинявшиеся литовскому митрополиту Феофану (Арсений был избран собором епископов: Феодором Галицким, Марком Перемышльским, Григорием Холмским и Афанасием Владимирским). Возник конфликт, который Феогност попытался решить при помощи Орды и Византии. Однако решение конфликта оказалось не в пользу киевского митрополита, патриарх Исаия (либо его преемник Иоанн XIV) возвёл галичского епископа Феодора в статус митрополита Галицкого и Малой Руси.

На соборах галицко-литовских епископов в 1332 г. при участии Феодора епископом Чернигова был поставлен Павел, в 1335 г. епископом Брянска назначен Иоанн. Ни митрополит Феогност, ни епископы Великой Руси (т.н. Владимирского княжества и зависимых от него княжеств) на этих выборах не участвовали, что свидетельствует о том, что границы митрополии Малой Руси в 1332 г. значительно расширились. В последующем митрополит Галицкий упоминается в акте Константинопольского патриархата как участник синода в 1337 г. [10, p. 171].

В 1346 г. в состав галицкой митрополии вошла Смоленская епархия, о чём свидетельствует хиротония Евфимия, в хиротонии принимал участие епископ Белгородский Кирилл, что говорит о расширении Галицкой митрополии [14, p. 52-56]. Таким образом, в середине 1340-х г. административный раздел митрополий проходил следующим образом. Белгородская, Черниговская, Полоцкая, Владимирская, Турово-Пинская, Смоленская, Галицкая, Перемышльская, Холмская, Луцкая и Брянская епархии входили в Галицкую митрополию Малой Руси. В составе Киевской митрополии находились Владимиро-Суздальская митрополичья область, Ростовская, Рязанская и Сарайская епархии. За Новгородскую и Тверскую епархиюи, а также Псковскую республику продолжалась борьба. В частности, поставленный Феогностом новгородский архиепископ Василий, в 1341 г. получил из Константинополя крестчатые ризы и белый клобук и стал независимым от киевского митрополита. В последующем новгородский архиепископ Моисей также получит от константинопольского патриарха Филофея право носить клетчатые ризы и белый клобук. Патриарх также Моисею непосредственно обращаться к Константинопольскому патриарху, минуя Киевского митрополита.

В сентябре 1347 г. в Византии произошли серьёзные политические изменения. Во главе империи стал Иоанн VI Кантакузин, благодаря которому киевскому митрополиту Феогносту и великому князю московскому Симеону Гордому удалось одержать крупную дипломатическую победу. Церковный собор в Константинополе при патриархе Исидоре признал, что разделение русской митрополии на две части незаконно. Императорский хрисовул, изданный в связи с этим, гласит: «С тех пор, как русский народ, по благодати Христовой, получил богопознание, священные епископии Малой Руси, находящиеся в местности, называемой Волынью: Галицкая, Владимерская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская, также, как и святейшие епископии Великой Руси, принадлежали к киевской митрополии… По силе настоящего хрисовула нашего царского величества, упомянутые епископии Малой Руси и впредь пусть будут подчинены митрополии киевской » [17, с. 799, 802]. Таким образом, император, который, стремясь опереться на союз с татарами, объявил авторитетного в Орде Феогноста митрополитом Киевским и всея Руси, а от противников Орды потребовал подчиниться митрополиту Феогносту. Дальнейшая судьба галицкого митрополита Феодора неизвестна, однако можно усомниться в том, что Феодор направился на суд, оставшись, вероятно, в Литве.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Однако для великого князя литовского Ольгерда, который проводил активное освобождение русских земель от татар, а это значит выводил из-под контроля московских князей значительные территории, важно было иметь поддержку со стороны православной церкви. На проордынского де-юре киевского, а де-факто московского митрополита Феогноста Ольгерд вряд ли мог рассчитывать. В связи с этим для князя было необходимо возродить православную митрополию в Литовско-Русском государстве. По поручению Ольгерда в 1352 г. в расколутую гражданской войной Византию прибыл как кандидат от Великого княжества Литовского на кафедру митрополита Руси Феодорит [10, p. 350-351]. Константинопольское правительство Иоанна VI Кантакузина, отказалось утвердить Феодорита, однако он был поддержан враждебной Кантакузину партией сторонников императора Иоанна V Палеолога. Феодорит был посвящён в русские митрополиты болгарским патриархом Тырновским. Из-за скудности исторических источников неизвестен точный титул Феодорита, И. Мейендорф справедливо допускает, что это мог быть титул не литовского митрополита, а митрополита Киевского и всея Руси» [16, с.447]. Доподлинно известно, что Феодорита признавал новгородский архиепископ Моисей.

В 1354 году, через год после смерти Феогноста, всё то же правительство Кантакузина возвело в ранг митрополита московского ученика Феогноста владимирского епископа Алексия. В свою очередь Тырновский патриарх, поддерживающий Иоанна Палеолога в 1355 году возвёл на литовскую митрополичью кафедру Романа, который, согласно Рогожскому летописцу был тверичём по происхождению. Между митрополитами Романом и Алексием началась борьба за Киевскую кафедру, и в 1356 году они оба посетили Константинополь. Есть сведения, что митрополит Алексий в 1358 г. приезжал в Киев, однако был здесь арестован, но смог сбежать в Москву. В 1360 г. Роман посетил Тверь. Претензии Алексия к Роману разбирались на константинопольском синоде в июле 1361 г. В результате патриарх Каллист узаконил существование двух церквей на Руси. За Романом он закрепил три литовских епархии (Малого Новгорода, Полоцка и Турова), «еще и епархии Малой Руси», а за Алексеем Киев, Брянск, и Великую Русь [8., с. 28; 10, p. 441]. Однако Киевское княжество входило в состав ВКЛ, поэтому фактически киевская митрополия оказалась в руках Романа. Противоборство митрополитов за Киев закончилось со смертью Романа в 1362 году.

Между тем, захват Польшей Галицкого княжества привело к появлению на территории этого католического государства не только многочисленного православного населения, но и центра одной из русских православных митрополий. В 1370 г. польский король Казимир отправил патриарху Филофею послание, в котором просил рукоположить в митрополиты Галицкие епископа Антония [10, p.577-578]. В мае 1371 г. было выдано подписанное патриархом Филофеем соборное определение, согласно которому Антоний назначался галицким митрополитом с властью над Холмской, Туровской, Перемышльской и Владимирской епархиями [10, p. 578-580]. Однако позиции митрополита Антония были более чем шаткие. В 1375 г., в связи с поручением папы Григория XI архиепископу Краковскому назначить католических епископов в Галич, Перемышль, Владимир-Волынский, Холм, Антоний был вынужден покинуть Галич и перенести оттуда свою резиденцию [18, с. 118-120]. Антоний перестал исполнять митрополичьи обязанности к 1377 г., так как в 1376 или 1377 г. епископа на Владимиро-Волынскую кафедру посвящал уже митрополит Литвы и Малой Руси Киприан [19, с. 181].

Появление в Польше митрополита, которому должны были подчиняться православные епархии ВКЛ вызвало острую реакцию великого князя литовского Ольгерда, который потребовал от патриарха поставления в Литовско-Русском государстве независимого от Польши и Москвы митрополита. В 1371 г. Ольгерд, жалуясь патриарху на враждебность митрополита Алексея, просит патриарха дать ему особого митрополита «на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль и Нижний Новгород» [8, с. 32; 20, с. 806]. Патриарх Филофей обратился к митрополиту Алексию с полным критики письмом: «Когда

Репозиторий ГГУ имени Ф. Скорины

мы рукополагали тебя, то рукополагали в митрополита киевского и всея Руси: не одной какой-нибудь части, но всей Руси; теперь же слышу, что ты не бываешь ни в Киеве, ни в Литве, но в одной только [русской] стране, все же прочий оставил без пастырского руководства, без отеческого надзора и наставления. Это – тяжкое [упущение] и противно преданию священных канонов. Тебе следует обозревать всю русскую землю и иметь отеческую любовь и расположение ко всем князьям, – любить их равно и показывать к ним одинаковое расположение, благосклонность и любовь, а не так, чтобы одних из них любить, как своих сынов, а других не любить, но всех равно иметь своими сынами, всех равно любить» [21, с. 807].

Освобождение Ольгердом Киева от татар закрыло дорогу киевскому (реально-московскому) митрополиту Алексию путь в этот древний культурно-религиозный центр Руси. Естественное желание Ольгерда создать митрополию ВКЛ могла быть реализована в двух видах. Во-первых, можно было вновь назначить митрополита Литвы и вывести из-под подчинения Алексия земли ВКЛ, но тогда Киев, митрополитом которого юридически был Алексий, оказался бы не под властью киевского, а под властью литовского митрополита. Второй путь мог реализоваться в виде назначения нового киевского митрополита для всей Руси, который бы находился не в зависимом от Орды Московском княжестве, а в суверенной Литовско-Русской державе. Второй вариант был более привлекателен для Византии, так как соответствовал интересам ромеев в сохранении единой православной митрополии на Руси (за исключением Галичского княжества, которое уже вошло в состав Польши). В 1373 г. патриарх Филофей направил на Русь своего экклисиарха Киприана, который около 1373 г. приехал в Великое княжество Литовское и Русское и начал проводить политику примирения литовских, смоленских и тверских князей с митрополитом Алексием, оказывавшим огромное влияние на московского князя Дмитрия Донского. Во многом, благодаря усилиям патриаршего посла зимой 1373/1374 года тверской князь Михаил отказался от претензий на великое княжение во Владимире, и митрополит Алексий снял с него наложенное ранее отлучение. Киприан активно содействовал объединению церковной структуры, вместе с митрополитом Алексием путешествовал по Северо-Западной Руси. О стаусе Киприана в православной церкви Московского государства свидетельствует его участие в рукоположении в 1374 г. тверским епископом Евфимия, которое совершал Алексий.

Однако усилия Киприана оказались напрасными. После получения Михаилом Тверским от Мамая ярлыка на великое Владимирское княжение московский князь Дмитрий Донской в 1375 г. организовал поход на Тверь. Митрополит Алексий благословил московское войско, что означало крах объединительной политики Киприана. Вероятно, это подтолкнуло патриарха Филофея рукоположить Киприана в сан митрополита Киевского, Русского и Литовского 2 декабря 1375 г. Однако надежды на объединения остались, т.к. патриарший собор постановил, что после смерти митрополита Алексия Киприан должен быть «одним митрополитом всея Руси».

9 июня 1376 г. Киприан уже в статусе митрополита вернулся в Киев, где занялся активной административной деятельностью. После смерти Алексия в 1378 Киприан, согласно решению патриаршего собора 1375 г., попытался воссоединить Киевскую митрополию, однако столкнулся с ожесточённым сопротивлением московского князя Дмитрия Донского. По его приказу, прибывший в Москву митрополит был арестован, ограблен, а затем выдворен из Москвы. За эти действия Дмитрий Донской и его слуги были отлучены от церкви и прокляты специальным посланием Киприана [19].

Подобные действия московского князя были связаны с желанием иметь предсказуемого, зависимого от власти первоиерарха. Таким «ручным» митрополитом должен был стать духовник московского князя коломенский священник Митяй. Ещё при жизни митрополита Алексия он в спешном порядке был пострижен в монахи под именем Михаил и назначен архимандритом Спасского монастыря. После смерти Алексия Михаил

ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

(Митяй) в буквальном смысле был назначен митрополитом, что вызвало протест среди духовенства. Попытка «провести» Митяя на митрополию через поместный собор не удалась, т.к. часть епископата во главе с суздальским епископом Дионисием заявила о незаконности такого поставления.

Для разбора этой ситуации заинтересованные лица – Киприан, Митяй и Дионисий отправились в Константинополь. Однако, два последних не достигли земель ромеев. Дионисий, даже не выехав из Руси, был схвачен людьми Дмитрия Донского и отправлен в заточение. Митяй, посетивший перед Византией Золотую орду и получивший согласия Мамая, умер 29 сентября перед самой высадкой в Константинополе. В тоже время Киприан достиг больших успехов, о чем свидетельствует его участие в заседании синода 6 октября 1379 г. в качестве митрополита всея Руси.

Однако московская делегация не растерялась и, учитывая смену патриарха, а также использовав подписанные князем документы без имени, смогла добиться поставления митрополитом одного из участников делегации – игумена переславского монастыря Пимена. Киприан, который покинул Константинополь до соборного суда, был осужден, но оставлен митрополитом Литвы и Малой Руси, с тем условием, что после его смерти Пимен распространит свою власть и на литовские епархии.

Тем временем в политике московских князей происходят серьёзные изменения, которые ознаменовались попыткой выхода из-под власти Орды. Вернувшись в Великое княжество Литовское и Русское, митрополит Киприан поддержал действия московского князя и благословил на борьбу с татарами Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, которые впоследствии участвовали в разгроме ордынских войск на Куликовом поле. Антиордынская политика сблизила московского князя с Киприаном и в феврале 1381 г. Дмитрий Донской пригласил его на митрополию Великой Руси. Несмотря на решения патриарха Нила, который уже назначил Пимена, Киприан с почётом был встречен в Москве, где он занял митрополию и объединил её, таким образом, с митрополией Литвы и Малой Руси. Вернувшийся в это время из Константинополя Пимен был обвинён в обмане, схвачен и сослан в Чухлому.

Однако вскоре положение митрополита в Москве изменилось. Возвышение в Орде хана Тохтамыша, его поход на Москву в 1382 г., вернуло московского князя в статус татарского вассала. В этих условиях фигура Киприана становилась неудобной для московского князя и неприемлимой для ордынцев. В связи с этим Киприан сначала отправился в Тверь, затем в Новгород, а после этого вернулся на кафедру в Литовско-Русское государство. В Москве митрополитом стал освобождённый из заточения Пимен. Однако ставший известным способ его назначения митрополитом вызывал протест среди части духовенства. Против Пимена начали борьбу суздальский архиепископ Дионисий и игумен Феодор Симоновский. В июне 1383 г. Дионисий вместе с Феодором были направлены Дмитрием Донским в Константинополь для решения вопросов об управлении киевской митрополией. В византийской столице Дионисий добился направления в Московскую Русь патриарших посланников для исследования ситуации, а сам получил сан митрополита. Целесообразно согласиться с И. Мейендорфом, который вполне обосновано предполагает, что Дионисий, не получил сан митрополита, а был назначен временно исполняющим обязанности митрополита [16, с. 511]. Миссия Дионисия не была согласована с литовским князем и его назначение на митрополию вызвало недовольство православного духовенства и общества Литовско-Русского государства. Весной 1384 г. Дионисий, который возвращался из Константинополя, был задержан и заключён под стражу киевским князем Владимиром Ольгердовичем. Пробыв в заключении больше года 15 октября 1385 г., он скончался и был похоронен в Киево-Печерском монастыре.

В 1385 г. митрополит Киприан был вызван патриархом Нилом в Константинополь для канонического разбирательства своей деятельности. В столицу он прибыл вместе с патриаршими послами, которые закончили в Москве следствие по делу Пимена.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Любопытно, что в Константинополе в 1385-1387 гг. Киприан в статусе русского митрополита неоднократно участвовал в заседаниях синода. За это время в Великом княжестве Литовском и Русском произошли значительные изменения. Великий князь Ягайло стал польским королём, перешёл из православия в католицизм, принял привелей согласно которому в Литовско-Русском государстве фактическое преимущество получили бояре католического вероисповедания, проходил процесс крещения литовцев и жемайтов по латинском обряду. Вероятно, с целью противодействия вестернизации ВКЛ, 29 мая 1387 г. Киприан снова отправился на Русь. Представляется, что выступление князя Витовта против Ягайло произошло не без влияния Киприана, не случайно дочь Витовта Софья была выдана замуж за московского княжича Василия, который летом 1387 г. приехал с митрополитом из Молдовы. (Там Василий оказался после бегства из орды, где он находился в статусе заложника после похода Тохтамыша).

В феврале 1389 г. новый константинопольский патриарх Антоний, восстановил Киприана в статусе митрополита Киевского и всея Руси, т.о. Пимен оказался вне закона. Попытки Пимена изменить решения патриархии оказались безуспешными, вскоре он умер в Константинополе [22]. 6 марта 1390 г. Киприан прибыл в Москву. Однако единство митрополии оказалось скорее формальным нежели реальным. Вне реальной юрисдикции Киприана оставалась галицкая епархия, которая находилась в составе Польши, кроме того фактически независимым оставался новгородский архиепископ. Напомним, что ещё в середине XIV в. новгородский архиепископ Моисей получил право обращаться непосредственно к патриарху. Новгородцы, пользуясь слабостью Пимена, с 1385 г. перестали принимать митрополита для суда, отдав это право своему архиепископу. Ни усилия патриарха, который в своих посланиях назвал новгородского владыку просто «епископом», ни отлучение, наложенное митрополитом на новгородцев, не возымели действия. Однако после вторжения московского войска в 1393 г. новгородцы, между прочим, признали приоритет Киприана, однако в 1395 г., когда митрополит вместе с патриаршим послом прибыл в Новгород, в праве апелляционного суда было вновь отказано [16, с. 504]. Это было связано с ослаблением Москвы перед угрозой очередного татарского вторжения со стороны Тимура. В связи с этой угрозой, кстати, по инициативе Киприана из Владимира в Москву была перенесена Владимирская икона Божией Матери, которая, как считается, «отвратила» завоевателей от похода на Русь. .

Объединительная деятельность митрополита Киприана проходила не только на уровне русской митрополии, она пролегала и в более высокой сфере. Киприан, как и многие представители греческого духовенства, наблюдая рост опасности со стороны османов для Византии, переносили это в церковную сферу. Ромейская империя являлась центром православного мира, в связи с чем опасность её завоевания мусульманами представлялась как опасность для всего православного мира. Одним из путей спасения православия в целом и Византии в частности представлялось объединение двух христианских церквей. Ещё в 1274 г. была заключена, оказавшаяся недолговечной, лионская церковная уния католической и православной церквей. В середине XIV в. переговоры об объединении христианства велись на уровне патриархии. В 1367 г. патриарх Филофей по этому поводу писал архиепископу Охридскому: «Мы согласились с папскими послами, что, если наше учение на соборе окажется не хуже любого латинского, они придут к нам и примут нашу веру; перед Богом осмеливаемся мы сказать, что это действительно произойдёт» [16, с. 514]. Киприан на своём уровне пытался примирить церкви. В 1396–1397 гг. он неоднократно встречался с великим князем литовским Витовтом и польским королем (Ягайло и выдвинул идею проведения собора в Литовской Руси. В 1397 г. Киприан с этим предложением обратился в Константинополь, но патриарх в качестве условия рассмотрения данного вопроса предложил киевскому митрополиту, используя его влияние на польского короля, организовать крестовый поход против османов для спасения находившейся в «клинической смерти» Византии. Реализовать задумку

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

патриарха было фактически невозможно в связи с тем, что буквально за год до этого, в 1396 г. крестоносцы, выдвинувшиеся для спасения Византии, потерпели страшное поражение в битве под Никополем.

Жизнь и деятельность митрополита Киприана – это целая эпоха в жизни православной церкви на Руси, результаты его реформаторской деятельности ощутимы и сейчас. Помимо активной административной деятельности, весомым представляется наследие литературное митрополита Усилиями Киприана в Литве стало развиваться почитание виленских мучеников, а в Москве – князя Александра Невского, была создана новая редакция жития митрополита Петра. На смену студийскому уставу в русской церкви приходит иерусалимский церковный устав, распространяется исихазм, мартовский год заменяется сентябрьским. Вполне закономерным является предположение, что в период реформаторской деятельности Киприана на территории современной Беларуси и Украины в церковной практике не только распространилось, но и закрепилось троеперстие.

После смерти Киприана в 1406 г. стал вопрос о новом митрополите. В 1408 г. патриарх Матфей рукоположил в митрополита Киевского и всея Руси Фотия. 1 сентября 1409 г. новый митрополит прибыл в Киев, а затем, пробыв здесь пол года, переехал Москву, куда он прибыл 22 апреля 1410 г. В условиях соперничества между Литовско-Русским и Московским государствами однозначная поддержка Фотием последнего вызвала конфликт митрополита с великим князем Витовтом. Большие сборы с духовенства и вывоз их в Москву так же не подымали авторитета Фотия в Литовской Руси. Исходя из интересов Великого княжества Литовского и Русского Витовт в 1412–1414 гг. фактически изгнал Фотия из Киева и дважды обращался к императору Мануилу с просьбой дать Литовской Руси иного митрополита, кандидатуру которого он уже представил Константинополю, однако император отказал. В ответ Витовт, несмотря протест патриарха провёл собор в Новогрудке, на котором участвовали как представители духовенства, так и миряне православного вероисповедания Литовской Руси. 15 ноября 1415 г. архиепископ Полоцкий Феодосий и епископы Исаакий Черниговский, Дионисий Луцкий, Герасим Владимирский, Галасий Перемышльский, Савастьян Смоленский, Харитон Холмский и Евфимий Туровский подписали соборную грамоту о избрании молдо-влахийского епископа Григория Цамблака и посвящении его в митрополита Киевского и всея Руси. Фотий решительно с этим не согласился и разослал грамоты с призывом не признавать Григория каноничным митрополитом, обвиняя его в отступничестве от православия и сговоре с папством, что впоследствии оказалось клеветой. Патриарх Евфимий II наложил на Григория проклятие и совместно с императором Мануилом II призвали Витовта признать духовную власть только за Фотием.

В 1416 г. Григорий, после набега крыских татар на Киев перенёс кафедру в Вильно, а своей резиденцией избрал Новогрудок. В 1418 г. митрополит с большим посольством, включающем в себя около 300 представителей Литовской Руси, Новгорода, Молдовы, отправился на Констанцский собор, где, между прочим, провёл богослужение, свидетельствующее об использовании православной церковью ВКЛ троеперстия [23, с. 361-370]. Несмотря на стремление Витовта снять межконфессиональные противоречия в Литовско-Русском государстве посредством заключения церковной унии на Констанцком соборе, митрополит Григорий решительно отказался от её упрощенного понимания. В своей речи на соборе митрополит Григорий выразил мнение, что единство церкви можно возродить на специально собранном соборе с широким представительством богословов обеих церквей на основе взаимного учёта интересов. Однако эта речь была скорее декларацией о намерениях, т.к. сама католическая церковь в этот момент переживала серьёзные трудности, называемые «Великой схизмой». Таким образом, часто встречаемые в популярной либо ангажированной литературе противоположные мнения относительно взглядов Григория Цамблака на унию – от характеристики его как отступника православия до крайнего противника унии, представляются не совсем корректными. Григорий был

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

активным защитником православия, однако не исключал восстановления единства церкви в случае взаимопонимания и диалога. Судьба Григория после 1420 г. остаётся предметом дискуссий. Согласно одним данным он умер в Киеве зимой 1420 г., согласно другим – уехал в Сербию, а затем в Молдову, где занимался литературной деятельностью. В любом случае, после 1420 г. православные епархии Литовской Руси оказались под властью митрополита Фотия, который посетил их в этом же году.

После смерти Фотия в июле 1431 г. встал вопрос о назначении нового митрополита. В Московском государстве фактическим руководителем церкви становится епископ рязанский и муромский Иона. С 1432 г. он стал называться «наречённым в святейшую митрополию Русскую». Вопрос о новом митрополите встал в тяжёлые и для Московской и Литовской Руси времена – в обоих государствах шла ожесточённая борьба за власть. Однако в ВКЛ эта борьба приобрела особый характер, т.к. линия политического разлома фактически совпадала с конфессиональной. Возможно с целью поддержки «православной партии» Литовско-Русского государства в конце 1432 – начале 1433 г. патриарх Иосиф II не утвердил Иону, который так в Константинополе и не появился, возвёл в сан митрополита Киевского и всея Руси «литовского» кандидата - смоленского епископа Герасима. Каноническая власть Герасима распространялась кроме Литовской Руси также на Новгород и Псков. Первоначально Герасим пользовался благосклонностью великого князя литовского Свидригайло, существует мнение о его поддержке идее унии православной и католической церквей, что соответствовало политике константинопольского патриарха Иосифа II. Однако вскоре Свидригайло заподозрил митрополита Герасима в тайной и переписке с враждебным ему князем Сигизмундом Кейстутовичем. В результате этого Герасим был арестован и сослан в Витебск, где через четыре месяца 26 июля 1435 г. был сожжён [24, с. 442]. Этот, безусловно, варварский акт во многом решил судьбу Свидригайло как великого князя.

В Константинополь за митрополичьим саном был направлен московский претендент рязанский епископ Иона, однако в 1436 г. патриарх Иосиф II возвёл в сан митрополита Киевского и всея Руси одного из наиболее образованных представителей византийского духовенства Исидора. 2 апреля 1437 г. с ближайшим помощником монахом Григорием Болгарином и епископом Ионой прибыл в Москву. Исидор сумел убедить московского князя Василия II Тёмного в необходимости участия в переговорах с католическими архиреями в рамках вселенского собора для восстановления единства церкви.

Получив одобрение великого князя 8 сентября 1437 г. представительная делегация православного духовенства Московского государства во главе с митрополитом Исидором направилась во Флоренцию, где проходил Ферраро-Флорентийский собор. На соборе присутствовал константинопольский патриарх Иосиф II, представители александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов и других поместных православных церквей. Важнейшим достижением собора стало подписание договоров о восстановлении единства с православной церковью, армянской апостольской церковью, сиро-православной церковью. Митрополит Исидор активно участвовал в этом процессе и 5 июля 1439 г. поставил свою подпись как митрополита Киевского и всея Руси под соборным определением после византийского императора Иоанна Палеолога.

В начале марта 1440 г. Исидор, находясь в Буде, как митрополит Киевский и всея Руси, кардинал и легат для православных епархий Литовско-Русского и Московского государств написал окружное послание, в котором сообщил о восстановлении единства церкви и равноправии католического и православного обрядов. В конце марта он прибыл в Краков, где встретился с польским королём Владиславом III и его братом Казимиром, который буквально через 3 месяца стал великим князем литовским. По пути в Москву Исидор посетил Галицкую православную епархию и ряд епархий Великого княжества Литовского, после чего 19 марта 1441 г. прибыл в столицу Московского государства. Однако после проведения в Успенском соборе Москвы богослужения с поминанием имени

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

римского папы и прочтения соборного определения, через три дня был арестован и сослан в Чудов монастырь. Несмотря на давление со стороны князя Василия II и назначенного им руководителя православной церкви Московского государства епископа Ионы, митрополит Исидор продемонстрировал твёрдость своих взглядов, отказался от покаяния и отречения от унии. Пробыв в заточении полгода, в сентябре 1441 г., Исидору удалось покинуть место своего заточения, после чего в начале 1442 г. он прибыл в Литовско-Русское государство. Находясь в Великом княжестве Литовском, Константинополе, Буде, Риме Исидор всячески старался провести идею церковной унии в жизнь, повысить статус православной церкви в католических странах. Одним из результатов этой деятельности стал привелей польского и венгерского короля Владислава III о равенстве обеих церквей. В мае 1453 г. митрополит Исидор участвовал в защите Константинополя от турок, попал в плен, смог бежать, после чего он отправился в Рим.

Тем временем, в Москве на соборе епископов Московского княжества митрополитом был избран Иона. С этого момента и вплоть до 1686 г. обе митрополии стали жить автономной друг от друга жизнью. В октябре 1458 г. Исидор, уже как титулярный константинопольский патриарх попытался вновь объединить митрополии, назначив митрополитом Киевским и всея Руси своего ученика Григория Болгарина, однако реализовать эту идею не удалось. В конце 1459 г. в Москве прошёл собор, на котором констатировалось, что «совершилось разделение Божиих церквей Московской и Киевской». Фактически создавалась новая церковная структура «святой церкви Московской» [25, с. 40]. В этой церкви был принят новый порядок избрания митрополитов который теперь не назначался константинопольским патриархом, а избирался собором епископов с согласия местного князя. Решения этого собора не были признаны православными епископами в Великом княжестве Литовском, таким образом, произошло окончательное разделение Киевской митрополии. В Москве образовалась автокефальная православная церковь, предстоятели которой после смерти Ионы уже пользовались титулом митрополитов Московских и всея Руси.

Таким образом, в XV в. завершился сложный, но исторически закономерный процесс разделения киевской митрополии и выделения из неё митрополии московской. Образование на территории бывшего Древнерусского государства двух конкурирующих центров собирания русских земель привело к дезинтеграции русской этнокультурной общности и развитию процесса формирования западнорусской и восточнорусской народностей. Формирование этих народностей проходило в условиях борьбы с внешним врагом, в том числе и друг с другом, и поддержка духовным лидером какой-то одной стороны вызывало протест с другой. Несмотря на все попытки Византии, Великого княжества Литовского и Русского и Великого княжества Московского, исходя из своих государственных интересов, сохранить единство «Русской церкви», объективная реальность требовала создания двух отдельных митрополий.

Источники и литература

1. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. — СПб., 1997. — Т. 1: XI—XII века. – 543 с.

2. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн.Кн.2: История России с древнейших времен. Т.3–4 — М.: Голос, 1993. — 768 с.

3. Голубинский, Е. Исторія Русской церкви. Т. 2: Періодъ второй, московскій/ Е.Е. Голубинский. - М.: университет. тип., 1900. – 903 с.

4. Макарий (Булгаков), История Русской церкви. В 12 т. — СПб., 1883. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/history/makary/makary.htm. - Дата доступа: 10. 08.2015. //

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

5. Карташёв, А. В. Очерки истории Русской церкви А.В. Карташёв. — Париж: YMCA, 1959. — Т.1. – 685 с.

6. Никольский, Н.М. История русской церкви/ Н.М. Никольский. - 3-е изд. - М.: Политиздат, 1985. — 448 с.

7. Огієнко, І Українська Церква. Нариси з історії Української Православної Церкви/. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://litopys.org.ua/ohienko/oh.htm. Дата доступа: 10. 08.2015.

8. Мірановіч, А. Праваслаўная Беларусь / А. Мірановіч. — Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2009. - 352 с.

9. Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней архиепископа Филарета Черниговского. В 2 кн. Январь-июнь. — М.: Сибирская Благозвонница, 2011. — 959, [1] с.

10. Соловьёв, А.В. Великая, Малая и Белая Русь// Вопросы истории. - № 7. - 1947. - С. 24-38.

11. Павлов, А.С. О начале Галицкой и Литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в.// Русское обозрение. - 1894. - Кн. 5 (май). - С. 236—241.

12. Miklosisch, F., Müller, I. Acta et diplomata Graeca medii aevi. Volumen 1. Acta patriarchatus Constantinopolitani Tomus prior. - Vindobonnae, Carolus Gerold, MDCCCLX (1860). – 607 p. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://anemi.lib.uoc.gr/. Дата доступа: 10. 08.2015.

13. Послание Нифонта патриарха Константина града, к великому князю Михаилу всея Руси // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI-XV в. – С. 147-150. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bookre.org/r. Дата доступа: 10. 08.2015.

14. Написание Акиндина, мниха лавры святыя Богородица , к великому князю Михаилу, о поставляющих мзды ради// Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI-XV в. – С. 150-157. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bookre.org/r. Дата доступа: 10. 08.2015.

15. Regel, W. Analecta Byzantino-Russica. Petropoli; Lipsiae, 1891. P. XXXII—XXXVII.

16. Соколов, П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. – Киев, тип. И.И. Чоколова, 1913. – IV, 577 с.

17. Мейендорф, И., Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке/ И. Мейендорф. - Paris: YMCA-PRESS, 1990. – 830 с.

18. Хрисовул императора Иоанна Кантакузина (август 1347 г.) // Мейендорф И., Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке.- Paris: YMCA-PRESS, 1990. – С. 799-802.

19. Тихомиров, Н.Д. Галицкая митрополия: церковно-историческое исследование / Тихомиров Н. Д. – СПб : Печатня Е. Евдокимова, 1895. – 186 с. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lib.mgppu.ru/. Дата доступа: 10. 08.2015.

20. Грамота митрополита Кипріана// Памятники древнерусского канонического права, Ч. I. // Русская историческая библиотека, Т. VI. - СПб., 1880. - С. 173-187.

21. Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижнего Новгорода. (1371 год)// Мейендорф, И., Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. - Paris: YMCA-PRESS, 1990. – С. 805-806.

22. Грамота патриарха Филофея к митрополиту Алексию с увещанием помириться с тверским князем Михаилом и не оставлять литовских епархий без пастырского надзора (1371 год)// Мейендорф, И., Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. - Paris: YMCA-PRESS, 1990. – С. 807.

23. Прохоров, Г.М. Летописная повесть о Митяе. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://odrl.pushkinskijdom.ru/. Дата доступа: 10. 08.2015.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

24. Успенский, Б. Этюды о русской истории/ Б. Успенский. - СПб, "Азбука", 2001. - 480 с.
25. Бажэнаў, Ю. Герасім// Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. Т. 1. — Мінск: БелЭН, 2005. – С. 528.
26. Русская Православная Церковь, 988-1988. Очерки истории I-XIX вв. М.: Изд. Московской Патриархии, 1988. Вып. 1. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/lib/text/436357. Дата доступа: 10. 08.2015. // /

Stanislau Czaropka. The orthodox church in Rus XIII-XV centuries: the struggle for metropolitan. This article examines the process of registration on the basis of the Kyiv Metropolitanate of all Rus two independent of each other Church structures- Metropolitanate of Kyiv, Halychyna and all Rus in the Grand Duchy of Lithuania and Rus and of the Metropolitanate of Moscow and of all Rus for the Grand Duchy of Moscow.

УДК 94:355(476+474.5) «15/16»

А.П. Шиляев
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОСПОЛИТОЕ РУШЕНЬЕ КАК ЧАСТЬ ВОЙСКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Представленная статья посвящена одной из наиболее противоречивых составных частей войска ВКЛ – посполитому рушенью. В условиях многочисленных военных угроз войско ВКЛ вынуждено было встать на путь преобразований, которые затронули и шляхетское ополчение, что вызвало появление специальных законов, призванных упорядочить и регламентировать сбор и несение службы в посполитом рушенье.

С начала 16 века ВКЛ находилось практически в постоянной конфронтации с соседними государствами, в первую очередь с Московским княжеством. Многочисленные противоречия перерастают в целую череду конфликтов, известных как пограничные войны (1492 – 1494; 1500 – 1503; 1507 – 1508; 1512 – 1522; 1534 – 1537). С другой стороны земли княжества находились под постоянной угрозой набегов со стороны Крымского ханства. Положение осложнялось тем, что набеги крымских татар зачастую совпадали с очередной войной с Московским княжеством. В таких условиях княжеству просто необходимо было усиливать свои вооруженные силы, искать наиболее эффективные варианты их комплектования и организации, для противостояния многочисленным внешним угрозам.

По своей структуре вооруженные силы ВКЛ во времена правления последних Ягеллонов представляли сочетание старых и новых принципов организации армии. Традиционным, основанным на феодальных принципах организации и комплектования было посполитое рушение – шляхетское ополчение. Само по себе ополчение было крайне неоднородной и довольно громоздкой структурой. В течение первой половины 16 века делались неоднократные попытки реформировать, упорядочить и регламентировать службу в ополчении. Еще в 1502 году великий князь Александр Казимирович на сейме с панами радными постановил, что отныне всякий землевладелец обязан выступать в поход «конно, людно и оружно», выставляя с каждых 10 служб одного полностью вооруженного и экипированного конного ратника. При его преемнике великом князе Сигизмунде I Старом, Виленский сейм 1 мая 1528 года постановил, что «…хто кольвек маеть людей свойих в ыйменьях своих, тот повинен с кождых осми служоб людей ставити пахолка на добром кони во зброе з древом, с прапором, на котором бы был панъцер, прылъбица, меч, або корд, сукня цветная, павеза и остроги две…». Помимо всадников, снаряженных «по усарьску» или по

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

«козацьку», державцы были обязаны также выставлять и пехотинцев-драбов, вооруженных ручницами, секирами и ощепами [1, с. 128].

Наиболее ярко демонстрируют эту тенденцию Статуты ВКЛ 1529 и 1566 годов, где оговаривались условия и порядок службы в посполитом рушенье. Так в Статуте 1529 года были закреплены нормы, по которым все владельцы земельных участков (включая вдов и священников) были обязаны нести военную службу и участвовать в сборах и смотрах войска. «Постановляем с согласия всех наших рад и всех подданных, что каждый князь и пан, и дворянин, и вдова, а также каждый сирота, достиг он совершеннолетия или нет, и всякий иной человек, достигший совершеннолетия и имеющий земское имение, когда возникнет необходимость, обязан с нами и нашими потомками или при наших гетманах нести военную службу и снаряжать на военную службу столько людей, сколько в то время будет признано нужным по земскому постановлению согласно числу людей, как отчичей, так и похожих, и с имения как наследственного, так и выслуженного и купленного, за исключением заложенного ему нашего имения, в соответствии с постановлением, которое на то время будет принято» [2].

Также в Статуте был закреплен и территориальный принцип формирования посполитого рушения. «Желаем также и строго приказываем, чтобы все наши подданные, обязанные нести военную службу, лично явились и проходили смотр не в каком-нибудь ином месте, а только под своей поветовой хоругвью того повета, в котором живут, кроме особого гетманского приказа. А если бы кто-либо из них нес службу у кого-нибудь из наших панов радных или у врадников, или также у кого-нибудь другого, тот должен будет свое место возле своего господина, которому служит, заместить кем-либо другим, не обязанным нести военную службу, а свое место под хоругвью как обязательное ни под каким видом не смел бы оставить и опоздать к нему под угрозой утраты своего имения» [2].

После начала Ливонской или Инфлянтской войны (1558 – 1583) некоторые положения о сборе посполитого рушения пришлось корректировать. В 1563 году на Виленском вальном сейме были приняты решения о минимальной стоимости коней и вооружения, выставляемых в ополчение, причем за нарушение этого постановления грозила конфискация половины движимого и недвижимого имущества [3, с. 130]. Кроме того, шляхте теперь разрешалось находиться на службе в других почтах, при условии равноценной замены себя в поветовой хоругви, что позволяло сохранять слаженные боевые отряды и могло содействовать увеличению количества почтов некоторых шляхтичей [4, с. 658].

В Статуте 1566 года декларировалось, что созыв ополчения может быть объявлен князем только с согласия сейма. Однако при прямой военной угрозе согласия сейма не требовалось. «Обецуем и уставуемъ вечными часы быти держано, ижъ кгды будеть потреба противко которого непріятеля нашого обороны земское сему панству нашому Великому Князству Литовскому, албо валка вести; тогды мы сами Господаръ або и съ паны радами нашими не маемъ ани будемъ того учынити, ани серебщызны и поплату никоторую установляти, ажъ первей соймъ великій вальный зложывшы въ томъ панстве нашом Великомъ Князстве Литовскомъ, на которомъ за росказаньемъ и листы нашими будуть повинни вси княжата и панове рады духовные и свецскіе, маршалки и иные врядники земскіе и дворные, панове хоруговные, послы земскіе поветовые зъехатися; тежъ на онъ часъ на сойме великомъ вальномъ зо радами нашими и зо всими княжаты и паняты и зо всимъ рыцерствомъ порядою а позволеньемъ ихъ маемъ таковые речы становити а не иначей. А ведьже где бы отъ котораго непріятеля нашого якое прудкое уторгненье было въ се панство наше Великое Князство; тогды и безъ сойму толко за листы нашими, а въ небытности нашой за листы пановъ радъ нашихъ гетмана нашого великого мають вси князи и панове подданые нашы, войны павинны, на часъ и местце назначаное ехати, яко на кгвалтъ, и то зъ милости Речы Посполитое боронечы собе жоны и детей маетности отчызны своее» [5].

Созыв и верховное руководство посполитым рушеньем осуществлял великий князь, а позже король, это положение будет закреплено в «Генриховых артикулах». Также там декларировалось, что ополчение может быть использовано только внутри государства, в

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

случае заграничного похода, для него устанавливалась плата [6]. Контроль за созывом ополчения осуществлялся гетманом при помощи сборов и смотров (пописов и шиковання). Гетман устанавливал место и сроки сбора ополчения, определял порядок его построения. Различались генеральное и воеводское ополчения. Отряды ополчения формировались по территориальному признаку. Каждый отряд возглавлял местный глава администрации, обычно кастелян или воевода, который на время похода получал звание полковника [7, p. 23].

По способу комплектования посполитое рушенье было неоднородно и делилось на несколько частей. Первая часть – это войска, которые выставляли высшие должностные лица и наиболее влиятельные шляхтичи ВКЛ со своих имений. Здесь в первую очередь необходимо выделить почты панов-рад, которые по своей численности могли соответствовать, а не редко и значительно превосходить хоругви. Так, к примеру, почт мстиславского воеводы Юрия Остика, по описи 1567 года, составлял 141 конного и 35 пеших воинов. Почт гетмана наивысшего Григория Ходкевича, по той же описи, составил 300 конных и 150 пеших [8].

Почт это минимальное подразделение, аналог средневекового копья. В состав этого отряда входил товарищ (командир) и от некоторое пахоликов (вассалов). Численность почта зависела от типа войск и богатства товарища. Кроме того, в состав отряда могли входить слуги и жены, в обязанность которых входило следить за обозными повозками и запасами провианта [7, с.12]. Так же можно выделить почты различных князей и княжат ВКЛ, более мелких чиновников и так называемые почты панские. Эти подразделения были уже заметно меньше по численности. При построении они формировали несколько отрядов, так можно выделить панский гуф и хоругвь урадников короля [9]. Интересной особенностью этих формирований является то, что почты со своих имений выставляли также вдовы указанных лиц.

Следующее составной частью ополчения была хоругвь дворная. Формировалась она из «дворян его королевской милости», то есть из шляхты, которая находилась на службе у короля. Здесь солдаты, так же, как и в предыдущем формировании выставлялись из имений, принадлежавших шляхте. Еще одной частью посполитого рушения, которая непосредственно формировалась по территориальному признаку, были войска, выставляемые от поветов княжества. От каждого повета выставлялись воины, которые обычно образовывали отдельную хоругвь. В описях войск зачастую понятия повет и хоругвь идентичны друг другу. Причем хоругвь возглавлял староста повета, который на это время получал должность ротмистра или хоружего. Количество солдат, которое выставляли поветы, могло серьезно различаться между собой. Так, к примеру, Городенский повет по описи 1567 года выставлял 714 конных и 48 пеших воинов, а Речицкий повет только 40 конных и 5 пеших [8]. В таких случаях могло быть образовано несколько хоругвей из представителей одного повета, или наоборот, войска нескольких малочисленных поветов сводились в единую хоругвь [9]. Наибольшее количество войск по переписи 1567 года давали западные поветы Виленского, Трокского, Новогрудского и Берестейского воеводства. Это можно объяснить большим числом населения в этих поветах и, естественно тем, что восточные поветы были разорены Ливонской войной и просто не могли выставить значительное количество войск [8].

Таким образом, видно, что поветы выполняли не только административную, но и военную функции. Однако следует отметить, что организованное подобным образом ополчение становилось все менее эффективным формированием. Одной из основных проблем ополчения была громоздкость и сложность его структуры. Сбор посполитого рушения представлял сам по себе уже крайне сложную операцию и занимал весьма значительный временной промежуток.

Особенно эта тенденция проявилась во время Ливонской войны (1558 – 1583). Так, Виленский великий вальный сейм, начавший свою работу 12 мая 1563 года, признал, что в значительной степени вина за утрату Полоцка лежит на шляхте, которая не торопилась выступать в поход по призыву великого князя, а если и приходила на сборы, то в неполных почтах. [1, с. 153]. Так, в 1565 году, ополчение численностью примерно в 8 тысяч собиралось с начала июля до октября месяца. Через два года новое ополчение, численность примерно 27

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

тысяч человек, собиралось с июня 1567 по март 1568 года. Само собой, такие продолжительные сроки мобилизации и развертывания сказывались на боеспособности Посполитого рушения [10, с. 430]. К тому же, столь многочисленное войско так и не проявило себя на поле боя, к концу января 1568 года власти констатировали, что большая часть шляхетского ополчения самовольно разъехалась по домам [3, с. 154].

Еще одним серьезным недостатком ополчения было нежелание шляхты воевать и участвовать в сборах. Причем это явление происходило по нескольким причинам. Мелкая и средняя шляхта были не заинтересованы в продолжительных военных сборах, так как это могло принести им серьезный экономический ущерб, служба в посполитом рушении на длительный период отрывала их от ведения хозяйственных дел, к тому же весьма остро стоял вопрос обеспечения. Поэтому они стремились всячески уклониться от службы или выставляли со своих имений меньшее количество солдат. Крупная шляхта, магнаты, могли саботировать сбор ополчения или же наоборот использовать его в своих целях по политическим причинам.

В середине 16 века наблюдается и проникновение в ополчение наемных методов комплектования. Согласно пописам 1565 и 1567 годов, многие крупные шляхтичи выставляли со своих имений большее количество войск «на ласку гаспадарскую», например, гетман великий Григорий Ходкевич предоставил со своих имений 200 конных, а «на ласку гаспадарскую» еще 100, воевода брестский Юрий Тишкевич выставил 17 конных «сверх нормы» и т.д. [10, с. 433]. Для этих подразделений была предусмотрена отдельная плата со стороны великого князя. Привлекали такие наемные отряды в основном крупные шляхтичи, гетманы, воеводы и т.д., однако иногда они встречаются и у простой шляхты, хотя намного реже [11, с. 24]. Кроме того, многие шляхтичи могли привлекать в свои почты наемников из-за невозможности собственного присутствия, по причине болезни или службы в других подразделениях [11, с. 24]. Однако, несмотря на все принимаемые меры, ополчение не могло уже эффективно решать поставленные перед ним задачи. В таких условиях руководство ВКЛ начинает прибегать к иному, более прогрессивному способу комплектования войск, привлечению наемников. В целом, подобный процесс замены феодального ополчения наемным войском был характерен практически для всех стран Европы того периода.

Источники и литература

1. Пенской, В.В. Великая огнестрельная революция / В.В. Пенской – Москва: Яуза.: Эксмо, 2010. – 448 с.
2. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. [Электронный ресурс]. – 1960. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1811
3. Янушкевіч, А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558 – 1570 гг.: манаграфія / А. М. Янушкевіч. – Мінск: Медисонт, 2007. – 356 с.
4. Литовская Метрика. Книги публичных дел // Русская историческая библиотека. Т. XXX. – Юрьев, – 1914.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. – Мінск: Тэсей, 2003. С. 47—48
6. Васілевіч, Р. А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо; Бел. дзярж. ун-т. Юрыд. фак. - Мінск: ВТАА «Права і эканоміка», 2001. — С. 107—109
7. Brzezinski, R. Polish Armies 1569–1696 (1) / R. Brzezinski. – Oxford: Osprey, 1987. – 48 p
8. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów (AR.) – Dział VII. – Sygnatura (Sygn.) 83. Popis wojska Wielkogo Rsiestwa Litewskiego, 1567.
9. AGAD. – AR. – Dz. I. – Sygn. 608. Szyk wojsk Wielkiego Ksiestwa Litewskiego w obecnosci krola i wielkiego ksiecia Zygmunta Augusta w Radoszkowicach przez hetmana W. Ks. Lit. Grzegorza Chodkiewicza zlozony, 29.09.1568 г.
10. Литовская метрика. Переписи войска литовского // Русская историческая библиотека. Т. XXXIII. – Петроград, – 1915.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

11. Бохан, Ю.М. Наёмнае войска у Вялікім княстве Літоускім у XV–XVI стст. / Ю. М. Бохан. – Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – 92 с.

Anton Shyliayeu. Noble militia as part of the GDL's Army in the mid 16th century. Presented article is devoted to one of the most controversial components of the GDL's Army - noble militia. In the context of numerous military threats GDL's Army was forced to embark on reforms that affected the noble militia that led to the emergence of special laws to regulate and govern the convening and serve in the militia.

УДК 94:327(476+474.5+438):94:327(485)«15/16»

С.В. Хайнак
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

ПОЛИТИКА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ОТНОШЕНИИ ШВЕЦИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

В статье рассмотрены внешнеполитические аспекты взаимоотношений Речи Посполитой и Шведского королевства, в период правления Сигизмунда III Вазы. Особое внимание уделено влиянию династических интересов представителей рода Ваз, на политику обоих государств и дальнейшее их столкновение

Направление внешней политики Речи Посполитой в отношении Швеции в рассматриваемый период складывалась из совокупности политико-экономических устремлений магнатско-шляхетских группировок и внешнеполитического курса короля Польского и Великого князя Литовского, Сигизмунда III Вазы.

Основополагающим фактором, повлиявшим на внешнеполитический курс Сигизмунда III Вазы в балтийском регионе, являлась его непримиримая религиозная позиция обусловленная духом нетерпимости и католического фанатизма, которые в XVI веке влияли на геополитическое состояние в европейском регионе. Сигизмунд III Ваза своим первоочередным долгом католика считал искоренение протестантизма в Швеции и Речи Посполитой. Этой задаче была подчинена его внешняя и внутренняя политика, вопреки насущным потребностям Речи Посполитой [1, с. 252]. Не менее значим и фактор династических притязаний Сигизмунда III Вазы на Шведское королевство. Северное направление внешнеполитических усилий стало причиной далеко идущих последствий для Речи Посполитой.

В 1587 г. Сигизмунд III Ваза был избран правителем Речи Посполитой в рамках свободной элекции. Он стал третьим королем, избранным шляхтой после смерти последнего короля из династии Ягеллонов. Коронация проводилась в Кракове в 1588 г., Гнезненским архиепископом, примасом Карнковским [2. с 127]. В 1593 г., спустя десять месяцев после смерти своего отца Юхана III Вазы, Сигизмунд прибыл в Швецию для коронации, намереваясь утвердить там сильную королевскую власть. Его сопровождала не только вооружённая стража, но и целая группа католических советников, среди которых был папский нунций Малоспина. В виду того, что легаты в Речи Посполитой имели большое политическое влияние и часто участвовали в светских делах [3, с. 229].

Вынужденный вернуться в Речь Посполитую, согласно договорённости с Варшавским сеймом, Сигизмунд возложил управление Швецией на герцога Карла Зюдерманлалдского и государственный совет. Вопреки явному стремлению герцога Карла к

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

самовластному управлению государством, в отсутствии короля, Сигизмунд не делает его регентом. Также стремясь ограничить его власть, было установлено, что наместники областей – штатгальтеры, становились независимы от власти правительства.

В мае 1595 г. был заключён Тявзинский мирный договор между Шведским королевством и Русским царством. Не нуждаясь более в политической поддержке Речи Посполитой, для обеспечения status quo в территориальных конфликтах с Русским царством, уже осенью 1595 г., в Седёрчепинге представителями сословий герцог Карл был назначен регентом. Управление государством им должно было осуществляться, руководствуясь «советом совета» [4, с. 96].

В 1598 г. Сигизмунд добивается от сейма Речи Посполитой выделения средств на экспедицию в Швецию и при поддержке коронного канцлера Яна Замойского, сделал попытку укрепить свои позиции в Швеции с помощью силы, которая не привела к желаемому результату. В решающем сражении при Стонгебро, армия Сигизмунда, поддержанная его сторонниками, потерпела полное поражение. После этого события распад династической унии Речи Посполитой и Швеции становился лишь вопросом времени.

Выделение сеймом субсидий Сигизмунду на военную экспедицию было вызвано заинтересованностью шляхты Речи Посполитой в инкорпорации Эстляндии в состав республики. Длительное ожидание выполнения Сигизмундом статей, относительно Эстляндии, записанных в pacta conventa [5, с. 247], привело к тому, что на воеводских сеймиках в 1598г., ставился вопрос о мерах, которыми следовало принудить правителя Речи Посполитой к выполнению своих обещаний. К примеру, сеймик Полоцкого воеводства своим послам предписывал не допустить вовлечения Речи Посполитой в войну со Швецией, до тех пор, пока Сигизмунд не выполнит своих обещаний, относительно инкорпорации Эстляндии в состав Речи Посполитой [6, с. 68].

Правительство Швеции, выдвинув требование к Сигизмунду, о его постоянном нахождении в Швеции и принятия им протестантизма, наконец, отказало ему в повиновении и на риксдаге в Стокгольме, проводимом 24 июля 1599г., он был низложен. Произошёл официальный распад династической унии Речи Посполитой и шведского королевства. Корона шведского королевства была предложена его четырёхлетнему сыну Владиславу при выполнении условий принятия им лютеранской веры и воспитания в Швеции. Сигизмунд отверг эти предложения [1, с. 262].

12 марта 1600 года Сигизмунд объявил о присоединении северной Эстляндии к Речи Посполитой и о своём отказе, как короля Швеции, на все права владения ею. В свою очередь шведский парламент вывел из статуса королевского домена северную Эстляндию и Финляндию, взяв эти земли под своё управление. Получив долгожданные земли северной Эстляндии, правительство Речи Посполитой соглашается на ведение военных действий с Швецией. Главным театром начавшихся военных событий, становиться Ливония.

Активное участие в противостояние с Швецией в Речи Посполитой, на начальном этапе, принимала шляхта ВКЛ. Такое положение было обусловлено сложившимся внешнеполитическим курсом ВКЛ в отношении Ливонии. Стремление ВКЛ опередить Польшу, в доминировании на ливонских землях, имело сугубо прагматичный характер. За счёт ливонских земель ВКЛ стремилась укрепиться экономически, восполнив территориальные потери ставшие следствием заключения Люблинской унии 1569 г.[7].

Заинтересованность в получении ливонских земель шляхтой ВКЛ и ранее не оставалась без внимания Великих князей Литовских, которые за службу награждали землями в Ливонии. Об этом свидетельствует запись в литовской метрике о даровании Сигизмундом Августом дворянину Василию Бунаку «…шесть гаков земли в Ыфлянтехъ» и подтверждение этого пожалования Стефаном Баторием [8, с. 126].

Особо выделялись своим активным участием, в возникшем противостоянии со Швецией, такие представители магнатерии ВКЛ как: К. Радзивил, М. Сапега, Е. Волович, В. Бекеш. Они занимались не только политической поддержкой Сигизмунда III Вазы, но и

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

принимали непосредственное участие в начавшихся боевых действиях на территории Ливонии. Так войска Великого княжества Литовского под командованием великого гетмана Яна Кароля Ходкевича одержали ряд блистательных побед, среди которых: битва под Белым Камнем (1604 г.) и Кирхгольмом (1605 г.).

Следует отметить, что война имела негативное воздействие на внутреннюю жизнь ВКЛ. Привлечение к военным действиям казачества привело к тому, что вместо ожидаемой военной поддержки оно принесло больше вреда, чем пользы. В баркулабовской хронике описываются события 1601 года, когда четыре тысячи казаков, под предводительством гетмана Самуэля Кошки, дезертировав из Ливонии, занялись на обратном пути разбоем и грабежами. Были разграблены города Полоцк и Витебск, при этом: «…мещан учтивых порубили. И так шкоду содомию чинили горше злых неприятелей албо злых татар» [9, с. 207].

Вследствие того, что война приняла затяжной характер, сторонников войны в ВКЛ заметно убавилось. Одним из основных факторов послуживших такой перемене настроений, было решение короны возложить финансирование войны на Великое княжество Литовское, в котором были подняты налоги, что вызывало недовольство населения княжества. Так за 1600 – 1611 гг. собранные налоги ВКЛ составили 1843,4 тыс. злотых, а военные расходы составили 1885,5 тыс. злотых [10, с. 72]. Впоследствии, с 1617г., финансирование войны было полностью переложено на ВКЛ. Такое положение дел вызывало негативную реакцию, как среди шляхты, так и податного населения, которое было более заинтересовано во взаимовыгодной торговле со Швецией, а не в войне с нею.

Представители партии «политиков», в которой главенствующую роль играл великий коронный канцлер Ян Замойский, стремились к скорейшему окончанию конфликта со Швецией. Партия Яна Замойского в основном, включала в себя шляхту исповедовавшую протестантизм, либо стоявшую на позициях конфессиональной терпимости, ради обеспечения политической стабильности государства. Они опасались того, что династическая борьба «двух Ваз», перерастёт в крестовый поход против протестантов. Ввиду этого партия «политиков» стремилась, добившись успехов в Ливонии, завершить войну.

Политическая связь Яна Замойского с шведской стороной вызвала неоднозначную оценку. Даже среди высших представителей клира не было единодушного мнения относительно решения по данному вопросу. Так примас Карнковский одобрил этот проект, в тоже время приближённые к Сигизмунду иезуиты, убеждали короля действовать до победного конца, придерживаясь поставленной цели о возврате наследственного трона Швеции. Исходя из этих позиций, Сигизмунд III Ваза, обратился к сословиям Швеции с призывом свергнуть узурпатора, тем самым сорвав переговоры, так как герцог Карл со своими сторонниками уже контролировал шведское правительство и смог убедить представителей сословий на выделение средств, для продолжения войны [6, с. 204].

Не столь многочисленные почты магнатов ВКЛ, были не в состоянии длительное время противостоять на равных армии шведского королевства, численность которой намного превосходила воинские формирования Речи Посполитой. Но, тем не менее, не смотря на столь явное различие в количестве войск и их материальном обеспечении, Ян Кароль Ходкевич, как и его предшественник, успешно противостоял противнику. Военные успехи Речи Посполитой склонили шведскую сторону к началу мирных переговоров. Начавшие переговоры от лица Речи Посполитой осуществлял Ян Кароль Ходкевич, который будучи великим литовским гетманом, имел прерогативу этой должности – право, в период войны, вести переговоры о мире, которые всё же должны были утверждаться сеймом и королём [5, с. 261]. В результате проведённых переговоров между представителями Речи Посполитой и Швеции, было заключено перемирие, которое должно было продлиться до 1608 г.

Шведское королевство использовало заключённое перемирие для наращивания военного потенциала, и не дожидаясь окончания перемирия, в 1608г. начало военные действия в Ливонии. Попытки Речи Посполитой урегулировать возникший конфликт дипломатическим путём, не увенчались успехом. Когда переговоры политиков не принесли

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

результатов, разрешение конфликта требовалось осуществить с помощью армии. Сформированное войско, было недостаточно для ведения полномасштабной войны. Но благодаря успешно выбранной Ходкевичем тактике партизанской войны и эта военная компания была успешно проведена.

Потерпев поражение от отрядов Речи Посполитой, шведские войска вынуждены были отступить, и правительство Швеции выступило с предложением о мирных переговорах, итогом которых, было вынесено решение о прекращении военных действий до 1611 года. Позже по инициативе Швеции, находящейся в сложной политической ситуации в связи с участием в Кальмарской войне с Данией, усугублённой смертью короля Карла IX, перемирие было продлено до 1612г. Взошедший на престол Швеции Густав II Адольф, не имея возможности начинать бесперспективную на тот момент войну, шёл на продление перемирия до 1616 г.

Имея представление о непопулярности войны в Ливонии, среди шляхты ВКЛ, шведский король выступал с предложением об окончательном урегулировании конфликта между государствами, путём заключения мирного договора. Для решения этой задачи шведская сторона налаживала контакты с влиятельными лицами ВКЛ. Доверенный представитель шведского канцлера Акселя Оксеншерна, направленный в Ливонию, с поручением вступить в контакт с великим гетманом литовским Ходкевичем, не смог добиться успеха в данной миссии. Аналогичным результатом закончились попытки вступить в контакт с представителем протестантского лагеря Христофором Радзивиллом младшим[11, с.9].

Рассматривая такую позицию Речи Посполитой, как временную отсрочку от начала военных действий, Густав II Адольф в 1617г, посылает войска в Ливонию. Но благодаря успешному сопротивлению, оказанному отрядами польного гетмана литовского Христофора Радзивилла младшего, шведская сторона вновь идёт на соглашение о переговорах. По итогам которых, было подписано перемирие на два года, до 1620 года.

В 1621 г., после окончания установленного срока перемирия, Швеция вновь начинает военные действия, к которым Речь Посполитая не подготовилась. Следует отметить, что обсуждение возможного возобновления войны всё же проводилось, чему свидетельствует постановление Варшавского сейма относительно обороны Ливонии. Предполагалось, что в случае отказа Шведского правительства от продления перемирия и возникновения потенциальной угрозы вторжения в Ливонию, часть налоговых поступлений ВКЛ будет направленна на вербовку воинского контингента. В случае успешного продления перемирия, набранное войско должно быть переведено на оборону Украины [12, с. 347].

С Швецией предполагалось договориться мирным путём. В этом направление строилась внешнеполитическая деятельность Сигизмунда в этот период. Такое решение короля стало результатом его убеждённости в том, что Густава II Адольф не планирует продолжать войну. На это указывалось в донесениях агентов короля, находящихся в Швеции. Иезуиты, имевшие на короля большое влияние, также советовали не опасаться возможного нападения Швеции.

В марте 1621 г., не достигнув соглашения в переговорах, шведская сторона начала военные действия. Понимая, что своими силами, успешно противостоять противнику малочисленные войска ВКЛ не смогут, Христофор Радзивилл младший получил распоряжение короля о составлении инструкций для комиссаров в планируемых переговорах со Швецией. В июле 1622 года происходит встреча командующих войсками. Шведскую сторону представлял фельдмаршал Якоб Понтус Делагарди. Шведские комиссары в переговорах предлагали заключить долгосрочный мирный договор между странами и возврат всех захваченных территорий, при условии окончательного отказа Сигизмунд III Вазы от притязаний на шведский престол. После отказа комиссаров Речи Посполитой от этого предложения, шведская сторона направляла послания с этими предложениями сенаторам ВКЛ, предлагая заключить перемирие между ВКЛ и Швецией. Это предложение

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

также было отклонено гетманом Радзивиллом, в связи с его противоречием условиям унии между ВКЛ и Польским королевством [13, с. 196].

Но всё же, не дождавшись помощи от короля и реально оценивая сложившиеся положение, гетман Радзивилл подписывает перемирие со шведами до 1623 г. Решение гетмана Радзивилла о заключение перемирия не было одобрено Сигизмундом III Вазой, обвинившего гетмана в своевольстве. Не ратифицировав этот договор, король всё же позволил встретиться комиссаром ВКЛ, с шведскими представителями, которых возглавлял канцлер Швеции Аксель Оксенштерн. Занятая политическая позиция Сигизмунда, изложенная в королевской инструкции послам, в который раз не позволила заключить мирный договор со Швецией. Условия Сигизмунда о возврате захваченных Швецией территорий Ливонии, дополнялась информацией того, что будущий договор не будет служить ограничением для дальнейших притязаний Сигизмунда на шведскую корону. В случае представившейся возможности, вернуть утерянный престол, король оставляет за собой право воспользоваться этой возможностью. Исходя из сложившейся ситуации, комиссары сторон договорились лишь о краткосрочном продлении перемирия до июня 1624 г.

Не дожидаясь окончания перемирия, Варшавский сейм 1623 г. принимает постановление «Об Инфлянтах» и назначает для ведения переговоров, представителей посольской избы ВКЛ и Короны. Христофор Радзивилл младший и Кшиштоф Збаражский, отстаивая интересы ВКЛ, на заседаниях сейма, настаивали на окончательном завершении войны со Швецией. Это предложение было поддержано сеймом, что вынудило Сигизмунда III Вазу завизировать своей королевской подписью документы послов. Таким образом, было выполнено условие шведской стороны, настаивавшей на официальном подтверждении полномочий послов лично королём Речи Посполитой.

По итогам переговоров комиссаров перемирие было продлено до 1625 г. На инициативу шведского правительства о заключении мирного договора Сигизмунд отвечал категорическим отказом. По причине столь бескомпромиссной позиции, занятой правителем Речи Посполитой, Густав II Адольф возобновил военные действия, выбрав направлением своего удара, теперь уже не только территории Ливонии, но и земли ВКЛ. Для решения задачи по формированию войска Сигизмунд III Ваза назначает командующим армии, наиболее авторитетного представителя княжества – Льва Сапегу, полагаясь на его организаторские способности.

Реформированное Густавом II Адольфом шведское войско, в первых же столкновениях нанесло значительный урон малочисленной армии ВКЛ и овладело стратегически важными территориями, включая замок Биржи. Не видя выхода из создавшегося положения, в среде магнатов ВКЛ всё чаще стали озвучиваться предложения о сепаратном мирном договоре со Швецией. Это подтверждает переписка мстиславского воеводы Яна Тышкевича с представителями шведского правительства [10, с. 70 – 74].

На сеймике в Вильно, созванном для обсуждения путей выхода из войны ВКЛ, сенаторами было вынесено постановление о заключении сепаратного перемирия со Швецией. Участвующие в сеймике сенаторы возложили полномочия для заключения перемирия на великого гетмана литовского Льва Сапегу, который то же не видел другого выхода из этой ситуации [14]. Назначенные Львом Сапегой представители ВКЛ: новогородской староста Вальтер Плетенберг дерптский подкоморий Гедеон Раецкий и полковник Николай Корф, 19 января 1627г., подписали перемирие между ВКЛ и Шведским королевством, по условиям которого Швеция обязалась не препятствовать балтийской торговле, выполнить возврат замка Биржи и осуществить обмен военнопленных.

Дальнейшая активизация внешнеполитических отношений Речи Посполитой и Швеции происходит в 1629г., и характеризуется непосредственным дипломатическим участием, в разрешении затяжного конфликта, центрально-европейских государств, участников Тридцатилетней войны [15, с. 187]. Результатом межправительственных переговоров, было заключение в сентябре 1629г. Альтмарского шестилетнего перемирия,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

срок действия которого истекал в 1637г., уже после смерти Сигизмунда III Вазы, умершего 23 апреля 1632 года, не дожившего полгода до гибели своего противника Густава II Адольфа [16, с. 241]. По условиям договора Речь Посполитая теряла большую часть территории Ливонии и практически все балтийские порты, за исключением Данцинга, Пуцка и Крулёвца.

Подписанное соглашение, теперь уже от имени Речи Посполитой, в конечном итоге, привело к сглаживанию, возникшего внутриполитического кризиса, между Литвой и Короной, вызванного различием в выборе путей выхода из войны со Швецией. В то же время, несмотря на положительный момент для республики, в нивелировки возникших межгосударственных осложнений, заключение Альтмарского перемирия, являлось отрицательным апофеозом, тридцатилетнего противостояния. Швеция захватила у Речи Посполитой не только большую часть Ливонии, но и получила право взимания таможенных пошлин в портах Курляндии и восточной Пруссии, в том числе и в Данцинге. В совокупности, поступления в казну Швеции от пошлин составляли до 500 тысяч риксдалеров в год, в один из годов – 800 тысяч, что составляло практически треть бюджета королевства [17, с. 185]. Такое положение способствовало укреплению Швеции и наносило ощутимый урон экономики Речи Посполитой.

На основании проведённого исследования следует констатировать, что внешнеполитическая деятельность Речи Посполитой в отношении Швеции в конце XVI начале XVII вв. находясь под доминирующим влиянием короля Польского и Великого князя Литовского Сигизмунда III Вазы. Поддерживаемая представителями католического клира и части сенаторов, выражала династические притязания своего правителя, стремящегося всеми силами вернуть утраченный престол Швеции. Утрата шведской короны была вызвана бескомпромиссной конфессиональной позицией Сигизмунда III Вазы. Конечным итогом внешнеполитической деятельности Речи Посполитой, в северном направлении, в период правления Сигизмунда III Вазы стала утрата Ливонских территорий, со столь необходимыми для республики морскими портами.

Источники и литература

1. Грабенский, В. История польского народа / В. Грабенский. – Мн.: МФЦП, 2006. – 800 с.
2. Хроника литовская и жмойтская // Полное собрание русских летописей Т. 32 М.: Наука – 1975 С. 15 – 128.
3. Шимак, Е.К. Донесение папских нунциев в Польше XVI в. Как источник по внешнеполитической истории России // Працы гистарычнага факультэта БДУ: навуковый зборник. – Мн.: БДУ. – 2008. – № 3 – С. 228 – 233.
4. Мелин Ян, Юханссон Альф В., Хеденборг Сюзанна. История Швеции / пер, с швед. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 400 с.
5. Paktorum Conventorum // Volumina Legum. Tom II., 1859. Wydawnictwo, Jozafat Ohryzko. – Petersburg, 1859. – S. 247 – 249.
6. Флоря, Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. / Б.Н. Флоря. – М.: Наука, 1973. – 224 с.
7. Якубаў В.У. Інфлянты ў знешняй і ўнутранай палітыцы ВКЛ ў канцы XVI – пачатку XVII ст. Аўтарэферат дысертацыі на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pac.by/nfiles/000285. – Дата доступа: 20.07.2015).
8. Лист Василью Бунаку до тивуна Дирвянъ Менъшых о чотыры волоки // Метрыка Вялікага княства Літовскага кніга 70(1582 – 1585). – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 354 с.
9. Баркулабовская хроника // Беларускія летапісы і хронікі. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 1997. – 432 с.
10. Катлярчук А. Шведы в истории и культуре белорусов / А. Катлярчук. – Минск: Энциклопедикс, 2002. – 120с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

11. Wisner, H. Kampania Inflancka Krzysztofa Radziwiłła w latach 1617 –1618 // Zapiski hist.: poświęcone historii Pomorza i krajów Bałtyckich. – 1970. – T. 35, Z. 1. – S. 9 – 35.

12. Paktorum Conventorum // Volumina Legum. Tom III, 1859. Wydawnictwo, Jozafat Ohryzko. – Petersburg, 1859. – S. 347.

13. Снапкоўскі, У. Е. Пра калізіі знешнепалітычных інтарэсаў Польскага Каралеўства і Вялікага княства ў складзе РП // Спадчына. 1995. № 3. С. 189 – 200.

14. Лазоркина О.И. Дипломатия Великого княжества Литовского во время войны Речи Посполитой со Швецией в 1600 – 1629 гг. // международные отношения. 2006 – № 4 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.evolutio.info. Дата доступа: 10. 08.2015.

15. Кан А.С. История Швеции / А.С. Кан. – М.: Наука, 1974. – 719 с.

16. Могилёвская хроника Т.Р. Сурты и Ю. Трубницкого / Полное собрание русских летописей Т. 32 М.: Наука – 1975 С. 238 – 283.

17. Андерссон И. История Швеции / И. Андерссон; пер. с швед. Каринцева Н.А. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951. – 408 с.

Uladzislau Khainak. The policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth to Sweden at the end of the 16th - the beginning of 17th century. The article discusses the foreign policy aspects of the relationship of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Kingdom of Sweden, during the reign of Sigismund III Vasa. Influence of dynastic interests, members of the genus Vaz , the policy states.

УДК 94(477) «16/17»

І.В. Кондратьєв
Чернігівський національний
педагогічний інститут імені Т.Г. Шевченка

НАЩАДКИ СЛУЖЕБНОЇ ШЛЯХТИ В ОТОЧЕННІ ЛЕОНТІЯ ТА ПАВЛА ПОЛУБОТКІВ

Сучасна історична наука ставить перед собою завдання висвітлити події через історію окремих постатей, не лише першого, але й другого плану. Зокрема, в оточенні представників вищої козацької старшини Чернігівського полку Леонтія та Павла Полуботків, було чимало представників служебної шляхти Північного Лівобережжя.

Сучасна історична наука ставить перед собою завдання «персоніфікації» історії – висвітлення історичних подій через історію її окремих постатей. Але вивчення персоналії не може бути повним без дослідження її оточення. Саме тому історія родових осередків та соціально-територіальних угрупувань має величезне значення. Однією з перспективних для дослідження родин, є беззаперечно родина Полуботків, котра відігравала важливу роль в історії України XVIII ст. Безумовно, що історики не обійшли увагою цю сім'ю, зокрема, спроба реконструкції оточення як Павла Полуботка, так і його батька Леонтія, була здійснена В. Кривошеєю у праці «Козацька еліта Гетьманщини» [12]. Дозволимо собі доповнити окремі позиції цієї ґрунтовної реконструкції, звернувши увагу на козаків-шляхтичів – нащадків служебної шляхти. На території Північного Лівобережжя до середини XVII ст. було два центри військовослужбової організації служебної шляхти – Остерський та Любецький замки. Навколо них сформувалися унікальні соціально-територіальні спільноти, які існували протягом XV – XVIII ст. Мешкаючи в околичних селах місцеві шляхетські роди несли службу спочатку Великому князівству Литовському, а згодом й Речі Посполитій. У

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

середині XVII ст. більшість дрібних шляхтичів регіону покозачилися і стала формувати елітарне обличчя козацьких полків. Цьому сприяло як довоєнне протистояння з прийшлою польською шляхтою та магнатами, так і бажання зберегти в новій політичній ситуації свої майнові та станові привілеї. Наприклад, любецька шляхта, що масово покозачилася у 1649 році, значною мірою стала формувати старшину Чернігівського полку, а сам Любеч став ранговою маєтністю чернігівських полковників [7; 9]. У Чернігівському полку, за підрахунками В. Кривошеї, питома вага шляхтичів з-поміж козаків була однією з найбільших в Україні. Частка родин шляхетського походження у козацькому середовищі становила не менше 12,6%, тоді як у Чернігівському полку – 13,5% [12, с. 100, 101, 349]. У свою чергу, шляхта колишнього Остерського староства була широко представлена серед козацької старшини як Київського так і Ніжинського полків. Виявлення представників цих спільнот в оточенні гетьманів, урядників та козацької старшини, дозволить більш повно дослідити у цьому середовищі клієнтарно-патрональні **зв'язки.**

Інтерес представляє передусім оточення батька Павла Полуботка Леонтія. Як зазначав український дослідник В. Кривошея, гетьман Брюховецький (1663-1668 рр.). зробив спробу опертися на старшину Чернігівського полку [12, с.188]. Внаслідок цієї політики чернігівським полковником став майбутній гетьман Іван Самойлович. Цікаво, що старшинська верхівка полку складалася майже повністю із представників колишньої шляхти Любецького староства. Наприклад, з любецької шляхти ймовірно походив майбутній гетьман Дем'ян Ігнатович – чернігівський полковник у 1665–1668 рр., з 1668 р. – генеральний осавул, ставленик гетьмана І. Брюховецького [11, с. 200; 12, с. 188]. Ігнатовичі, як і ще чимало представників любецької шляхти, потрапили до реєстру Війська Запорозького 1649 р. [15, с. 555–566]. У подальшому частина представників цієї родини стала міщанами Любеча та Лоєва, частина – покозачилася.

На початку 1668 р. наказним Чернігівським полковником став Гаврило Васильєвич (Васильович) [12, с. 188]. Вочевидь, це нащадок любецьких бояр Васильовичів, володарів Кувечицької землі, що неподалік Чернігова, відомої за матеріалами ревізій Любецького староства першої половини XVII ст. [26, с. 88, 93, 123–124].

Обозну службу очолював любецький шляхтич Сава Внучко-Посудевський [13, с. 54, 63; 24, с. 75, 96] – онук колишнього реєстрового гетьмана Війська Запорозького (1637 р.) Сави Кононовича та один з перших любецьких сотників. Писарями в полку був колишній любецький сотник Іван Васильович та любецький шляхтич Михайло Голобоярин-Слободецький (представник дрібнобоярської родини Голобояриновичів) [12, с. 188, 215].

Саме до цього угрупування належав і полковий писар Леонтій Полуботок. Цікаво, що рід Полуботків мешкав майже на любецько-чернігівському прикордонні, а їх родовий маєток с. Полуботки (судячи з назви села, утвореної від прізвища у формі множини, село виникло щонайменше у XVI – першій половині XVII ст. [5, с. 270]) знаходились неподалік володінь любецьких бояр Левоновичів (с. Левоньки) та бояр Товстолісів (с. Товстоліси). Ймовірніше, що Полуботки, як і Товстоліси[1], спочатку належали до московського боярства. Дослідник Г. Милорадович вважав засновником цього роду Ієремію Полуботка, у 1619 р. – чернігівського міщанина [18, с. 311]. Вочевидь, значна частина місцевих родів перейшла на сторону Речі Посполитої у першій половині XVII ст., тоді ж, вочевидь, Полуботки втратили і свою родову маєтність – село Полуботки. Хоча вони і володіли деякими землями у селі, повністю цей маєток так ніколи і не повернули. Для регіону взагалі характерна строкатість, ба навіть розмитість землеволодінь. Наприклад, землями у Кувечичах – родовій маєтності шляхтичів Кувечичів (Кувечинських), у XVI–XVII ст. володіли шляхтичі та козаки: Кувечичі, Бивалкевичі, Болотовичі (Болотовичі-Кувечицькі), Васильевичі, Вертецькі, Даничі,

[1] У 1618 р. Петро Товстоліс був земським писарем Речицького повіту, що межував з Любецьким та Лоєвським староствами, пізніше Лоєвщина увійшла до складу Речицького повіту [3, арк. 297; 18, С. 196].

РЕПОЗИТОРІЙ ІМЕНІ ПОЛІЩУКА

Ждановичі, Злобичі, Карповичі, Кузнецови, Кушнарьови, Милковичі, Морашки, Пероцькі, Ріпчичі, Семаковські-Злобицькі, Страйловські, Тарасевичі. Щонайменше з 70-х рр. XVII ст. тут мали землі й Полуботки. Чернігівський полковий писар Леонтій Полуботок придбав частину Кувечичів у Катерини Богданович, а у 90–і рр. частиною ґрунту заволодів і Павло Полуботок [8, с. 71–72].

Прямим доказом тісних зв'язків Полуботків з нащадками любецької шляхти можна вважати наявність значних землеволодінь Леонтія Полуботка на терені колишнього Любецького староства. Л. Полуботок отримав від Брюховецького шляхетську маєтність Розсудевщину (родина Розсудевських відома в Любецькому старостві з 1570 р.). Пізніше на це пожалування надавали свої універсали І. Самойлович у 1681 р. та І. Мазепа у 1689 р. [12, с. 188; 21, с. 175–177; 22, с. 763–764]. На території колишнього любецького староства Полуботку належали землі в таких ґрунтах та селах: Бровенщизні (частині Мишуковщини), Вертовщині, Голенищовщині, Кувечичах, Неданчичах, Розсудевщині, Семаківщині та Суховирщині [8, с. 71].

У 1668 р. Дем'ян Ігнатович (Многогрішний) був обраний гетьманом Лівобережної України. На виборах був присутній і любецький сотник Сава Унучко, який разом з іншою старшиною присягнув новому гетьману: «на верное подданство веру учинили, чтол быть им под их Государскою самодержавною высокою рукою неотступна, и в том, все к статтям тем своеручно подписались» [4, с. 223; 19, с. 394]. Леонтій Полуботок за гетьманування Д. Ігнатовича продовжував займати старшинські посади Чернігівського полку, відомо, що він був сотником полкової Чернігівської сотні. Цю посаду займали також нащадки любецької шляхти Василь Болдаковський (був наказним гетьманом у 1670 р.), Степан та Матвій Силичі. Полковниками були шляхетні Гаврило Васильєвич та брат гетьмана Василь Ігнатович, обозним – Сава Внучко-Посудевський [12, с. 215].

Цікаво, що на посаді генерального бунчужного Леонтій Полуботок видав свою доньку Марію за Івана Сулиму, після чого, як зазначав В. Кривошея: «в 1683–1687 рр. влада в Переяславському полку повністю контролювалася родинним кланом Сулим – Полуботків» [12, с. 238]. Цілком ймовірно, що родина Сулим походить з любецької шляхти, в усякому разі малою батьківщиною Сулим прийнято вважати с. Рогоща, або Рогощанський ґрунт Любецького староства. При нагоді відзначимо, що за нашими даними, Сулими серед шляхти Любецького староства не фігурують. Однак, рід Сулим може бути відгалуженням (боковою гілкою) роду шляхтичів Сулимирських. У 1615 р. Андрій Сулимирський був любецьким та лоєвським підстаростою [16, с. 89]. У 1615 р. дружиною Миколи Розсудевського була Ядвіга Сулимирська (1636 р. згадана як удова) [1, с. 287; 26, s. 89, 93]. Цікаво, що за привілеєм короля Яна Казимира від 30 липня 1661 р. Федір Іванович Сулима отримав у володіння села Любецького староства на Правобережжі – Юльче (Йолча) та Березки [10, с. 18; 14, с. 15–16; 25, s. 277]. А вже за пожалуванням короля Михайла (1669–1673 рр.) Йолчею володіли Сулимирські-Розсудовські [23, s. 229–230].

За гетьманування І. Мазепи (1687–1708 рр.) Любеч був відібраний у чернігівських полковників на користь гетьмана [17, с. 92; 20, с. 42–68]. Відомо, що на Замковій горі знаходився будинок І. Мазепи. Так звана «Мазепина книга» містить стислий опис будинку гетьмана на Замковій горі: «в том местечку Любеч собственной Мазепинской двор со всяким строением. В том дворе 2 пушки медные на станках». І. Мазепа володів у Любецькій околиці 3 «селами» і 21 «деревнями» [20, с. 40, 50].

Першим чернігівським полковником за І. Мазепи став Яків Лизогуб, колишній канівський полковник, генеральний осавул і наказний гетьман за Д. Дорошенка [12, с. 253]. Родина Лизогубів ймовірно також дотична до любецької шляхти. Відомо, що у 1695 р. Я. Лизогуб отримав гетьманський універсал, який затверджував його права на маєтності в Любецькій окрузі – Шибиринівку, Семаки і Пересаж. Серед маєтностей Я. Лизогуба слід згадати також с. Плохів (Плехів) та с.Велички. У своєму тестаменті Я. Лизогуб називав свої

РЕПОЗИТОРІЙ ІМЕНІ А. СКОРИНИ

землі «отчизними» і «дідизними», відповідно, вони належали цій родині щонайменше з кінця XVI ст. [6, с. 40].

Серед наказних полковників Я. Лизогуба знаходимо нащадків любецької шляхти – Ничипора Величковського-Калениковича та Миколу Грембицького [12, с. 253].

Родина любецьких шляхтичів Кгрембицьких (Грембицьких) вочевидь з‘явилася у регіоні на хвилі польської «колонізації» першої половини XVII ст. Покозачившись у середині XVII ст. представники цієї родини займають старшинські посади у Чернігівському полку.

Родини Величковських та Калениковичів відомі в Любецькому старостві, відповідно, з XVI ст., та першої половини XVII ст. У 1672–1678 рр. чернігівським полковим осавулом був Никифор Каленикович, тоді ж його донька Пелагея (вмерла до 1699 (?) р.) стала дружиною І. Скоропадського [2, с.15; 22, с. 591]. 1689 р. Н. Каленикович, на той час обозний Чернігівського полку, отримав універсал І. Мазепи на маєтності, зокрема, на с. Полуботки [21, с. 153–154].

У 1705 р. чернігівським полковником став Павло Леонтійович Полуботок (1705–1723 рр.). Як і раніше, чимало нащадків любецької шляхти входило до складу полкової старшини. Зокрема, наказним полковником був Микола Грембицький, а осавулом Михайло Красовський – представник одного з давніх родів Любецького староства. Любецьку сотню очолював Іван Савич, Киселівську – Василь Стаховський, Городницьку – Василь Стахович та Яків Жданович, Роїську (Ройську) – Петро Шихуцький та Яків Бакуринський, Менську – Гнат Сахновський [12, с.284–285].

Після придушення повстання мазепинців ще один представник любецької шляхти увійшов до складу вищого керівництва Гетьманщини. За гетьманування Скоропадського, а згодом і Полуботка, генеральним писарем був Семен Савич (1709–1725 рр.) – зять П. Полуботка [12, с.279].

Після конфіскації маєтків «мазепинців» у 1708 р. Любеч був пожалуваний Петром І Павлу Полуботку. Першим управителем («дозорцем») Полуботка в Любечі був Мойсей Осовицький. Полковнику належали також Любецький та Лоєвський «перевози» на Дніпрі. Крім того П. Полуботок володів частиною сіл – колишніх шляхетських маєтностей Любецького староства: Бухани, Виблі, Воробйово, Голків, Густинки, Довгуни, Жуковичі, Зліїв, Козли, Коробки, Красковське, Кротин, Кувечичі, Кукарі, Лави, Лопатні, Маньки, Неданчичі, Новосілки, Осяринки, Петричі, Пищики, Пузики, Пушкарі, Радуль, Редьківка, Семендеі, Сенюки, Скитки, Убежичі, Унучки та Черв’яки [8, с. 72–73].

Таким чином, можна стверджувати, що нащадки служебної, насамперед любецької шляхти, у цей час виступали як певна корпоративна спільнота, об’єднана тісними родинними зв’язками, спільним проживанням та володінням землями, а також єдиними інтересами й, нарешті, військовою службою. Дотичність до цієї спільноти певною мірою посприяла службовій кар’єрі як Леонтія, так і його сина Павла Полуботка.

Джерела та література

1. О. Любецькі справи другої половини XVI віку / О. Грушевський // Чернігів і Північне Лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали. – К.: Державне видавництво України, 1928. – С. 281–289.

2. Гуржий О. Гетьман Іван Скоропадський. / О. Гуржий – К.: Інститут історії України, 1998. – 207 с.

3. Державний архів Чернігівської області, Ф. 86, Оп. 1, Спр. 28, Дело о разборе доказательства о дворянстве лиц, состоящих в подушном окладе (1 января 1792 г.), Арк. 297.

4. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Кн. 6. Уезды: Новгород-Северский, Сосницкий, Городницкий, Конотопский и Борзенский. – Чернигов: Земская типография, 1874. – 341 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

5. Коваль А.П. Знайомі незнайомці / А.П. Коваль. – К.: «Либідь», 2001. – 304 с.

6. Кондратьєв І., Кривошея В. Нариси історії Чернігівщини періоду козацтва. Любеч / І. Кондратьєв, В. Кривошея. – К.: ІПіЕД НАНУ, 1999. – 109 с.

7. Кондратьєв І.В. Любецька шляхта в історії України XVII–XVIII ст. / І.В. Кондратьєв // Україна на порозі XXI століття: актуальні питання історії: Збірник наукових праць. – К. : Стилос, 1999. – С.75–82.

8. Кондратьєв І.В. Маєтності родини Полуботків в Любецькій окрузі (друга половина XVII-XVIII ст.) / І.В. Кондратьєв // Чернігівські старожитності: Матеріали наукової конференції «Архітектурні та археологічні старожитності Чернігово-Сіверської землі». – Чернігів : НАІЗ «Чернігів стародавній», 2006. – С. 71–73.

9. Кондратьєв І.В. Богдан Хмельницький та любецька шляхта / І.В. Кондратьєв // Українська козацька держава: витоки та шляхти історичного розвитку: Матеріали п'ятих Всеукраїнських читань. – К.; Черкаси : Інститут історії України НАН України, Черкаський державний педагогічний інститут, 1995. – С. 180–181.

10. Кривошея В. Козацька еліта в національній революції середини XVII ст. (Гетьманат Юрія Хмельницького) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф.Кураса НАН України. – К.: ІПІЕНД ім. І.Ф. Кураса, 2008. – Вип. 39. – С. 7–36.

11. Кривошея В.В. Генеалогія українського козацтва. Нарис історії козацьких полків. Вид. друге, доп. / В.В. Кривошея. – К. : Стилос, 2004. – 391 с.

12. Кривошея В.В. Козацька еліта Гетьманщини / В.В. Кривошея. – К. : ІПіЕНД імені І.Ф.Кураса НАН України, 2008. – 452 с.

13. Кривошея В.В. Українська козацька старшина. Частина 1. Урядники гетьманської адміністрації. Вид. 2-е / В.В. Кривошея. – К.: «Стилос», 2005. – 259 с.

14. Лазаревский А. Сулимовский архив: Фамильные бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей XVII-XVIII вв. – Киев: Тип. К. Н. Милевского, 1884. – XXII с. + 316 с.

15. Липинський В. Участь шляхти у великому повстанні під проводом гетьмана Б.Хмельницького / В. Липинський / Твори. Т. II. – Філадельфія : СЕДІ, 1980. – XIX с. + 346 с.

16. Любецкие гончары в 1615 году / Документы, известия и заметки // Киевская Старина. – 1902. – Февраль. – Отд. II. – С. 89.

17. Милорадович Г.А. Любеч Черниговской губернии Городницкого уезда. Родина преподобного Антония Печерского. Изд. Общества истории и древностей Российских при Московском университете / Г.А. Милорадович. – М.: Университетская типография («Катков и К^0»), 1871. – 156 с.

18. Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства / Г.А. Милорадович. – Т. 2. – Ч. 3–6. Приложения. – Спб., С.-Петербургская губернская типография, ул. Глинки 8, 1902. – 406 с. + 316 с. + CIX с.; 3 л. ил.

19. Рігельман О.І. Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі / О.І. Рігельман. – К. : Наукова думка, 1994. – 767 с.

20. Ситий І. Любеч та його округа у 1726 р. / І. М. Ситий // Сіверянський літопис. – 1995. – № 4. – С. 42–68.

21. Універсали Івана Мазепи (1687–1709) – Київ, Львів: Наукове товарство ім. Т. Шевченка, 2002. – 781 с.

22. Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657 – 1687). – Київ; Львів: НТШ, 2004. – 1087 с.

23. Bobiński W. Wojewydztwo kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy. Studium osadnictwa i stosunkyw własności ziemskiej. / W. Bobiński – Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2000. – 599 s.

24. Gajecky G. The Cossak Administration of Hetmanate / G. Gajecky. – Cembridge, Massachusetts: Harward Ukrainian Research Institute, 1978. – T.1. – P. 1-395; T.2. – P. 396-790.

25. Kroll P. Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzecząpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. / P. Kroll – Warszawa: WUW, 2008. – 452 s.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

26. Lustracya Dóbr Króla JMci w województwach trzech: Podolskiem, Braclawskiem, Kijowskiem leżących // Jablonowski A. Lustracye Krolewszczyzn ziem Ruskich: Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej polowy XVII wieku / Źródła dziejowe. – T. V. – Warszawa : Skład głowny w ksiegarni Gebethnera i Wolffa, 1877. – S. 1–226.

Igor Kondratyev. The descendants of service gentry among associates of Leontiy and Pavlo Polubotok. The modern historical science aims at highlighting the events through the history of individual figures, both of foreground and background importance. In particular, many members of the service nobility of the Northern Left Bank were in the environment of the representatives of the highest Cossack Chernihiv Regiment of Leontiy and Pavlo Polubotok.

УДК 94(477) «16/17»

А.Л. Киштымов
Институт парламентаризма и предпринимательства

ВОЙНА 1812 ГОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО

В статье характеризуются научные взгляды патриарха белорусской историографии М.В. Довнар-Запольского на войну 1812 г. Дан очерк обращения ученого к теме, отмечен его приоритет во введении ее в качестве сюжета национальной историографии, приводятся сравнения с подходами В. Ластовского и В. Игнатовского. Отмечен акцент ученым последствий войны в контексте общего отношения белорусского общества к политике самодержавия на землях бывшей Речи, следствием чего стал раскол белорусского социума по отношению к воюющим сторонам. Подчеркнута актуальность подходов М.В. Довнар-Запольского в поиске собственно белорусских интересов в общеевропейских событиях и процессах.

Патриарх белорусской историографии, Митрофан Викторович Довнар-Запольский, в первую очередь известен своими классическими работами в области медиевистики. Однако сфера его научных интересов была гораздо шире. Наш классик исторической науки не обошел своим вниманием и эпоху наполеоновских войск.

Война 1812 г. – это война неиспользованных шансов, упущенных возможностей, неверных оценок и предположений. И этим грешили все противоборствующие стороны. Корни этих противоречий предопределены предыдущим ходом исторического развития. При этом дискуссия о целях, ходе и итогах, как военной компании 1812 г., так и о всей эпохе наполеоновских войн, ведется практически со времени окончания боевых действий и продолжается по сей день.

100-летие войны 1812 г. было отмечено выходом семитомного юбилейного издания «Отечественная война и русское общество». Отметим, что оно не являлось частью официальной государственной программы праздничных торжеств, а появилось благодаря частной инициативе издательства Товарищества И.Д. Сытина и в типографии, принадлежавшей этой компании.

Иван Данилович Сытин был крупнейшим российским книгоиздателем. В начале XX в. каждая четвертая книга в стране, а также ряд ведущих журналов и газет выпускались его Товариществом [1, 7]. Идея создать юбилейное издание по истории войны 1812 г. принадлежала самому предпринимателю.

Сотрудничество М.В. Довнар-Запольского с Товариществом И.Д. Сытина началось в 1905 г. К этому времени у историка уже был опыт участия в многотомном юбилейном сытинском издании. В 1911 г. М.В. Довнар-Запольский стал одним из ведущих авторов издания «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

настоящем» в шести томах, вышедшего к 50-летию отмены крепостного права. Редакционную коллегию «Великой реформы» возглавил С.П. Мельгунов и его товарищи по по Исторической комиссии при учебном отделе Московского общества распространения технических знаний (ОРТЗ), которую он возглавлял, в недалёком прошлом – студенты историко-филологического факультета Московского университета – В.И. Пичета и А.К. Дживелегов. В работе над статьями для «Великой реформы» приняли участие ученые, журналисты, писатели. Авторский коллектив, подобранный редколлегией, не ограничивался только москвичами, в него вошли также специалисты из Санкт-Петербурга, Киева, Казани и других городов. Всего в издании помещены статьи 60 авторов, среди которых – академики К.К. Арсеньев, А.Ф. Кони, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Д. Боборыкин, профессора М.М. Богословский, М.В. Довнар-Запольский, А.А. Кизеветтер, А.А. Корнилов, В.Д. Кузьмин-Караваев, М.К. Любавский, А.А. Мануйлов, В.И. Семевский, М.И. Туган-Барановский, Н.Н. Фирсов, А.С. Лыкошин, магистрант Н.П. Василенко, приват-доценты А.Э. Вормс, Ю.В. Готье, М.В. Клочков, А.Е. Пресняков, П.Н. Сакулин, Б.И. Сыромятников, публицисты А.В. Пешехонов, В.А. Розенберг, И.Н. Игнатов, В. Е. Чешихин, Н. Ф. Анненский, В. Я. Богучарский, И. И. Попов, Д. И. Шаховской, С. Н. Прокопович, В. П. Кранихфельд.

Авторы «Великой реформы», в том числе и М.В. Довнар-Запольский, составили основу авторского коллектива и нового юбилейного сытинского издания. Редакторами богато иллюстрированного издания вновь стали А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов, В. И.Пичета, а среди его авторов – не только сами редакторы, но и цвет российской исторической науки той эпохи: Н.П. Михневич, К.А. Военский, В.П. Волгин, И.М. Кулишер, И.В. Лучицкий, В.И. Семевский, А.Л. Погодин, Ю.В. Готье, И.И. Замотин, В.Н. Перцев, Е.В. Тарле, М.К. Любавский, М.И. Туган-Барановский, Н.И. Кареев и др.

В третьем томе юбилейного издания был помещен очерк М.В. Довнар-Запольского «Отношение Имп. Александра I к Отечественной войне и его роль в ней» [4]. При этом ученый поставил перед собой весьма сложную задачу: дать оценку роли российского императора в событиях 1812 г., причем не как официальному придворному летописцу, а как историку, готовому иметь независимую точку зрения и аргументированно обосновать ее.

По мнению М.В. Довнар-Запольского, «для Александра война с Наполеоном была актом борьбы его личного самолюбия, независимо от тех политических причин, которые ее вызывали» [4, с. 115]. При этом историк подчеркивает, что сам царь весьма скромно оценивал свои способности полководца. Но в борьбе с Наполеоном он решил идти до конца: «Если в лице Александра правитель государства выработал себе твердую мысль о необходимости окончательной борьбы с противником, в его же лице дипломат и военачальник имел склонность к широким политическим замыслам, так что по размаху их он мог сравняться со своим гениальным противником. Эта черта характера Александра, несомненно, имела могущественное влияние на выработку тех военных планов, которые предполагалось применить и которые частью были выполняемы» [4, с. 116]. В конечном итоге «Александр I проявил энергичную деятельность во весь период войны. И приемы этой деятельности обрисовывают во весь рост тот своеобразный, не лишенный, впрочем, ума, «византизм», который применял император во всех делах» [4, с. 129].

Современные биографы Александра I, хотя и без ссылки на М.В. Довнар-Запольского, солидарны с его выводами: «Военному гению, силе, натиску Наполеона Александр противопоставил высочайшее дипломатическое искусство, тонкий ум, дальний расчет»; «Военный конфликт с Францией принял для Александра I совершенно очевидную форму личного и бескомпромиссного конфликта с Наполеоном и русский император вложил в него всю силу своей ненависти, задетого самолюбия, твердости воли. Александр вдруг предстал тем, кем он и был в действительности, вернее, стал после обретения на троне уверенности, – правителем властным, сильным, дальновидным» [10, с. 225, 230–231].

Примечательно, что многотомник «Отечественная война и русское общество» стал, пожалуй, первым изданием, под обложками которого соседствуют имена В.И. Пичеты, В.Н.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Перцева и М.В. Довнар-Запольского – будущих соратников по Белорусскому государственному университету.

В 1913 г. небольшая статья М.В. Довнар-Запольского «Война 1812 г. и современное ей русское общество» была опубликована в сборнике в честь российского историка, профессора, в 1900–1905 гг. декана историко-филологического факультета Казанского университета Дмитрия Александровича Корсакова [2].

В середине 1920-х гг. М.В. Довнар-Запольский возвращается к теме войны 1812 г. В сводной монографии «История Белоруссии» этому историческому сюжету в главе «Устройство Белоруссии в начальную эпоху русского владычества» посвящен параграф «Отражение двенадцатого года».

В начале XX века белорусская национальная историография делала свои первые шаги. В первых обобщающих трудах по отечественной истории тема войны с Наполеоном освещалась весьма скромно, фактически в нескольких строках и абзацах. Согласно Вацлаву Ластовскому события 1812 г. напомнили Беларуси «страшныя часы маскоўскіх і шведскіх воен. Безпрэстанныя пераходы войск, грабежствы, пажары і др. давялі край да голаду. Былі прыпадкі, што аграбленыя з усяго вёскі вымiралі з голаду. Пасля гэтых воен беларускі народ доўга ня мог аправіцца. А памяць аб іх жыве ешчэ ў народзе і па сягоднішні дзень». При этом «часць палякаў памагала Наполеону». Как иллюстрацию позиции белорусов, В. Ластовский приводит исторический анекдот с ответом Наполеону белорусской бабы, которая хотела бы, «каб француз, заняўшы Маскву, пагнаў, пагнаў, ды і не вярнуўся!» [8, с. 95].

По оценке В. Игнатовского в минском, 1926 г., издании «Кароткага нарыса гісторыі Беларусі», во время войны 1812 г. «Беларусь зрабілася нейкай сусветнай трупярняй» [5, с. 163]. В несколько иной интерпретации события 1812 г. излагаются в четвертом, исправленном, виленском, издании этой работы 1927 г. В нем снова подчеркнуты потери Беларуси в результате военных действий, причем виноваты в этом и французские, и русские войска: «Усе гэтыя арміі рабавалі і нішчылі край» [6, с. 113].

Подчеркнем, что и В. Ластовский, и В. Игнатовский, не называли эту войну Отечественной, и использовали нейтральное определение – война 1812 г. Таким образом, именно у М.В. Довнар-Запольского в его «Истории Белоруссии» тема – война 1812 г. и Беларусь, впервые в отечественной историографии стала самостоятельным сюжетом, которому был посвящен отдельный параграф учебника.

Интересны те акценты, которые расставляет историк в весьма скромном по объему – иного и не предполагал характер книги – тексте. Описание военных действий практически отсутствует. Зато основное внимание направлено на разбор новой политической ситуации, которая сложилась на белорусских землях с приходом французских войск. Например, историк подчеркивает, что «Свободная Польша в ее прошлом стала представляться тем идеалом, к которому нужно стремиться, а свобода Польши представлялась единственной возможностью добиться свободы и в Белоруссии, и в Литве. Эта платформа сплачивала местные национальные элементы, литовские и белорусские, с поляками и ранее полонизированными земляками. Неудивительно поэтому, что всякий призыв к свободе Польши находил себе сочувственный отклик среди многочисленных белорусских элементов населения. Повторяем, что такими элементами были не только поляки, живущие в нашем крае, не только полонизированные белорусы, но и белорусы национально настроенные и даже не потерявшие связь с православной религией» [3, с. 284]. Поэтому, совсем не случайно, «войска «великой армии», придя в Белоруссию, встретили в высших классах ее общества самый радушный прием» [3, с. 285]. Созданное под эгидой французов Временное правительство ВКЛ «проявило огромную энергию», в том числе и «по устройству белорусско-литовского войска и национальной гвардии». Причем «Временное литовское правительство в общем опиралось на сочувствие всех слоев населения. Даже белорусское крестьянство тормозило отход русских войск и не позволяло им уничтожать припасы» [3, с. 285].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В качестве «ярых сторонников французов» М.В. Довнар-Запольский называет могилевского православного архиепископа Варлаама. Действительно, он оказался единственным священнослужителем такого высокого ранга, открыто поддержавшим Наполеона и впоследствии лишенным за это сана [9]. Параграф содержит и весьма любопытную оценку ученым дальнейшей исторической эволюции настроений в белорусском обществе: «В 12-м году и в 30-м году участие белорусов в польском деле сказывалось значительно сильнее, нежели участие в 1863 году, когда объединение с Россией сделалось уже более прочным» [3, с. 284].

К сожалению, говоря о работах историка по проблемам войны 1812 г., мы не можем даже приблизительно очертить ту источниковедческую базу, на которую он опирался. Выскажу предположение, что некоторые материалы он мог почерпнуть во время работы в библиотеке и архиве Хрептовича. О наличии там подобных материалов можно утверждать с уверенностью, ведь Адам, сын основателя этих архивно-библиотечных фондов Иоахима Хрептовича, в 1812 г. поддержал Наполеона, о чем М.В. Довнар-Запольский упоминает в своей монографии.

Как мы знаем, рукопись довнаровской «Истории Белоруссии» не прошла сквозь горнило советской идеологической цензуры, и впервые была напечатана только в 1994 г. Тем не менее, заключительная фраза в его параграфе «Отражение двенадцатого года» и сегодня звучит весьма доказательно: «Настроение умов в 12 году характеризует нам отношение известной части белорусского общества к русскому владычеству» [3, с. 286]. На наш взгляд, эта убедительная формулировка не потеряла своего значения и актуальности, и сегодня.

Несмотря на то, что территория Беларуси часто становилась ареной боевых действий, ни одна их войн, больших или малых, не явилась судьбоносной для ее истории. Не стала исключением в этом отношении и война 1812 г. Дело в том, что все эти войны рождались не на белорусской земле. Они являлись вооруженным выражением международной политики, в которой Беларусь и белорусские земли играли скромное и подчиненное положение. Эта политика и эти военные конфликты были порождены столкновением более обширных – региональных, европейских, а, иногда, и мировых интересов, на фоне которых собственно белорусские интенции почти не просматривались. Беларусь веками была не субъектом, а объектом международных отношений, и в настоящее время с трудом пытается избавиться от исторического комплекса неполноценности. Собственный, белорусский взгляд на европейские и мировые проблемы, своя оценка войн, пришедших извне, но ставших частью отечественной истории – одна из составляющих по преодолению этого комплекса. По отношению к войне 1812 г. исторические взгляды М.В. Довнар-Запольского следует признать приоритетными.

Источники и литература

1. Динерштейн, У.А. И.Д. Сытин. – М. : Книга, 1983. – 271 с.
2. Довнар-Запольский, М.В. Война 1812 г. и современное ей русское общество // Сборник в честь профессора Корсакова. Казань: 1 книжный магазин М.А. Голубева, 1913. – С. 382–397.
3. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии. – Минск: Беларусь, 2005. – 680 с.
4. Довнар-Запольский, М.В. Отношение Имп. Александра I к Отечественной войне и его роль в ней. // Отечественная война и русское общество. 1812 – 1912: Юбилейное издание: В 7 т. / Ред. А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов, В.И. Пичета. – М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911. – Т. III. – С. 115–129.
5. Ігнатоўскі, В. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. – Мінск : Беларусь, 1991. – 190 с.
6. Ігнатоўскі, В. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Выданне IV, папраўленае. – Вільня : Выдавецтва У. Знамяроўскага, 1927. – 116 с.
7. Книга в России. 1861–1881 : В 3 т. – Т. 2. – М. : Книга, 1990. – 214 с.
8. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 126 с.
9. Рожко, В. Архієпскоп Варлаам Шішацький – головний організатор українського церковного жыцця кінця XVIII – початку XIX ст. (до 250–річчя народження) // Історія релігій

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в Україні. Праці XI-ї міжнароднай навуковай конференціі. – Кн. 1. – Львів: Логос, 2002. – С. 360–367.
10. Сахаров, А.Н. Александр I. – М. : Наука, 1998. – 287 с.

Andrei Kishtymau. War of 1812 in studies of Dovnar-Zapolsky. The article characterized by scientific views of the Patriarch of Belarusian historiography Dovnar-Zapolski on the war 1812, Dan essay treatment scientist to the subject, marked by its priority in the introduction as a story of national historiography are comparisons with approaches and lastouski. Ignatovsky. Marked accent scientists the consequences of war in the context of the general attitude of the Belarusian society to politics of autocracy in the lands of the former Speech, which became split in Belarusian society towards the warring parties. Emphasized the relevance of Dovnar-Zapolsky approaches in finding proper Belarusian interests in Pan-European events and processes.

УДК 94(476.2)“1863/1864”

А.Э. Сакольчык
Інстытут гісторыі
Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі

«НЯДОБРАНАДЗЕЙНАЯ» РЭЧЫЦА І ЯЕ ЖЫХАРЫ Ў ЧАСЫ ПАЎСТАННЯ 1863–1864 ГАДОЎ

У артыкуле раскрываецца спецыфіка падзей 1863–1864 гг. у Рэчыцкім рэгіёне. Асаблівая ўвага звернута на перыяд 1861–1862 гг., што ў гістарычнай навуцы замацаваўся пад назвай «маніфестацыйнага этапу», як прадвесніка паўстання. Акрэслены вядучыя формы і віды грамадска-палітычнай актыўнасці мясцовага насельніцтва, прасочаны яго пазіцыі, настрой і стаўленне да тагачасных рэалій. А таксама закрануты пытанні карнай палітыкі ўраду ва ўмовах унутранага канфлікту.

Перад тым, як падзеі 1863–1864 гг. адкрыта прагрымелі ваеннымі сутыкненнямі паўстанцкіх атрадаў з войскамі Расійскай імперыі, у беларуска-літоўскім рэгіёне па прыкладзе Царства Польскага пракацілася хваля пратэстных акцый. Паколькі яны адбываліся фактычна ў адзін прамежак часу (1861–1862 гг.) і з’яўляліся даволі распаўсюджанамі ў гістарычнай навуцы замацавалася вылучэнне асобнага перыяду пад назвай «маніфестацыйнага этапу паўстання». Яго галоўная сюжэтная лінія развівалася вакол рознажанравых маніфестацый – вулічныя шэсці/працэсіі, тэматычныя набажэнствы, прымеркаваныя да пэўных дат або падзей з гісторыі Рэчы Паспалітай, з жыцця выбітных асобаў; выкананне патрыятычных гімнаў; нашэнне сімвалічных знакаў і вопраткі. Мэтай такіх акцый выступала дэманстрацыя пратэсту супраць урадавых дзеянняў ці, наадварот, знак салідарнасці з апазіцыйным рухам. Рэчыца таксама стала іх актыўным удзельнікам.

Мясцовыя жыхары былі далучаны ўладамі да катэгорыі «нядобранадзейных» за неаднаразовае масавае выкананне патрыятычных гімнаў. Першыя згадкі аб падобным здарэнні адносяцца да 1 лістапада 1861 г. Зразумела, цэнтральным месцам збору для песнапенняў выступаў рымска-каталіцкі прыходскі касцёл. Разбіральніцтва над антыўрадавымі выступленнямі вялося ў Мінскім паліцэйскім судзе больш года. Па канчатковай судовай пастанове завадатарамі і ўзбуджальнікамі хваляванняў выступалі ўмоўна кажучы «прышлыя элементы» – жыхары суседніх паветаў. Магчыма яны ўваходзілі ў склад вандроўных «групаў запявалаў» (*записные певцы*) [10, арк. 45–47], задача якіх заключалася ў перамяшчэнні па паветах і правакацыі спеваў сярод удзельнікаў набажэнства. У гэтым абвінавачваліся гувернантка ўладальніка маёнтка Адверніца Гомельскага павета Іляшэвіча – Вітольда Гувальт, яго выхаванка – Аліна Белавежская і памешчыца маёнтка Паболава Бабруйскага павета –

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Маліноўская. У якасці групы падтрымкі выступілі прысутныя на імшы: звольнены са службы падпалкоўнік Семянцоў і яго сын Васіль, служачы павятовага казначэйства Іван Аляшкевіч, прычэснік Рэчыцкай нядзельнай царквы Сафроній Чайкоўскі, пісьмавод гарадской лякарні Рыгор Перапеча, вучань павятовага лекара Якаў Слепакоў. Дзіўна, але падчас следства дадзеныя асобы мігрыравалі з катэгорыі абвінавачаных у катэгорыю сведкаў. На астатніх удзельнікаў звярталася больш шчыльная ўвага. Аднак, усіх падсудных вызвалілі з-за адсутнасці доказнай базы і паказанняў сведкаў. Маліноўская (жонка палкоўніка) спаслалася ўвогуле на тое, што прысутнічаць у двух месцах адначасова немагчыма, а яна знаходзілася ў Антушэўскім касцёле. Аліна Белавежская і Вітольда Гувальт не прыйшлі на суд. Першая з'ехала на Валынь. Другая прычыну не ўказала, але сведкі не пацвердзілі яе датычнасці [5, арк. 80–82]. Здавалася б, на твар відавочны факт процівайрадавай дзейнасці. Тым не менш, яго зыход у выглядзе цалкам апраўдальнага вердыкта падаецца не зусім адэкватным у склаўшайся сітауцыі.

Аналагічная карціна назіраецца і ў другім выпадку выканання патрыятычнага гімна 25 лістапада 1861 г. Толькі яно было больш колькасным па складзе выканаўцаў і адпаведна ліку падсудных. Сярод іх сустракаліся наступныя прозвішчы: жонка рэчыцкага павятовага суддзі Алена Гумінская з дачкой і сынам; памешчык маёнтка Грохаў Рэчыцкага павета Келчэўскі з жонкай і сваячкамі Фёклай і Канстанцыяй Келчэўскімі; памешчыца маёнтка Брыгадава Алена Кунцэвіч з сястрой Радзіеўскай; памешчыца маёнтка Маладушы Вікторыя Прыбора (у дакуменце прозвішча праходзіць як Пр/шыборына – А.С.); памешчыца маёнтка Заспы Стэфанія Вінча; памешчык маёнтка Чэшава Гвідон Солтан з роднай сястрой Марыяй; жонка памешчыка маёнтка Салтанава Адалія Воўк-Ланеўская са сваячкай Непакайчыцкай; жонка наглядчыка гарадской лякарні Каміла Шпырко (у дакуменце прозвішча напісана як Шпыркевічава – А.С.); жонка бухгалтара казначэйства Палянская з дачкой; жонка гарадского лекара Савіч; Сушчынская, якая пражывала ў маёнтку Новы Двор (сацыяльны статус не пазначаны ў дакуменце – А.С.); а таксама згаданы вышэй па першаму прыкладу судовага разбіральніцтва жыхар горада Семянцоў. Падставай для пачатку суда паслужыла данясенне гараднічага, які сцвярджаў, што «*25 Ноября 1861 г. в Речицком Приходском Римско-Католическом Костеле, после совершения Настоятелем Ксендзом Копциевичем понихиды за упокой Варшавского Митрополита Фиолковского*[2]*, собравшимся народом пропет был революционный гимн (спіс прозвішчаў дадаваўся – А.С.)*» [3, арк. 84]. Цікава, што сам гараднічы не прысутнічаў на набажэнстве, бо снедаў па запрэшэнню памешчыка Цэзарыя Вольбэка ў памешчыка Язафата Беліновіча. Сярод гасцей былі памешчыкі Вінча і Аскерка, наглядчык лякарні Шпырко, засядацель Замыслоўскі. Данясенне ён склаў па словах прыстава Яхімовіча. І як высветлілася пазней, прыстаў з-за нядаўняга ўступлення на пасаду нікога не ведаў. У фіксацыі «нядобранадзейных» персонаў яму дапамагалі ніжнія чыны Рэчыцкай паліцэйскай каманды: Яўхім Кубараў, Карл Кірсакоў, Сяргей Бандарэнка, Антон Астаповіч і радавы Палянскі (ён знаходзіўся ў бестэрміновым адпачынку). Кірсакоў і Астаповіч паказалі, што прысутныя нешта спявалі, але ці быў гэта гімн не ведаюць. Яўхім Кубараў засведчыў супраць жонкі Шпырко, Савіч і падпалкоўніка Семянцова; Сяргей Бандарэнка ўказаў Гумінскую, Прыбора, Шпырко і Савіч; Палянскі – Гумінскую, Вінчу, Прыбора, Воўк-Ланеўскую. Сваю невінаватасць падсудныя тлумачылі па-рознаму: хтосьці даволі павярхоўна, хтосьці на трывалым падмурку фактаў. Напрыклад, Васіль Семянцоў у апраўдаўнне прывёў гіпатэтычную тэзу: «…*не пел, т. к. гимна не знаю и, вообще, нигде не случалось прочесть*» [5, арк. 84]. Адалія Воўк-Ланеўская сцвярджала, што прыехала ў Рэчыцу за лекамі для мужа, зайшла ў касцёл памаліцца аб яго здароўі, моцна была занятая малітваю і спеву не чула. Стэфанія Вінча аперыравала да асабістай адсутнасці гараднічага, тым самым ён не мог нічога бачыць. Хаця сама Стэфанія ўдзельнічала ў набажэнстве, але не спявала. Каміла Шпырко даказвала таксама сваю недатычнасць і звярталася да ўрадавых распараджальных нормаў, якія ў першую чаргу забаранялі

[2] Антоній Мельхіор Фіялкоўскі – архібіскуп-мітрапаліт Варшаўскі (1857–1861), выступіў з пратэстам супраць растрэлу маніфестантаў у Варшаве 15(27) лютага 1861 г. і стаў сімвалам нацыянальнай барацьбы. Яго смерць у 1861 г. памножыла колькасць патрыятычных акцый.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

патрыятычныя песнапенні дзяржаўным служачым і іх сем'ям. А яна якраз жонка служачага. Словы Камілы пацвердзілі асобы, што падчас імшы стаялі побач – пісьмавод Рэчыцкай дваранскай апекі Сікорскі, журналіст казначэйства Кананові́ч, канцылярскія служачыя казначэйства Аляксандр Князеў, Адам Кулак, жонка калежскага асэсара Казлякоўская і дваранін Лісіцкі. Алена Гумінская згадвала факт прыслужвання сына пры алтары, таму яна з дачкой знаходзіліся ў першых радах і доўга стаялі на каленях. У выніку гараднічы запісаў іх «*как впереди стоящих и окутанных как зимою»*. За Непакайчыцкую хадайнічаў бацька, адстаўны паручнік, спасылаючыся на яе хваробу і, увогуле, незнаходжанне ў Рэчыцы. Генрыета Сушчынская апіралася на значную геаграфічную аддаленасць Рэчыцкай парафіі ад яе месца жыхарства ў 100 км, чым абцяжарвалася дарога і не давала магчымасці наведваць касцёл. Віну прызнала толькі Сафія Рудзіеўская. Яна панесла пакаранне ў 15 рублёў штрафу на карысць грамадскага прызрэння і 2 рублі на судовыя выдаткі. Усіх астатніх вызвалілі з-за недахопу доказаў [5, арк. 82–88].

Архіўнымі матэрыяламі засведчаны і трэці выпадак выканання гімну – 8 снежня 1861 г., дзе сустракаюцца прозвішчы ўжо вядомых нам «акцёраў п'есы» і шэраг навічкоў. Тут ужо гараднічым Банчэўскім і прыставам Яхімовічам вылучаліся катэгорыі: да кіраўнікоў аднеслі жонку міравога пасярэдніка маёнтка Брыгадава Алену Кунцэвіч з роднай сястрой Сафіяй Рудзіеўскай, жонку памешчыка маёнтка Маладушы Вікторыю Прыбора; да проста ўдзельнікаў – жонку прадывадзіцеля дваранства Прозар, памешчыцу маёнтка Лоева Лашч, арандатара маёнтка Асавец дваранку Дабжынскую, дваранку з маёнтку Прасветаўшчызна Сапоцкую, памешчыцу маёнтка Ракітна Вінцэнту Келчэўскую, памешчыцу маёнтка Салтанава Воўк-Лісоўская (відавочная памылка – правільна Воўк-Ланеўская) са сваячкай Непакайчыцкай і іх служачага двараніна Пятра Сакалоўскага. Якія аргументы ў дадзеным судовым працэсе паслужылі для падсудных «выратавальным кругам». Некаторыя апелявалі на дрэнны стан здароўя і хваробу горла, што пацвярджалі медыцынскім заключэннем мясцовых лекараў Савіча і Філіповіча. У прыватнасці, дваранкі Дабжынская і Сапоцкая. Але калі згадаць папярэдні прыклад, то заўважаем удзел у спевах жонкі лекара Савіча, што параджае пэўныя здагадкі наконт ступені праўдзівасці выданых дакументаў. За Антаніну Непакайчыцкую заступаўся бацька, упэўніваючы суддзяў аб спяванні ёю рэлігійнай песні «Святы Божа! Святы Моцны!». Па словах Сафіі Рудзіеўскай, 8 снежня яна наведвала бацьку ў маёнтку Судкава, таму не магла знаходіцца ў касцёле. Воўк-Ланеўская не заўважыла гімна, бо была моцна пагружана ў малітву. Пётр Сакалоўскі, як лакей Воўк-Ланеўскай, падтрымліваў словы бацькі Непакайчыцкай, што акрамя песні «Святы Божа! Святы Моцны!» другой не чуў падчас імшы. Келчэўская, Кунцэвіч, Прозар у Мінск для дачы паказанняў не з'явіліся. Рэчыцкі прадвадзіцель дваранства Прозар, павятовы суддзя Гумінскі і ўнукі купца Філончыка выступілі сведкамі і паказалі, што адзначаных асобаў не бачылі. Зноў жа ўсіх вызвалілі [6, арк. 82–85].

Канешне, з першага погляду апісаная карціна ўражвае і здзіўляе нейкай службовай халатнасцю судовых устаноў. Дакладна вядома, што ўрадавыя колы звярталі на патрыятычныя акцыі, у тым ліку і на спевы, пільную ўвагу. Існавала нават выпрацаваная на ўрадавым узроўні сістэма пакаранняў: арганізатары падвяргаліся 20 рублям штрафу і 10 дням гаўптвахты (жанчын на гэты ж тэрмін саджалі пад хатні арышт), проста ўдзельнікі – 10 рублям і 3 дням гаўптвахты. Усе вінаватыя выплочвалі судовыя выдаткі па 1 руб. 50 кап. Былі захады таксама «главных подстрекательниц – женщин» перасяляць з горада ў сельскую мясцовасць, браць падпіскі аб далейшым неўдзеле ў акцыях, А пры адмаўленні падпісацца высылаць ва ўнутраныя губерні імперыі. Прадстаўнікі дзяржаўных органаў кіравання не раз падкрэслівалі значэнне ўзмоцненай барацьбы з праявамі маніфестацыйнага настрою насельніцтва. Так, у лісце Пятра Мартынавіча Мейера (члена следчай камісіі ў Мінску) ад 7 лістапада 1861 г. гаварылася: *«На одно обстоятельство необходимо обратить особое и самое немедленное внимание: это гимн о возвращении вольности Польше всему народу Литовскому (супадае з вызначэннем тэрміна «літвінскаму» – А.С.), гимн переведен на простонародный Литовский язык и заготовлен массами экземпляров, тесаных и литографируемых в самом Минске. Гимн этот имеет замечательное выражение: «дай всем равенство и одно название». Уже приняты все меры, чтобы гимн этот*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

был разучен всем народом во время предстоящих 6 недель рождественского поста, по-здешнему «святынь», и чтобы, ежели не во всех Православных, то по крайне мере во всех бывших Униатских Церквях на первый день Рождества народ, называемый Россию православной и древнерусской, грянул этот гимн дружно, повсеместно. Этим хотят довершить доказательство солидарности польских начал в замышляемом перевороте…» [12, арк. 10].

Дарэчы, на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў выконваўся адзін з 11 вядомых навукоўцам варыянтаў патрыятычна-рэлігійнай песні «Boże! coś Polskę przez tak liczne wieki / Божа, які Польшчу ва ўсе часы…» (або «Народны гімн») з наяўнасцю радкоў, якія падкрэслівалі дзейсную ролю літвінаў у змаганні за вольнасць Рэчы Паспалітай:

O Matko Boska, coś na Ostrej Bramie
Cudami Swemi Litwinów krzepiła
Przyjm modły nasze jako łaski znamie
I proś wolność by Polska wrociła…

О, Божая маці, што на Вострай Браме
Цудамі сваімі Літвінаў падтрымала
Прымі модлы нашы, як міласці знамя
Прасі, каб Польшча зноў вольнасць вярнула!...(пераклад аўт.)

Меўся і тагачасны беларускамоўны варыянт гэтага гімну. Ён быў напісаны лацінкай і падпісаны да друку ў Варшаве 17 лістапада 1861 г. цэнзарам А. Функенштайнам. Песня пачыналася радочкамі:

Божа, Ты Польшчы праз доўгія вякі
Даваў чэсць, хвалу, сцярог ад няволі,
Не паскупіў ты айцоўскай апекі,
Суліў пацеху в нешчаслівай долі.
Перад Аў(л)тары малітву прыносім:
Вольнасць, Айчызну вараці нам, просім! [18, с. 228]

Здаралася, калі ў рэлігійнай песні замяняліся некаторыя словы і яна станавілася патрыятычнай. Напрыклад, замест прыпеву «*Do twego tronu zanosim błaganie w opiekę swoją racz nas przyjąć Panie/Да твайго трону ўзносім просьбы, у сваю апеку прымі нас Пане»* ўжываліся наступныя радкі: *«Przed twe ołtarze zanosim błaganie, Ojczyznie wolność racz nam wrocić Panie/Перад тваім алтаром узносім просьбы, Айчыне вольнасць вярні Пане»* [2, арк. 8 адв.].

У выніку паўстае лагічнае пытанне – чаму судовыя пастановы і заключэнні насілі такі мягкі характар, калі існавала сапраўдная праблема і з ёй змагаліся на дзяржаўным узроўні. Прычым, аналагічныя сітуацыі заўважаюцца па судовых разбіральніцтвах спеваў гімну ў Мінску, Навагрудку, Мазыры, Пінску і іншых гарадах. На жаль, дакладны адказ атрымаць пакуль не ўдалося. Можна выказаць некалькі меркаванняў: а) несур'ёзнае стаўленне да патрыятычных акцый і небачанне ў іх першых ластавак, прадвеснікаў узброеннага паўстання; б) нежаданне яшчэ больш раздражняць насельніцтва і настройваць яго супраць улады; в) мясцовае паходжанне часткі чыноўніцкага апарату, што параджала прынцып выгароджвання сваіх на падставе сваяцкіх або сяброўскіх адносінаў; г) слабая адаптаванасць служачых, прызначаных з цэнтральных абласцей Расійскай імперыі ў беларуска-літоўскія губерні, культурны дэсананс (мова, веравызнанне, побыт) і неразуменне імі рэгіянальнай спецыфікі, з чаго вынікала прыняцце сведчанняў/паказанняў за праўдзівыя без рэальных (фактычных) парушэнняў судовай працэдуры; д) прагалы ў самой бюракратычнай сістэме (папяровая валакіта, хабары, дрэнныя сувязі цэнтра з перыферыяй і г.д.).

Калі ж звярнуцца да ўдзельнікаў песнапенняў, то адразу кідаецца ў вочы яго гендэрная складаючая. Авангард належыў жанчынам. І гэта натуральная з'ява – справамі веры (выкананне абраднасці, пастаяннае наведванне набажэнстваў, рэлігійнае выхаваннем дзяцей) заўсёды займаліся жанчыны. У сацыяльным разрэзе выканаўцамі пераважна з'яўляліся памешчыцы, жонкі служачых і самі служачыя. Нездарма, некаторыя жандарскія чыны віну за патрыятычныя спевы ўскладвалі на «общество из фанатических дам и мелких чиновников». Вядома, паводзіны падсудных і выкарыстанне розных апраўдальных хітрыкаў матывавалася звычайным чалавечым інстынктам самазахавання і імкненнем выратаваць жыццё.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Далейшая дынаміка развіцця падзей у павеце не набыла вострых форм. На працягу ўсяго паўстання ён заставаўся неахопленым баявымі дзеяннямі. Хаця асобныя згадкі павятовых населеных пунктаў пры перамяшчэнні невялікіх груп паўстанцаў утрымліваюцца ў рапартах павятовых спраўнікаў. Так, у паведамленні аб пераходзе паўстанцаў з Віцебскай губерні з намерам нападу на мястэчка Крычаў пералічваюцца іх дзеянні, у тым ліку, спальванне 24 красавіка 1863 г. маста ў напрамку руху ад Чэрыкава да Рэчыцы [15, арк. 20]. Параўноўваючы размеркаванне па Мінскай губерні для аховы парадку сілаў казацкіх сотняў, становіцца зразумелым, што Рэчыцкі павет належыў разам з Бабруйскім да самых спакойных. Усяго 55 чалавек і адпаведна 52, а на Ігуменскі – 125, на Слуцкі – 185 [9, арк. 3].

Нягледзячы на адносную цішыню, асобным жыхарам павету не ўдалося пазбегнуць арыштаў, высылкі, падазрэнняў з наглядамі за спачуванне або дапамогу «мецяжу». Напрыклад, у Арэнбургскай губерні ссылку адбываў памешчык маёнтка Юравічы Аляксандр Солтан за жаданне вызваліць двух палітычных арыштантаў – мазырскага гімназіста двараніна Антона Шпігановіча і звольненага з Кіеўскага ўніверсітэта студэнта Тадэвуша Арахоўскага, затрыманых юравіцкімі сялянамі са зброяй у руках у забароненай вопратцы і з рознай карэспандэнцыяй (лісты, карты, планы) [11, арк. 2 адв.]. З маёнтка таксама зымалі ўзмоцнены 10-ціпрацэнтны збор. Падобны лёс напаткаў Стэфана Купцэвіча за матэрыяльнае забеспячэнне атраду. Свой тэрмін зняволення ён праходзіў у Наўгародскай губерні [16, арк. 31]. А за наглядчыкам Рэчыцкай паштовай станцыі Вайцяхоўскім вёўся нагляд па прычыне шлюбу з жанчынай польскага паходжання (хутчэй за ўсё проста каталічкай – А.С.) [14, арк. 14]. Варыянты абвінавачвання ў «нядобранадзейнасці» мелі даволі шырокі спектр, таму колькасць прыцягнутых да адказнасці нават у «спакойным» павеце зашкалівала. У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі па рэчыцкіх абываццелях захоўваецца вялізная, у тры тамы, справа судовых перыпетый [8; 17, с. 446–453].

Аднак, у медаля быў і іншы бок. Некаторая частка жыхароў рэгіёну заставалася вернай уладам Расійскай імперыі. 7 ліпеня 1866 г. міравы пасярэднік 4 стану Рэчыцкага павету рапартаваў аб ахвяраванні сялянамі 12 рублёў на «*сооружении в г. Вильне часовни, в честь воинов, принесших на алтарь отечества свою жизнь за преданность правительству при подавлении мятежа 1863 г.*» [7. арк. 52].

І хаця насельніцтва актыўна не ўзялося за зброю, яно ўсё ж такі прадэманстравала сваю пазіцыю, настрой і адносіны да існуючага ладу. Іх кульмінацыяй стаў маніфестацыйны рух пачатку 1860-х гг., які, па меркаванню сучаснага польскага даследчыка Станіслава Ланеца, менавіта і паскорыў адраджэнне нацыянальна-вызваленчых тэндэнцый у насельніцтва «даўняй Літвы гістарычнай» [1, s. 71].

Крыніцы і літаратура

1. Łaniec, S. Partyzanci kresów północno-wschodnich w powstaniu styczniowym (ziemie białoruskie) / S. Łaniec. – Toruń : Top. Kurier, 1996. – 110 s.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей НГАБ). – Фонд 159. – Воп. 1. – Спр. 6673.
3. НГАБ. – Фонд 159. – Воп. 1. – Спр. 6674.
4. НГАБ. – Фонд 159. – Воп. 1. – Спр. 6684.
5. НГАБ. – Фонд 159. – Воп. 1. – Спр. 6685.
6. НГАБ. – Фонд 159. – Воп. 1. – Спр. 6686.
7. НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 1806.
8. НГАБ. – Фонд 296. – Воп. 1. – Спр. 29а.
9. НГАБ. – Фонд 296. – Воп. 1. – Спр. 148.
10. НГАБ.– Ф. 937. – Воп. 6. – Спр. 94.
11. НГАБ. – Фонд 1416. – Воп. 3. – Спр. 13362.
12. НГАБ. – Фонд 1418. – Воп. 2. – Спр. 1.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

13. НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 31237.
14. НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 31655.
15. НГАБ. – Фонд 2001. – Воп. 2. – Спр. 12.
16. НГАБ. – Фонд 2532. – Воп. 1. – Спр. 15.
17. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы гістарычнага архіва Беларусі / уклад. Дз. Ч. Матвейчык; рэдкал. : У.І. Адамушка [і інш.]. – Мінск : А.М. Вараксін, 2014. – 544 с.
18. Сакольчык, А.Э. З гісторыі адной песні…Рэлігійна-патрыятычны гімн 1860-х гг. / А.Э. Сакольчык // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтва : мат. Міжнароднай навук.-практ. канф. (20–21 лістапада 2014 г., г. Мінск) / уклад. Ю. В. Пацюпа; гал. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 227–229.

Alena Sakolchyk. «Unreliable» Rečyca and its inhabitants during the revolt of 1863–1864. The article deals with the specifics of the events of 1863–1864 in the Rechitsa region. Particular attention is paid to the period of 1861–1862, that is called «demonstrative stage» (as a precursor of the uprising) in the historical science. The leading forms and types of political activity of the local population are determined, their position, mood and attitude towards the then realities are traced. The punitive policy of the government in the conditions of the internal conflict are also discussed.

УДК 947: 347.627

И.В. Падерова
Белорусский государственный
аграрно-технический университет

РАЗВОДЫ В СЕМЬЯХ КРЕСТЬЯН В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена проблеме разводов в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в. Большое внимание уделено причинам разводов в семье крестьян. Проанализированы архивные данные о разводе крестьян в белорусских губерниях. Автор приходит к выводу, что низкий процент разводов в то время был обусловлен нравственными религиозными ценностями народа.

История семейных отношений представляет собой актуальную научную проблему. Актуальность определяется тем, что институт семьи является базовой структурой социальной истории во всех ее периодах. Сегодняшняя семья является продуктом человеческой истории.

На протяжении долгого времени считалось, что «браки заключаются на небесах». Сегодня браки стремительно разрушаются в обычных земных условиях. Разводы встречаются все чаще и чаще. Развод – формальное прекращение (расторжение) действительного брака между живыми супругами. По статистике за последние годы число разводов резко возросло, что обусловлено многими причинами. Согласно опросам, основными причинами разводов люди называют измену, алкоголизм (наркоманию) одного из супругов (чаще мужа), квартирный вопрос, отсутствие нормальных бытовых условий, бедность, бесплодие одного из супругов. А вот формулировку «не сошлись характерами», которой часто пользовались при разводах в советский период, сегодня люди указывают крайне редко. Каковы же основные причины разводов в семьях белорусов?

Вообще, до революции развод был большой редкостью, более того, официальным признавался развод, совершенный исключительно церковным судом. По существовавшему законодательству развод мог разрешить только Святейший Синод и только по строго

ограниченным поводам. Законодательство Российской империи о разводе в XIX в. было намного строже, чем в других европейских странах, где почти повсеместно ко второй половине XIX столетия наряду с церковным был введен и гражданский (т.е. светский) брак. Взаимоотношения мужчины и женщины в семье характеризовались сочетанием традиционных элементов с новыми, обусловленными особенностями пореформенного периода. В связи с изменением экономического, социального и культурного облика трансформировались и социальные гендерные роли как в обществе, так и в семье [1].

В Российской империи XIX — начала XX в., где вся матримониальная сфера жизни человека находилась в руках церкви, разводы проводились с санкции духовного суда и при строгом соблюдении требований к основаниям для развода. Главными причинами для него являлись прелюбодеяние, неспособность к супружеской жизни, ссылка в Сибирь, уход в монастырь, безвестное долгое отсутствие одного из супругов и близкое родство. Наряду с официальными разводами существовали также «самовольные разводы», т. е. разводы, не санкционированные церковью. Супруги в этом случае расходились фактически, жили отдельно друг от друга и иногда заводили новую семью. Такого рода разводы практиковались во всех сословиях, но особенно были характерны для крестьян, часто не имевших даже понятия о духовном суде. В то же время разводы среди крестьян были большой редкостью.

Низкий процент разводов в белорусской деревне был обусловлен не столько жесткостью церковных требований, сколько менталитетом народа, ориентированным на нравственные ценности православия. Крестьяне считали брак священным союзом, который невозможно расторгнуть на земле, так как он заключен на небесах по Божьему повелению. Кроме того, крестьянское хозяйство было организовано таким образом, что одному человеку вести его было не под силу. Семья была хозяйственной единицей, и каждый ее член, выполняя определенные обязанности, вносил свой вклад в семейное благополучие. Разрушение брачного союза вело к разрушению хозяйства и к обнищанию семьи.

Супружеские пары расходились, как правило, по причине бездетности, виновницей которой всегда считалась жена. В этом случае общественное мнение всегда было на стороне мужа, покидавшего бесплодную жену, поскольку без детей брак терял всякий смысл. В этом случае женщина уходила из дома мужа к родителям, забирая свое приданое. Например, в прошении крестьянина Могилевской губернии Тимофея Кильчицкого указано, что вступив в первый законный брак с вдовою крестьянкою и прожив четыре месяца, он просит расторгнуть брак в виду того, что жена его оказалась неспособной к деторождению, т.к. прожив с первым мужем семь лет она также не имела детей [2]. Если мужчина был молод, то он старался официально расторгнуть брак, для того чтобы иметь возможность жениться вторично, а если находился в зрелом возрасте, то брал в дом вдову с детьми и жил с ней до старости без венчания.

Фактический развод мог произойти и в том случае, если муж, уйдя в город на заработки, много лет не появлялся в семье. Женщина в таком случае приводила в дом мужчину, чаще всего вдовца, с которым и жила без венчания. Мужчина, по каким-либо причинам покинутый женой, также брал к себе в дом вдову, которая становилась хозяйкой в доме и воспитывала его детей. Общественное мнение было настроено достаточно лояльно к таким невенчанным парам, понимая всю сложность возникшей ситуации. В деле о разводе крестьян д. Слывики Чаусского уезда указано, что жена прожила вместе с мужем одну неделю, а потом бросила и ушла из дома. Причиной же, по ее словам, были возраст и неспособность мужа к супружеской жизни. В результате брак был расторгнут и оба супруга получили разрешение вступить в брак [3].

В то же время развод, вызванный пьянством или тяжелой болезнью одного из супругов, не одобрялся. Считалось, что каждый человек должен «нести свой крест». Крестьянка Карташова подала на развод по причине того, что ее муж уехал в Сибирь и, вернувшись через год, стал пьянствовать бить жену [4].

Прелюбодеяние также не было уважительной причиной для развода. Если изменяла жена, то муж должен был «разобраться с ней». Прелюбодеяние жены являлось причиной развода и брак мог быть расторгнут с преданием ответчицы епитимии, только по выполнении

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

которой она могла получит разрешение вступить в брак. Крестьянин Ефим Ковалев сообщил, что жена его бросила и начала заниматься проституцией в Гомеле. При такой развратной и блудной жизни супруга его получила венерическую неизлечимую болезнь (сифилис) и в виду невозможности по этой причине жить супружеской жизнью крестьянин подал прошение о разводе [5]. Если изменял муж, то, по представлениям крестьян, жене следовало смириться с ситуацией и дождаться времени, когда он «набегается и уймется». В прошении о разводе крестьянки Натальи Козловой было отказано в виду неподсудности действий супруга. Крестьянка указала, что «муж не дает ей и их детям никаких средств на пропитание и содержание, а сам уже четыре года живет в прелюбодеянии с другой незаконной содержанкой» [6].

На протяжении почти всего девятнадцатого столетия происходило ужесточение законов о разводе, что шло вразрез с реальным положением в обществе. По законам того времени брак мог быть расторгнут только духовным судом по просьбе одного из супругов. Брак может быть расторгнут вследствие неспособности к брачному сожитию. Неспособность должна быть природной (т. X, ч. 1, ст. 49), во всяком случае возникшей до брака, а не наступившей после него. Развод на этом основании может быть возбужден не ранее, как через 3 года по совершении брака (т. X, ч. 1, ст. 48). Неспособность должна быть подтверждена освидетельствованием во врачебном отделении губернского правления. Последствием развода на этом основании является запрещение больному супругу вступать в новый брак (Уст. дух. коне., ст. 153), однако препятствие это не может считаться безусловным, потому что оно является не наказанием, а лишь предупредительной мерой, и удостоверенное в установленном порядке выздоровление способно открыть возможность вступления в брак [7].

Обоснованным мотивом для развода считались:

1) доказанное прелюбодеяния супруга;

2) добрачная неспособность к брачному сожитию;

3) судебный приговор с лишением всех прав состояния;

4) судебный приговор со ссылкой в Сибирь и лишением всех прав и преимуществ;

5) безвестное отсутствие супруга не менее 5 лет.

К примеру, крестьянка Исаченкова подала прошение о расторжении брака на основании семилетнего отсутствия одного из супругов. Однако в просьбе было отказано, т.к. было установлено, что крестьянин Исаченков проживал в г. Москва [8].

Развод допускался и в случае согласия обоих супругов принять монашество, если они не имели малолетних детей. Иск о разводе подавался епархиальному начальству. После получения просьбы о разводе епархиальное начальство поручало доверенным лицам произвести «увещание супругов, чтобы они оставалась в брачном союзе». Если увещание не приводило к восстановлению отношений, начиналось судебное разбирательство, на которое ответчики обязаны были являться лично.

Стоит отметить тот факт, что даже наличие одного из вышеперечисленных мотивов и признание ответчиком своей вины не считалось доказательством и основанием для развода. Главными доказательствами признавались лишь показания двух или трех очевидных свидетелей и «прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонним лицом».

Часто возникали довольно неоднозначные моменты, которые неоднократно обсуждались и служили причиной над судебной системой: на судебный процесс было необходимо «представить свидетелей прелюбодеяния». В деле о разводе крестьян д. Искань Быховского уезда истцу было отказано, т.к. он не предоставил требуемых доказательств нарушения его женой святости брака прелюбодеянием по причине того, что из указанных им свидетелей никто не удостоверил прелюбодеяния ответчицы [9].

В России с середины XIX в. вопрос о семье и браке стал предметом постоянных дискуссий. В обществе не умолкали голоса, требовавшие изменить российское законодательство о браке и разводе прежде всего, чтобы предотвратить нарастающую лавину "бытовых преступлений". Страшный быт русской деревни, когда избиение жен было нормой и женщина

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

не могла ждать защиты от закона, заставил юристов «поставить ребром» поставить вопрос о разводе [1].

Множество примеров насильственной смерти жен от собственных мужей было приведено в работе русского юриста Верещагина "О бабьих стонах", который отмечал, что жестокое обращение с женами характерно только для русского православного крестьянства: такие ситуации практически не встречаются в среде иноверцев и староверов. Пресса была наполнена описаниями положения женщин-крестьянок, истязаемых своими мужьями. Подобные преступления были связаны с пьянством, которое было страшным бичом для русской деревни. Понятно, что невозможно дать статистику этих преступлений, потому что они не квалифицировались как уголовные.

Единственной общественной организацией, которая могла хоть как-то влиять на семейную жизнь крестьян, были волостные суды, но они не справлялись с ситуацией. Дело было не только в том, что волостные суды не обладали средствами для наказания мужей, но и в определенном отношении самих членов суда к проблеме объема власти мужей над своими женами.

Практически до начала XX века волостные суды часто отказывались от разбирательства самых очевидных дел, руководствуясь тем патриархальным принципом, что "муж считается старшим над женой и имеет право ее наказывать" и что "муж даром бить свою жену не станет, а если бьет, значит, она того стоит"». В деле о разводе крестьян д. Горня жена заявила о том, что «муж учинял надо мною зверское насилие, угрожал убить, гнался по улице с топором» [4]. Крестьянка же Довбоносова из д. Коренец заявила, что согласна продолжать супружескую жизнь, если муж прекратит свое жестокое обращение с ней [10]. Бытовавшее среди крестьян представление о неограниченности власти мужа над женой и являлось наиболее важным препятствием в работе волостных судов.

Однако бывали исключительные случаи, когда волостной суд приговаривал супругов к раздельному жительству. Именно в надежде на такой исход и обращались женщины к судьям. Обращаясь в суд, крестьянки надеялись не на "перевоспитание" мужа (как свидетельствовали все авторы, обращались «лишь тогда, когда всякая надежда уже потеряна и следующая стадия – петля»), а на возможность получить развод. Но именно в этом и отказывали им: до смерти (пусть и насильственной) они должны соблюдать "святость" брака.

Размеры безобразий в семьях приняли такой характер, что появлялись даже церковные определения по поводу жестокости мужей. Характерно, что поводом к вынесению определения Духовной Консистории явилось не само жестокое обращение мужа с женой, а покушение женщины на самоубийство, так как именно этот случай и подлежал ведению духовного суда. На самом деле в таких случаях нужно наказывать не женщин, а их мужей-варваров, которые «по воображаемому ими какому-то праву позволяли себе бить и терзать своих жен, часто ни за что ни про что, просто по сумасбродству, особенно в нетрезвом состоянии».

Более того, в определении Духовной Консистории отмечалось, что Церковь должна следить за взаимоотношениями в семьях и что плохое обращение мужей с женами отрицательно влияет на детей: «Бесчеловечные отношения мужей к женам развращают нравы детей с раннего их возраста: глядя на отца своего, зверя, который тиранит свою жену, у них возбуждается дух ненависти к нему, а у иного может возбудиться такой же дух жестокости, пожалуй, теми же способами действия, какие усмотрены ими, когда отец бил-тиранил мать. Словом сказать, в высшей степени безнравственно для детей видеть скверные, и тем более убийственные, отношения отца к матери их, и за все это их мужей следует подвергать церковным епитимьям».

При обсуждении на заседаниях Священного Собора Православной Российской Церкви 1917- 1918 гг. доклада о расширении поводов к расторжению церковных браков противники введения жестокого обращения одного супруга с другим как повода к разводу утверждали, что грубое обращение с женщиной в деревне является устойчивым обычаем. Например, член Поместного Собора Малыгин сказал: "...не губите деревни принятием этой статьи; там эта статья совершенно неприменима. Если принята будет эта статья, то в деревне хоть каждый день разводись" [1].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Таким образом, главными причинами развода были прелюбодеяние, неспособность к супружеской жизни и бездетность одного из супругов, ссылка в Сибирь, безвестное долгое отсутствие одного из супругов. Нравственные ценности крестьян в белорусской деревне обуславливали низкий процент разводов.

Литература и источники

1. Церковный развод в царской России [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://decameron-show.ru/novelli/Razvod/68. – Дата доступа: 30.08.2015.
2. Дело о разводе крестьян Быховского уезда Т.и С. Кильчицких // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Ф. 2301. – Оп.1. – Д.589. – Л.1.
3. Дело о разводе крестьян д. Слывики Чаусского уезда С.и С. Карначевых // НИАБ. – Ф. 2301. – Оп.1. – Д.585. – Л.10.
4. Дело о разводе крестьян д. Горня Климовичского уезда П.и В. Карташовых // НИАБ. – Ф. 2301. – Оп.1. – Д.586. – Л.4.
5. Дело о разводе крестьян д. Михальки Гомельского уезда Ковалевых // НИАБ. – Фонд 2301. – Оп.1. – Д.590. – Л.2.
6. Дело о разводе крестьян д. Бороньки Климовичского уезда Н.и К. Козловых // НИАБ. – Ф. 2301. – Оп.1. – Д.592. – Л.1.
7. Свод законов Российской империи. – СПб: Государственная типография, [1899]. – Т. IX: Законы о состояниях. – [2], 412 с.
8. Дело о разводе крестьян д. Палицкое Климовичского уезда Е.и И. Исаченковых // НИАБ. – Ф. 2301. – Оп.1. – Д.584. – Л.1.
9. Дело о разводе крестьян д. Искань Быховского уезда М.и Е. Копотовых // НИАБ. – Ф. 2301. – Оп.1. – Д.594. – Л.36.
10. Дело о разводе крестьян д. Коренец Климовичского уезда Е.и Е. Довбоносовых // НИАБ. – Ф. 2301. – Оп.1. – Д.583. – Л.1.

I.V. Paderova. Divorce in Belarusian peasant family in the second half of the XIX – beginning of the XXth century. The article is devoted to the divorce in Belarusian peasant family in the second half of the XIX – beginning of the XXth century. Much attention is given to the reasons of peasant divorces. Archive data about divorces in Belarusian regions were analyzed in the article. The author comes to the conclusion the low number of divorces in Belarus at that time was caused by high moral religious values of people.

УДК 94 (476)

Н.Н. Алексейчикова
Белорусско-Российский университет

ВЛИЯНИЕ АЛКОГОЛЯ НА СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКИХ ГОРОЖАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVIII ВЕКОВ

Статья направлена на исследование проблемы употребления крепких спиртных напитков в XVI – XVIII вв. жителями городов белорусских земель, степени ее распространенности среди горожан, а также тому влиянию, которое оказывала эта пагубная привычка на взаимоотношения между родственниками. В статье нашли отражение те негативные последствия, которые оказывало чрезмерное увлечение спиртными напитками начиная от межличностных и имущественных противоречий и заканчивая преступлением в семье.

Изучение повседневной жизни белорусских горожан второй половины XVI – XVIII вв. позволяет утверждать, что в рассматриваемое время жители белорусских городов

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

сталкивались с проблемой алкоголизма. Анализ архивным материалов свидетельствует о том, что под влияние данной пагубной привычки попадали не только мужчины, но женщины, а врем и даже несовершеннолетние дети. Пристрастие к спиртным напиткам было обусловлено сложившимися в рассматриваемый период традициями. Алкогольные напитки, такие как водка[3], мед и пиво, употреблялись во время приема пищи [14, s. 39], различных семейных праздников: «выложыл на веселье меду, пива…» [2, с. 416], «маю горелку у доме своем не для жадное продажи, але есми курил горелку для веселя сына своего» [8, с. 485], «в прошлом 1572 году, будучи очень пьяным во время крестин у своего пана…» [4, с. 438]; да и просто вечером после рабочего дня: «онъ (Марк Иванович Сыса, мещанин полоцкий – А.Н.), пятого Февраля сего года (18 февраля 1683 г. – прим. Н.А.), вечеромъ, выпивши полгранца пива и за одинъ грошъ водки, пришелъ домой…» [5, с. 275]. Вино, мед и водку использовали также в качестве лекарств [11, s. 44]. Это оказывало влияние как на повседневную жизнь горожан в целом, так и их семейную в частности. Так в семьях горожан возникали конфликтные ситуации, которые временами приводили к рукоприкладству: «Поставшисе очевисто Агапея Тимошковна Онисковая, будучи на теле а уме здорова ‹…› по своей доброй воли ‹…› тые слова сознала, иж она мужу своему Ониску Ігнатовичу, хотечи быти во всем послушною, обецуеться з ним употливе жити, не пити, з дому ничого не выносити, а руки от чужого добра гомовати…» [9, л. 78 обр.]. В данном случае пагубная привычка женщины заставляла ее наносить урон своей семье, выносить из дома вещи и воровать у чужих людей, для приобретения спиртного. Это обстоятельство являлось причиной не однократных скандалов в семье Ониска Игнатовича.

Похожая ситуация имела место в 1942 г. Брестский мещанин Стефан Стативко из-за своего пагубного пристрастия к алкоголю разбазаривал имущество своей семьи. Проблема оказалась настолько острой, что его супруга Александра вынуждена была обратиться в суд для констатации данного факта: «Я Александра Езефовна вношу до вашей милости протестацию о то, что внесение мое муж мой Степан Стативко <…> не знаю куда девал, потратил, пропил…» [1, с. 406]. Подобное обращение в суд было продиктовано тем, что в последующем женщина, отстаивая свои имущественные права, могла потребовать от своего супруга вернуть ей ее собственность[4], либо же обратиться в суд с просьбой признать главу семьи неправоспособным и назначения для него куратора: «жена, родители, родственники, друзья утратного мужа должны такого призвать к уряду. Когда жена и друзья станут перед урядом они должны сообщить о причинах, приведшие к утрате и доказать это ‹…› судья, уряд когда увидят, что это соответствует действительности должен назначить для такого человека куратора…» [12, s. 83].

Растрата имущества, связанная с чрезмерным увлечением спиртными напитками, являлась причиной многочисленных конфликтов не только между супругами, но и другими категориями родственников. 1 сентября 1578 г. могилевский мещанин Косца подал жалобу в суд на своего пасынка Гришку: «…жаловал и оповелад учтивы Косца на Гришка Черковича, пасынка своего, а на Хому, сестренца того пасинка его, о томъ, иж дей нет ведома для которой причины збили и змордовали, будучи у дому сполномъ н(а)шомъ. А Гришко с Хомою ‹…› поведили, иж есми его не били, ани о томъ бои ведаемъ, одно если з нег(о) зняти сермягу матки своей для того, штоб не пропил, бо итак речей много матки н(а)шой позапиял. А уряд выслухавши жалоб и отпору сторонъ, обачаючи то, иж тот пасынок и сестренец в молодых летех, а мешкаючи в одномъ дому и в одномъ хлебе, шарпали господара своего, яко отца, с тых причин уряд за вину дал их посажать до меского везенъя.» [2, с. 52 – 53]. Как видим, в данном случае сын и племянник, защищая имущественные интересы своей матери и тети, прибегли к насилию над отчимом, который из-за своей пагубной привычки, неоднократно продавал вещи своей супруги, а вырученные деньги пропивал. Однако, он являлся не только главой семьи, но и кормильцем несовершеннолетних пасынков, поэтому суд встал на защиту

[3] Водка на белорусских землях начала распространяться в XVI в. [11, s. 23]

[4] В XVI–XVIII вв. несмотря на то, что семья носила патриархальный характер, приданное являлось собственностью супруги и без ее разрешения муж не имел права распоряжаться им по своему усмотрению [14, s. 70].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

его прав. В рассматриваемое время, оскорбление родителей, а уж тем более нанесение им каких-либо телесных повреждений, считалось одним из тягчайших преступлений и подлежало непременному наказанию: «Аще ли сынъ бїет отца или матерь, да казнят его волостелскою казнїю, а митрополиту в домъ церковный такїй отрок…» [3, с. 89].

В 1578 г. пьянство привело к имущественным разногласиям между родными братьями, которые осуществляли совместные торговые операции: «учтивы Данило Санъковичъ жаловалъ на учтивого Еска Санковича, брата своего штож дей мне з нимъ посполу ездячи по торгомъ и вже назад до дому едучи, заехали есмо до приятеля его до Стася на ночъ, то пакъ тамъ ночовавши и вжо хотечи до дому ехати, нижли онъ без ведомости моей пошол до слодолы похмелятсе, што я доведавши, иж он пошол пить, побеглемъ у погоню за нимъ, штобы се тамъ не забавил, а до домов своих омешъканя не учинили, нижлимъ его учинити не моглемъ и за семъ се вернулъ назадъ; а кгдымъ до возов прышол, нашол возы порушаны и взято з воза моего готовых п(е)н(я)зей копъ одиннадцать и грши трыдцать, якожемъ я заразем тамъже з нимъ до того врядника на того свояка его жалобу чинилъ и зложити ми с права ему се од того отпприсегнуть, нижли он теперъ, яко будучи мне братомъ и посполу есми з собою ездили и торговали, тое шкоды моее половицы мне платити не хочеть…» [2, с. 18–19].

Временами алкоголь становился причиной непоправимой трагедии. Так в Полоцке в 1683 г.: «онъ (Марк Иванович Сыса – А.Н.), пятого Февраля сего года, вечеромъ, выпивши полгранца пива и за одинъ грошъ водки, пришелъ домой и попросилъ у покойной жены своей Полонеи есть; она ему есть не дала. Тогда онъ, Маркъ Сыса, свернувши вожжи сталъ ее бить, потомъ, когда она перестала просить его, видя, что она слишкомъ избита, поднялъ съ земли и положилъ на лавке, а самъ пошелъ за молокомъ для дитяти, между же тем она умерла ‹…› Истецъ Кукса ‹…› просилъ, чтобы Маркъ Сыса былъ четвертованъ, загубивъ две души, потому что жена его была беременна…» [5, с. 275, 276]. Как видим, ссора между супругами, возникшая на бытовой почве, под влиянием алкоголя переросла в преступление – убийство.

Употребление спиртных напитков не способствовало укреплению брачных уз и в плане верности супругов: «Жаловался славутный пан Павел Кузевка, посполитый могилевский ‹…› о том, что Роман Козакевич, мещанин могилевский и неучтивая Анастасия Мелешкова, шинкарка, совершили чужеложство ‹…› против которых жаловался ‹…› такими словами ‹…› в 1750 году ‹…› нерадница Настасья ‹…› 23 января пришла вечером пьяная до Райя и легла спать в коморе; в это же время пришел Ромка, немного задержавшись в скорости ушел у Семену Бутоме на крестины, где немного побыв, вернулся вновь к Райю и войдя в комору, закрыл двери, где на кровати спала Анастасия (и совершил прелюбодеяние – А.Н.)» [4, с. 292–293]. Из приведенного отрывка видно, что женщина находились в состоянии алкогольного опьянения, мужчина также, скорее всего не был достаточно трезв, поскольку незадолго до совершенного преступления[5] побывал на семейно празднике, кресьбинах, у могилевского мещанина Семена Бутомы. К счастью семья не распалась, потому что супруга Романа Казакевича не только нашла силы простить изменника, но и вступилась за него перед судом: «А так мы, городской уряд ‹…› отмечем, что обвиненный Роман Козакевич, имеющий годную и почтивую венчанную жену и рожденный от нее детей, за совершенный теперь поступок с неучтивой Анастасией Мелешковой, шинкаркой, должен был быть наказан публичной позорной казнью, однако уважая слезы жены и детей ‹…› и его раскаяние, от публичного наказания освобождаем, за совершенные выступок, оскорбляющий Бога и противный людям, должен заплатить 30 битых талеров на городской могилевский гарнизон и дать две скрыне стекла на окна для судебной избы…» [4, с. 292–293].

В рассматриваемое время злоупотребление алкоголем приводило к распаду семьи (расторжению брака): «я, Яков Андреевич Сопоцко ‹…› чиню ведомо и созноваю самъ на себе симъ моимъ доброволнымъ розводнымъ листомъ, ижъ я знаючи тотъ грехъ на себе, же

[5] В рассматриваемое время прелюбодеяние считалось не только греховным, но и преступным. Оно ставилось в один ряд с такими преступлениями как убийство и изнасилование [13, s. 199]

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мешкаючи въ свете, жаднымъ способомъ отъ пьянства завстягнутись и погановати не могу, зачымъ умыслелемъ и статечне то у себе постановилъ одменити животъ мой на животъ законный, на покуту до монастыра, на поратованне души моее, а маючы на сесь часъ въ стане малъженъскомъ учтивую Катерину Самуелевну, которую я южъ тымъ моимъ роспустнымъ житемъ, стративши отчизну мою и самую оголотилъ и до убозтва привелъ пре то‹…› симъ листомъ моимъ зъ малженства и обовязковъ шлюбныхъ вызволяю и волную чыню вечными часы...» [6, с. 521]. Как видим, мужчина осознает, что его болезнь наносит серьезный урон семье, а потому высказывает желание, посвятить свою дальнейшую жизнь служению богу, чтобы избавиться от своего порока.

Чрезмерное использование алкогольных напитков в пищу не только подрывало здоровье жителей белорусских городов, деформировало межличностные взаимоотношения между супругами и другими родственниками, но и приводило к летальному исходу: «Федор Иванович Оршаница, пришедъши до насъ, уряду, скаржилъ на Любу Юзефовну, жидовку и не сестру его, Д(о)ню Ивановну, которая у нее летъ десять служила, здорова, не давши намъ справу, яко умерла, и не ознаймившы, жебы я братъ, зъ братьею и зъ покревными, учтивее, ведле звычаю хрестіанского, оную поховалъ ‹…› сынъ змерлое Дони, Гришкно Андреевичъ, зъ бабкою своею, Парасею, и зъ тетъкою, Марушною Оршаничиною ‹…› въ ночы пришедъшы, нашоломъ матъку свою умерлую ‹…› а взявшы тело, яко до ютрени зазвонено, отъвезлисмо на Гвоздовку въ свитаню, и для неславы, же зъ горелки умерла, кгдыж и отецъ нашъ первей сего также зъ горелки змеръ, не даючы знать до церкви, выкопавъшы ямъку ‹…› зъ братомъ, Тарасомъ Анъдреевичомъ, и Феоромъ и іакож и на тот час у Аверка Семеновича, товарыша своего, скуру іаковичю взявши, в корчме на меду запил ‹…› иж естбых се дей через час того марнотраца еще важил, а от него ескромити и погамовати а не пристойного потровеного питя поперестати и тым живота своего поправити не хотел, а над то бы в тое, чого той час доброволне отступую вдавал, тогды за которым своволенством моим ‹…› врад местской, где колвек трафи, поймати и кату в моц подати, а без милосердя и жадного отпуску у стола на рынку показавши увязати и хлостами, іяко дного злодея карати, а потом с посполства вылучивши з места выгнати…» [7, с. 266–267]; «Постановивши се очевисто мещанин могилевский Дмитр Сашкович сознане свое доброволное до книг меских могилевских тыми словы учинил иж дей што заходили на мене жалобы од розных ‹…› мещан Могилевских в кривдах их иж што я взявши от них ‹…› пропивалом ‹…› записом моим доброволное записую иж не маю жадного напитку так меду пива горелки пить и в корчму аж до рожеству Христова Пришлого…» (1624 г.) [10, л. 78]. С другой – ужесточение контроля за изготовлением спиртных напитков со стороны местных органов власти: «абы нихто горелки в своем доме не мел» [8, с. 462], а также наличие наказания в виде тюремного заключения за распитие спиртных напитков и как следствие нарушение общественного порядка: «Повстановившисе на уряде войтовства Могилевского учтивы Макъсимъ Овхимовичъ, а Иля Грушъковичъ, а Жданъ Оникивичъ, мещане Могилевские выручили з везенъя за дозволенъемъ уряду стороны жоны его и детей Овтушъка Шостаковича Кравца для лотровства его, за которого прырекли, же маеть вжо супокойне жить и вжо маеть перестать того лотровства (пить) чинити по (то) есть пиянства, костырства, збытковъ вшелякихъ под виною тремя рублями грши на вряд ‹…› а если бы его где лотруючи зостали, будеть имъ волно взять и до везенья его войтовского осадить…» [2, с. 9]. Для пьяниц и дебоширов практиковалось в качестве наказания изгнание из города: «Марына Жыдкая ‹…› жаловала на Федора Нестеровича о том, иж он у мене у дому моемъ пившы, сукман ч(е)ског(о) серый ‹…› идучы з дому моего украл, которог(о) я назавтрей у него пытала и перейму давала золотый, а он сукмана мне отдать не хотелъ, то пак я, взявшы з уряду Яна цехмистра, пошотшы у домъ его, нашла сукню свою на передклети захованый, мокрый, прикрытый, што и Ян цехмистръ созналъ ‹…› А сторона отпорная Федор Нестеровичь самъ добровлне знал се, иж з дому ее тую сукню узял был, идучы до дому своего, для тог(о), же был в одной кошули, нижли не смел ее отнести, боючысе, жебы не били ‹…› а так вряд, выслухавшы жалобы и отпору стороны, згоджаючысе водлуг порадку права майдебурског(о), ижь еще был в летех молодых тот Федор и для тог(о) о горло ему не пришло, к тому мще одну

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

копу важыло ‹…› сказали, абы его у прекгли в рынку мистръ дубцы скаралъ, яко одного злочынцу, и з места выбил…» [2, с. 412–413]. В последнем случае мы сталкиваемся не просто с алкоголизмом, а с алкоголизмом детским, повлекшим за собой преступление – кражу.

Исследование актовых книг позволяет утверждать, что второй половины XVI – XVIII вв. в белорусских городах существовала проблема алкоголизма, данной пагубной привычке были подвержены не только мужчины, но и женщины, а также несовершеннолетние дети. Чрезмерное увлечение спиртными напитками в рассматриваемое время нарушало спокойствие семейной жизни: вспыхивали конфликты между супругами и ближайшими родственниками, приводило супружеской неверности и к распаду семьи, а иногда становилось причиной преступления. Якимомъ Ивановичами, дядками и Марушною, сесътрою, и невесткою Марею Ясковою, ввирнувшы въ рогожу а прыкрывшы дошъкою, поховали…» [6, с. 372–373]. Как видим, подобная смерть считалась позором для членов семьи усопшего, а потому ее пытались всяческими путями скрыть, вплоть до похорон без участия священника.

Исследование архивных документов показывает, что проблема алкоголизма стояла довольно остро в исследуемых период. Свидетельством чему являются с одной стороны многочисленные зароки горожан об отказе употреблять алкоголь. Так в 1577 г. Ивашко Жак записал в книги могилевского магистрата следующее обязательство «…на которую часторот жалобы и скарги до враду доходили, за тым што он у в опилство и в роспустность се вдавшы, людей добрых ни в чом ему невинных лаеть, соромотит и словы неучтивыми досожает, звлаща моцъю речи некоторые чужыи береть на рынку и марне их тратит, ку шкоде людей».

Источники и литература

1. Акты издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 6: 1) Акты Брестскаго гродского суда (поточные), 2) Актф Брестскаго подкоморского суда, 3) Акты Брестской магдебургіи, 4) Акты Кобринской магдебургіи, 5) Акты Каменецкой магдебургіи. – Вильна: Тип. Губерн. Правленія, 1872. – 673 с.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
3. Древние русские княжеские уставы XI – XV вв./сост. Я.Н.Щапов – М.: Наука, 1979. – 239 с.
4. Историко-юридические материалы: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 15: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1706 г. Акты, извлеч. из книг Могилевского магистрата за 1747 – 1756 гг./под ред. Созонова. – 1884. – 528 с.
5. Историко-юридические материалы: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 6: Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676 – 1771 гг./под ред. Созонова – 1975. – 409 с.
6. Историко-юридические материалы: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 9: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635 – 1646 гг./под ред. Созонова. – 1878. – 546 с.
7. Историко-юридические материалы: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 32: Акты первой книги Могилев. магистрата за 1577 – 1578 гг./под ред. Д.И.Довгялло. – 1903. – 289, 292 с.
8. ИЮМ: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 7: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1577–1591 гг./под ред. Созонова. – 1876. – 517 с.
9. НГА РБ – Ф. 1817. – Оп. 1. – Ед.хр. 10: Актовая книга Могилевского магистрата 1628 г.
10. НГА РБ – Ф. 1817. – Оп. 1. – Ед.хр. 9: Актовая книга Могилевского магистрата за 1624 г.
11. Baranowski, B. Polska karczma, restaracja, kawiarnia./ B.Baranowski. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. – 248 s.
12. Groicki B., Obrona sierot i wdów/ B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. – 345 s.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

13. Groicki B., Tytuły prawa majdeburskiego od Obrządku i do Artykułów, pierwej po polsku wydanych, w sprawach tego czasu nawięcej kłopotnych z tego prawa majdeburskiego przydane/ B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1954, s.

14. Kuchowicz, Z. Człowiek polskiego baroku/Z.Kuchowicz – Łódz: Wydaw. Łódzkie, 1992. – 395 s.

Natallia Alakseychykava. The effects of alcohol on family life of Belarusian townspeople during the second half of XVI-XVIII centuries. Article seeks to study the problem of consumption of spirits in the XVI-XVIII centuries. residents of the towns of Belarusian lands, its prevalence among the citizens, as well as the impact that provided this harmful habit on the relationship between relatives. The article reflects the negative impact that assisted the overindulgence of alcohol ranging from interpersonal and property disputes and ending with the crime family.

УДК 94:133.4(476.2)«18/20»:63

У.А. Ганчар
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Ф. Скарыны

ЗНАХАРСКАЯ ПРАКТЫКА Ў СФЕРЫ СЕЛЬСКАЙ ГАСПАДАРКІ Ў БЕЛАРУСКІМ ПАЛЕССІ Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯ

У атыкуле разглядаецца знахарская практыка ў сферы сельскай гаспадаркі ў Беларускім Палессі ў канцы XIX – пачатку XXI ст. Аўтар прыходзіць да заключэння, што ў знахарскай практыцы сельскагаспадарчыя функцыі «знаючых» з'яўляліся аднымі з важнейшых і традыцыйна засяроджваліся вакол найбольш важных заняткаў насельніцтва: вырошчвання збожжавых культур і развядзення буйной рагатай жывёлы. Робіцца вывад аб зменах сельскагаспадарчых функцый знахароў пад уплывам мадэрнізацыі грамадства ў бок іх скарачэння, пачынаючы з 1930-х гг. Вынікам гэтага становіцца паступовае звужэнне знахарскіх функцый на працягу сярэдзіны – другой паловы XX ст. і захаванне ў знахарскай кампетэнцыі ў пачатку XXI ст. пераважна лячэння жывёлы ад хвароб, якія, па агульнаму меркаванню, навуковай медыцынай не лечацца.

Сельскагаспадарчыя заняткі складалі асноўву жыццезабеспячэння традыцыйнай культуры беларусаў, асноўная маса якіх на мяжы XIX – XX ст. пражывала ў сельскай мясцовасці. Неўраджай ці падзёж свойскай жывёлы (не лічачы больш дробных праблем) з'яўляліся галоўнай пагрозай існаванню сялянскай гаспадаркі як самастойнай эканамічнай адзінкі. Адсюль і імкненне сялян забяспечыць ураджай, а таксама здароўе і пладавітасць жывёлы любымі спобамі, у тым ліку і магічнага характару. Значную частку рытуалаў, накіраваных на забеспячэнне дабрабыту гаспадаркі, выконвалі непадрэдна ў межах сям'і. Аднак значная частка рытуалаў у сельскагаспадарчай сферы здзяйснялася «*знаючымі*», якія, па прычыне меркаванай наяўнасці сувязяў са звышнатуральнымі сіламі, маглі, па агульнаму ўяўленню, уздзейнічаць на ўсе сферы жыцця чалавека (у тым ліку на сельскую гаспадарку) як у станоўчым, так і ў адмоўным кірунках. Знахарскія функцыі ў сферы сельскай гаспадаркі займалі адно з важнейшых месцаў у знахарскай практыцы. Пры гэтым на працягу XX ст. у беларускім грамадстве адбыліся значныя змены, якія закранулі і сацыяналь-эканамічны бок яго жыцця. У гэты перыяд, спачатку ў сувязі з калектывізацыяй, а потым (як наступства індустрыялізацыі) масавай урбанізацыяй, адбываецца разбурэнне ранейшай сітэмы вядзення гаспадаркі асобных сялянскіх сем'яў і пераход да калгаснай сістэмы, а потым і падзенне значэння сельскагаспадарчых заняткаў у жыцці насельніцтва. У той жа час знахарства працягвае функцыянаваць і карыстацца попытам сярод значнай часткі насельніцтва рэгіёна.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Артыкул мае на мэце разгледзець знахаскую практыку ў сферы сельскай гаспадаркі ў Беларускім Палессі ў канцы XIX – першай трэці XX ст. і прасачыць змены ў гэтай галіне ў на працягу сярэдзіны XX – пачатку XXI ст. Першыя звесткі аб дадзеным пытанні сустракаюцца ўжо ў работах этнографаў і фалькларыстаў, якія вывучалі рэгіён, пачынаючы з другой паловы XIX ст., напрыклад, П.У. Шэйна, М. Федароўскага, Ч. Пяткевіча. У асноўныя гэтыя звесткі прадстаўлены ў кантэксце больш шырокіх тэмаў. Асобна можна выдзеліць невялікую работу А.К. Сержпутоўскага «Завіткі» [1], у якой аўтар падрабязна апісаў адзін з прыкладаў сельскагаспадарчай магіі ў беларусаў Палесся. У больш позніх публікацыях звесткі па тэме таксама прыводзяцца ў кантэксце асноўнай праблематыкі даследаванняў і закранаюць перыяд да 1930-х гг. Змены, якія адбыліся са знахарскімі функцыямі ў галіне сельскай гаспадаркі ў пазнейшы час, у навукой літаратуры фактычна не разглядаюцца.

Для таго, каб зразумець знахарскія фукнцыі ў галіне сельскай гаспадаркі, а таксама далейшую эвалюцыю ў дадзенай сферы, неабходна спачатку разгледзець дыферэнцыяцыю саміх знахароў, якія падзяляліся на розныя тыпы на аснове менавіта іх фукнцыянальнай спецыялізацыі. Гэтая спецылізацыя, у сваю чаргу, грунтавалася на мяркуемых, па агульнаму ўяўленню, крыніцах іх звышнатуральнай сілы, якая давала ім магчымасць уздзейнічаць на існы парадак рэчаў. На гэтай аснове мы можам выдзеліць два асноўных тыпа знахароў: «*шаптуны*» і «*знахары*» [падрабязней: 2]. Звышнатуральныя здольнасці «*шаптуноў*», як лічылі, грунтаваліся на веданні замоў, з дапамогай якіх яны маглі нібыта выклікаць (гэтая здольнасць характарызавалася як «*Божы дар*») Бога, анёлаў, апосталаў, святых (прысутнасць якіх хоць і не была заўважнай непасрэдна ў момант здзяйснення імі рытуалу), займаліся лячэннем хвароб чалавека і жывёлы, якія былі выкліканы нібыта ўздзеяннем ненаўмыснага чараўніцтва (да хвароб жывёлы гэтай групы адносіліся («*урокі*», «*прыстрэк*», «*падвей*») ці былі вынікам натуральных прычын («*аб'ядзенне*», «*жуйка*», «*бяльмо*», «*скулюга*», «*жаба*», «*пералогі*») і бытавых траўмаў («*звіх*», «*удар*», крывацёк, змяіны ўкус). Таксама «*шаптуны*» (ці «*шаптухі*», бо менавіта жанчыны складалі большасць «*знаючых*» дадзенага тыпу) запрашаліся ў якасці "*баб-павітух*" і практыквалі некаторыя віды варажбы (якая не патрабавала ўсталявання непасрэднага кантакту са звышнатуральнымі сіламі) [падрабязней аб функцыях «*шаптуноў*» глядзі: 3, с. 25–26].

Як бачна, у сферы сельскай гаспадаркі функцыі «*шаптуноў*» былі засяроджаны на лячэнні жывёлы, пераважна, кароў і коней. Як адзначаюць інфарманты А.К. Сежпутоўскага: «*Часто хворае говядо баба пошэпчэ-пошэпчэ, тры разы плюне, дасць яму сілком у горло сырое яйцо, абалье халоднаю вадою да ляпне трэйко по задніцы – от яно й выздаравее*» [4, с. 82 (№ 592)]. Інфарманты аўтара падкрэсліваюць, што гэта лячэнне такіх хвароб з'яўляецца менавіта прэрагатывай «*шаптуноў*»: «*У нас у кожнуй вёсцы знайдзецца такая баба, каторая хутко ўмее атхадзіць ат урокаў ці падзіву, бо тут не трээ знацца з нечысцю, а толькі ведаць, якія прымхі проціў чаго памагаюць да якія шэпты трээ калі шаптаць. А бабы на гэтае вельмі здолны*» [4, с. 224 (2018)].

Акрамя гэтага, у якасці фукнкцый «*шаптуноў*» у сельскай гаспадарцы згадваецца абарона пасеваў ад птушак, а таксама «*адвядзенне хмар*». Птушак, якія аб'ядалі зерне збожжавых, а таксама іншых раслін, разглядалі як пагрозу будучаму ўраджаю. Часам іх прысутнасць разглялалі як выпадковую, але ў іншым сітуацыях іх з'яўленне разглядалася як мэтанакіраванае, асабліва ў выпадках калі птушкі не жадалі злятаць з поля, нават калі іх адганялі. Як адзначае Ляхавец Іван Макаравіч (1926 г.н., в. Дуброва Лельчыцкага раёна Гомельскай вобласці): «*І нападуць, і нападуць, і до того, што возьму прогоняю з етого места, яны ў другое, з той стороны*» [5, арк. 40]. У гэтым выпадку магчымым выйсцем з сітуацыі з'яўлялася запрашэнне «*шаптуна*», каб той прагнаў птушак. «*Адвядзенне хмар*» якое рабілася з мэтай ці адвесці, ці разагнаць градавую хмару, якая магла нашкодзіць пасевам, таксама часам здзяйснялася «*шаптунамі*». Тут неабходна адзначыць, што магічныя спосабы абароны пасеваў ад птушак і «*адвядзення хмар*» былі шырока распаўсюджаныя і выдомыя практычна ў кожнай гаспадарцы. Да «*шаптуноў*» звярталіся пры нагодзе,

напрыклад, калі яны жылі побач, ці з імі былі ў добных адносінах. Калі ж самастойна ці з дапамогай «*шаптуноў*» выгнаць птушак не атрымоўвалася, то лічылася, што гэта ўжо вынік чыйгосьці «*уздзеяння*» і неабходна звяртацца да другога тыпу знаючых – «*знахароў*»

Тут неабходна сказаць некалькі словаў аб суадносінах функцый двух тыпаў «*знаючых*», якія ў шэрагу сфер не былі строга падзеленыі і перасякаліся. Напрыклад, у крыніцах адзначаюцца выпадкі, калі «*шаптуны*» выконвалі такія функцыі «*знахароў*» як «*зацінанне*» ці спыненне пажару [6, с. 137], а «*знахары*» лячылі «*крыксы*» [7, с. 416]. Пры гэтым у кожнага тыпу «*знаючых*» існавалі ўласныя спосабы ўздзеяння. Напрыклад, для спынення пажару «*шаптуны*» выкарыстоўвалі ікону Багародзіцы «Неапалімая Купіна», з якой абыходзілі вакол пажару і замаўлялі агонь. Валасенка Ева Рыгораўна (1928 г.н., в. Новыя Юркавічы Брагінскага раёна. Нарадзілася ў в. Стары Макрэц Брагінскага раёна) так апісвае гэта: «*Ну од пожара нада тая, етая ж, як яе, я ўжэ й цяраюса…, вікона Неапалімая Купіна. Ну, малітву тожа перамаліцца, вот еслі ўжэ пажар, вот ён куды-небудзь вецер ўжэ туды цягне, і кругом абыйдзі, напраў яго, і ён пойдзе туды вецер, і ўсё, тады пацягне туды*» [5, арк. 125]. З другога боку, лічылі, што «*знахары*» для спынення пажару выклікалі нячыстую сілу. У такіх выпадках за «*знахарамі*» часцей за ўсё былі замацаваныя больш цяжкія здарэнні, ці калі дапамога «*шаптуноў*» была безвыніковай. Ч. Пяткевіч зафіксаваў наступнае выказванне беларусаў Рэчыцкага павета аб лячэнні ад укусаў змей: «*Як серая або рудая гадзюка* (Vipera chersea) *укусіць, то й баба адшэпча, і якое-небудзь зельле паможа, а як жа, не давядзі Госпадзі, чорная, то бэз знахара ніхто і нішто не дась рады*» [8, с. 317].

Паколькі «*знахары*» лічыліся мацнейшымі за «*шаптуноў*», то маглі выконваць і іх функцыі. Аднак на практыцы да «*знахароў*» з праблемамі, якія адносіліся да функцый «*шаптуноў*», звярталіся рэдка. Гэта тлумачыцца як эканамічнымі прычынамі (дзейнасць «*знахароў*» узнагароджвалася ў большым памеры чым практыка «*шаптуноў*»), так і страхам перад магчымымі наступствамі звяртання да «*знахароў*» па дапамогу. Напрыклад, існавала павер'е, згодна з якім нячыстая сіла патрабуе ад «*знахароў*» аплату за дапамогу, якая магла выражацца ў тым ліку і ў выглядзе жыцця кожнага №-га пацыента, які ў выніку паміраў. Інфармантка з вёскі Касцюковічы Мазырскага раёна адзначае: «*Ёна* [«*знахарка*». – *У.Г.*] *чертьмі заведуе. На сотого попадешься* [г.зн. будзеш сотым па ліку], *дак ўтопішься: сотого она сдае* [нячыстым – па дамове]» [9, с. 79]. Інфармант А.К. Сержпутоўскага паведамляе, што «*знахар*» мае ўладу над тым, каго лячыў: «*Нашы жанкі часто самі ходзяць к ведзьмам ці чараўніком на параду, як каровы не даюць малака ці з імі зробіцца якое-небудзь другое ліхо. Чараўнікі тагды хаць атрабляюць, але на потым яны маюць моц над тым гаўядам*» [4, с. 85].

Сфера «*знахароў*» (іншыя назвы: «*чараўнік*», «*вядзьмар*», «*чарнакніжнік*») была больш шырокай. Гэта тлумачыцца тым, што крыніцый іх магічнай сілы лічылі нячыстую сілу і надзялялі іх вялікай магутнасцю, здольнасцямі ўплываць на існуючы парадак рэчаў у прыродзе і соцыуме, разумець і ведаць мову жывёл і птушак, а таксама прымаць аблічча розных жывёл, раслін, а таксама неадушаўлёных прадметаў. Беларусы Мазырскага павета казалі А.К. Сержпутоўскаму: «*Як знайдуць на полі такую заламку ці куклу, та спужаўшыса хучэй шукаюць моцных чарадзейнікаў, каб яны атрабілі. Часам завуць і папа, каб ён атрабіў. Але поп рэдко памагае, хаць ён і моліцца Богу, бо ліхое й Бога перамагае*» [4, с. 265]. У в. Ручаёўка Лоеўскага раёна зафіксаваны тэкст, згодна з якім Бог разам з апосталамі Пятром і Паўлам засталі ў полі «*знахарку*» падчас завівання «*завіткі*». Бог, у якасці пакарання, загадаў ёй не разгінацца, на што «*знахарка*», ў сваю чаргу, замовіла, каб Бог не ўзышоў на неба. У выніку праз тры гады Хрыстос зноў прыйшоў да «*знахаркі*» і сказаў, каб тая разагнулася. «*Знахарка*» таксама зняла сваё закляцце, і Хрыстос «*пашоў на небеса*». Інфармантка скончыла аповед наступнымі словамі: «*Ана перамагла Бога. Бога перамагалі черты*» [10, с. 127–128].

Асноўнымі функцыямі «*знахароў*» былі ўздзеянне на навакольны свет і соцыум у станоўчым і адмоўным кірунках і варажба. Аб важнасці першай функцыі сведчыць распрацаваная тэрміналогія, якая выражалася ў антонімах: «*зачараваць*» – «*адчараваць*», «*зрабіць*» – «*адрабіць*». Беларусы Мазырскага павета лічылі, што «*ведзьмары, ведзьмы да*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

чарадзейнікі робляць усялякія рэчы, гамоняць загаворы й такім чынам зачароўваюць людзей, гаўядо да ўсялякае жыўёло, расліну й нават могуць так зачараваць, што стрэлба не страляе, або жывіць, ці што-небудзь іньшае. Як хто ачаруе, та трээ шукаць мацнейшаго чараўніка, каб ён атрабіў ці вярнуў тое зачараванне на таго самого чараўніка ці ведзьмара, які тое прырабіў» [4, с. 264]. Амянчук Аляксандра Паўлаўна (1935 г.н., в. Моладава Іванаўскага раёна) адзначае: «*Знахоры от казалы ў нас, на Бусы была такая Тэкля знахірка, от тая могла нешо зробыты і одробыты*» [5, арк. 107]. Таму не дзіўна, што ў знахарстве Беларускага Палесся ў сферы сельскай гаспадаркі асноўная роля належала менавіта «*знахарам*».

У першую чаргу гэта тычыцца земляробчай галіны. Лічылі, што «*знахары*» маглі «забраць» ураджай шляхам завівання завітак і так званых «*абжынаў*» ці «*адрабіць*» гэта. Згодна з Ю. Крачкоўскім, сяляне Кобрынскага павета лічылі, што «*знахары*» робяць «*абжыны*», абыходзячы голымі з сярпом і зразаючы жыта па краям поля падчас яго «*красавання*», а потым кладучы зрэзаныя каласы да сябе ў клець. Лічылі, што такім чынам падчас жніва сотая частка сабранага гаспадарамі такіх ніў зерня магічным чынам перамяшчалася да «*знаючага*», які зрабіў гэты абжын [11, с. 143].

Завіткі ж часцей рабіліся з мэтай навесці хваробу ці смерць на канкрэтнага чалавека ці ўсю сям'ю, хатнуюю жывёлу ў гаспадарцы. Як адзначае А.К. Сержпутоўскі: «"Заламкі" маюць некалькі відаў. Дасведчаны "вядзьмар" ці "вядзьмак" па знешняму выгляду "завіткі" даведваецца, якое ад яе можа быць няшчасце» [1, с. 1]. Інфармантка з вёскі Вялікі Бор Хойніцкага раёна паведамляе: «*Завіткі ўюць у хлебі – і бабы і мужчыны ўмэлі рабіць. Йім пячэ, знахаром, подласьць людзям зрабіць. Нарабляя чалавеку знахарка: ўудахня ўся худоба ці ўся сям'я да аднаго чалавека, бабі адной галаву зьвярнула на патыліцу – жыта каласкоў дзесяць паскруціць, пазаламуя на ўсход ці на заход, красную гарыну, а не суроўую нітку наўязуя. Гарына – ніткі красныя і чорныя, колісь ўушывалі палаценцы. Знахор мог і атрабіць*» [12, с. 100].

Само па сабе знаходжанне завіткі на полі ўжо лічылі няшчасцем, аднак яшчэ горш было, калі хто-небудзь зжынаў яе. Дакрананне да завіткі нібыта актывізавала яе шкоднае ўздзеянне. Чалавек, які да яе дакрануўся (часцей гэта былі жнеі, якія, падчас цяжкай працы, не заўсёды маглі яе заўважыць), амаль гарантавана павінен быў захварэць ці памерці (у залежнасці ад таго, з якой мэтай завітка была зроблена). Таму, знайшоўшы завітку, яе стараліся не чапаць, а знайсці «*знахара*», каб той яе вырваў. П.В. Шэйн адзначае аб беларусах Мазырскага павета: «Мая апавядальніца, якая сама захварэла раз ад завіткі, зробленай на полі яе сям'і, распавяла мне аб гэтым наступнае: знахар, зняўшы з яе галавы хусту, паклаў яе, калі лёг спаць, сабе пад галаву. Прачнуўшыся на другі дзень рана, ён распавёў, хто менавіта зрабіў завітку. Затым ён загадаў ёй прынесці вады ў бутэльцы і маліцца перад абразамі, трымаючы яе ў руках і ўсё *гукаючы ў яе*. Затым з гэтай бутэлькі ён даў ёй выпіць трохі вады, ад чаго яна быццам бы і паправілася. Саму ж завітку знахар вырваў і, правязаўшы да камня, кінуў у ваду. Часта завітку знахары кладуць у труну нябожчыку. У першым выпадку віноўнік завіткі павінен патануць, а ў другім памерці заўчаснай смерцю» [13, с. 233]. Неабходна адзначыць, што «*завіткі*» часта рабіліся з мэтай пажартаваць, напалохаць ці нават проста з мэтай атрымання прыбытку. У крыніцах неаднаразова згадваецца, што «*знахары*» самі рабілі «завіткі», каб потым ім плацілі за іх выраванне [напрыклад: 1, с. 4; 8, с. 491–492].

Таксама, пашкодзіць ураджаю «*знахары*» маглі, нібыта ўплываючы на надвор'е і розных жывёл. Па словах інфарманта М. Федароўскага, знахары маглі наслаць на палеткі і хаты хмары, дождж і град, а таксама жаб, вужоў і пацукоў: «*Усяка ведзьма, як ёй пара надыдзе, можа на сяло града ці сушаю наслаць, або можа на хату жабамі або вужамі наслаць, і ніяк не можна ад іх адагнацца, усяк смаліцаю лезуць*» [14, с. 81–82, 102; 7, с. 82–83, 296–299, 332–410]. «*Знахары*» нібыта маглі і нейтралізаваць негатыўнае ўздзеянне ў гэтай сферы. Ч. Пяткевіч прыводзіць наступныя словы свайго інфарманта: «*Даўней, бывала, як развядзецца надта многа ўсякае нечысьці, быццам то за тое, што на сяле то той, то сёй*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

убіў ката, чы можа затым, што на катоў напала лянота, да не ловяць мышэй, то знахар выведзе» [8, с. 336].

Да функцый «*знахароў*», як ужо адзначалася вышэй, магла адносіцца таксама абарона ад птушак пасеваў збожжавых раслін у тым выпадку, калі ўласныя намаганні гаспадароў прагнаць птушак былі марнымі. У такім выпадку лічылі, што нехта «*зрабіў*» і неабходна клікаць «*знахароў*», каб тыя «*адрабілі*».

Важнай з'яўлялася роля знахароў і ў сферы жывёлагадоўлі. Хаця ў крыніцах зафіксвана інфармацыя аб уключанасці ў практыку «*знахароў*» фактычна ўсіх відаў жывёлы, якая мелася ў сялянскай гаспадарцы рэгіёна, аднак актыўнасць прымяняльна да асобных яе відаў была рознай і вар'іравалася ў залежнасці ад ступені значнасці жывёлы ў хатняй гаспадарцы. Знахарская практыка пераважна была сканцэнтравана вакол кароў і, ў меньшай ступені, коней і авечак; усе астатнія віды жывёлы значна саступаюць ва ўвазе. Паводле традыцыйных уяўленняў лічылі, што «*знахары*» могуць пашкодзіць свойскай жывёле, насылаючы на яе нячыстую сілу, драпежных жывёлаў, хваробы. Інфармантка з хутара Падомша Столінскага раёна адзначае: «*З ночы короўа мокра. <…> Гоўорать, есь такая ласіца, она злезэ на короўу і шлокочэ её. Ўэдьма наслала*» [15, с. 385]. «*Адрабіць*» у гэтым выпадку мог іншы «*знахар*». А.К. Сержпутоўскі прыводзіць наступнае выказванне свайго інфарманта: «*Як говядо захварэе, та перш-наперш робляць усялякія прымхі, якія знаюць самі, а калі й тое не памагае, та тагды ўжэ стараюцца знайсці такіх знаючых людзей, каб яны атрабілі. Але не ўсе знаюць роўно: адны больш, другія менш. Трэба знайсці чараўніка мацнейшага, каб ён атрабіў*» [4, с. 81]. Юшкевіч Марыя Андрэеўна (1927 г.н., в. Сярэднія Печы Лельчыцкага раёна) распавяла як «*зрабілі худобі*», падкінуўшы нейкую костку: «*У нас дажэ косць* (нехта падкінуў костку. – *У.Г.*), *худоба дохла, сягоння то ў нас шыферам крыюць, хлявы й хаты, а раньшай жа саломай крылі, то туды ў кулёк у салому ўвапхне, і худоба дохла кожны год, кожны год дохла. То ўжэ прывезлі тога знахара, ён сам із Ліплян, да прывезлі, да он ту костку вуйме, да ўжэ забірае з сабою, да й нясе, да вязе. Да ўжэ скажа на яке ўрэм'е прыехаць, то бацька мой поедзе туды да яго, коб ён памог шо-небудзь, воды даў худобе, каб ня дохла*» [5, арк. 36]. Адной з прычын негатыўнага стаўлення да «*ведзьмаў*» было мяркуемае адбіранне імі малака ў кароў [7, с. 42–69]. У гэтым выпадку таксама было неабходна звяртацца да «*знахароў*», каб яны «*адрабілі*». Інфармант А.К. Сержпутоўскага паведамляе: «*Калі карова перастае даваць малако, та гэто хтось здзівіў ці ўдзеяў, а затым трэба атрабіць. Тагды йдуць к знахару ці знахорцы. Яны шэпчуць, штось вырабляюць, і карова зноў дае малако*» [4, с. 85–86].

Што тычыцца астатніх жывёл, то іх месца ў знахарскай практыцы было значна меньшым. Напрыклад, Э. Яленьска адзначае, што ў беларусаў вёскі Камаровічы Мазырскага павета, калі не вяліся кураняты ці гусяняты, таксама запрашалі «*знахароў*» [16, с. 60]. У пэўнай ступені яно абмяжоўвалася забаронамі. Так, шырокараспаўсюджанай была забарона лячыць свіней і сабак (а некаторыя «*шаптухі*» не «*шапталі*» коням, як нячыстым жывёлам). Напрыклад, М. Федароўскі прыводзіць звесткі аб знахары, які не «*шаптаў*» сабакам [14, с. 103].

У галіне сельскай гаспадаркі «*знахары*» выконвалі таксама функцыі, якія мелі ахоўны характар. Перш за ўсё гэта тычылася жывёлагадоўлі. Шэраг крыніц сведчаць аб існаванні ў беларусаў Палесся «спецыялістаў» па адпраўленні абраднасці першага выгану жывёлы ў поле, які часцей за ўсё быў прымеркаваны да свята Юр'я веснавога (23.04 ст.ст./06.05 н.ст.). Так, М.Я. Грынблат у сваім артыкуле, прысвечаным пастухоўству на Тураўшчыне, прыводзіць наступныя звесткі з в. Тонеж (цяпер Лельчыцкі раён): «Юры лічыцца абаронцам жывёлы. Ён мае сілу над ваўкамі і кіруе імі. Дзеля гэтага на Юр'я да ўсходу сонца знахары "зацінаюць" жывёлу ад ваўкоў на ўсё лета. Калі знахары (а "спэцыялістых" па "зацінаньні" жывёлы ў с. Тонеж – двое) не пасьпеюць да ўсходу сонца абыйсьці ўсіх гаспадароў, то жывёла іх застаецца не загаворанай і ёй пагражае быць задранай ваўкамі. Вера ў "зацінаньне" вялікая. Мне расказвалі, што бачылі, як воўк езьдзіў верхам на папоўскай карове і не чапаў яе толькі таму, што яна была загаворана на Юр'я» [17, с. 71]. І.А. Сербаў

паведамляе аб беларусах Лунінецкага раёна наступнае: «У кожным паселішчы у палян маюцца свае грамадзкія “воўхвы”, якія абыходзяць вакол стада з гарашчай галавешкай і ўтвараюць заклёны ад гада ярага, зьвера лютага і чалавека ліхога» [18, с. 68]. Аб распаўсюджанасці гэтага звычаю сведчаць прыведзеныя Ю. Крачкоўскім звесткі аб беларусах Гродзенскай губерні, якія адносяцца да канца XIX ст. Згодна з імі ў многіх вёсках гэтага рэгіёна пры першым выгане жывёлы ў поле «запрашаюць *знахара*, які, на думку сялян, умее *запасавать статок*, г.зн. замаўляць жывёлу галоўным чынам ад ваўкоў» [19, с. 191].

Знахарскія абрады ахоўнага характару былі прымеркаваныя яшчэ да аднаго свята календара, на якое прыходзілася актыўнасць «*ведзьмакоў*» і «*ведзьмаў*» – Івана Купалы (23.06 ст.ст./06.07 н.с.). Абрады, якія праводзіліся ў гэты час, мелі на мэце не дапусціць змяншэння малака ў кароў, хваробы жывёлы. Так, інфармантка з вёскі Верхнія Жары Брагінскага раёна адзначае: «[замаўляць трэба] – *с чужого села пріходять, так на хлебе, мак рассыпаешь, на воду говорю. Заговарівать напротіў Івана Купальныя надо.* [Калі не замовіш], *назаўтра молоко уменьшыца, а поговоріш – не уменьшыца. І крапіву трэб ў ворота затыкать*» [15, с. 387–388; 20, с. 449–450]. У канцы XIX ст. гэтая функцыя «*знахароў*» згадваецца І.І. Насовічам, які прыводзіць звесткі, што на свята Івана Купалы «некаторыя гаспадыні, па парадзе “знахароў”, каб аградзіць ў гэтую ноч сваю скацінку ад нападзення ведзьмы, вешаюць над варотамі хлява стрэчанскую свечку, якая, па вераванні іх, мае моц не прапусціць ведзьму ў хлеў» [21, с. 60].

Ахоўныя функцыі «*знахароў*» у галіне жывёлагадоўлі мелі таксама аказіянальны характар. Калі жывёла гублялася ў лесе і не вярталася дадому, па сведчанні Э. Яленьскай, звярталіся да «*знахароў*», каб тыя з дапамогай варажбы адшукалі яе ці прымусілі ісці дадому [16, с. 66]. Каб жывёла ў гэты час была недасяжнай для драпежнікаў, «*знахары*» рабілі «*зацінанне*», утыркаючы замоўлены нож у сцяну. Лічылі, што пакуль нож будзе тырчаць у сцяне, драпежныя жывёлы яе не ўбачаць. «*Знахары*», якія выконвалі абрады пад час першага выгану жывёлы ў поле, а таксама займаліся «*зацінаннем*» у іншы час, павінны былі пасціцца ў дзень св. Юр’я: «Еслі свыння заночуе [у лесе] ці карова, ён (знахар – аўт.) умее іі зацінаць. Йон ў сенцах шэпчэ, шэпчэ, патом ў стену ножа забье – і карова становіцца, і ніхто іі не троне, ні воўк, ніхто. І ўзаўтра, на другій день вунимае [нож], і карова ужэ сама прійде. Есь такій празнік – Юрэй. Таму, што ён зацінае, полные суткі даўжон посціць, нічого ён не есть, дажэ і вады. Адін день ў год толькі. Ў вечэрі перэд Юрйем павечэраець, то ужэ на другій день ў вечэрі» (в. Жахавічы Мазырскага раёна) [7, с. 426].

З 1930–1940-х гг. знахарскія функцыі ў сферы жывёлагадоўлі падвяргаюцца значным зменам, якія былі выкліканы маштабнымі сацыяльна-эканамічнымі і культурнымі зменамі ў грамадстве. У прыватнасці, калектывізацыя сельскай гаспадаркі прывяла да хуткага знікнення многіх знахарскіх функцый па прычыне знікнення неабходных умоў іх прымянення, і як вынік іх незапатрабаванасці. Жыццё сялян цяпер у значна большай ступені залежала не ад ураджаю ці здароўя жывёлы, а ад улады, якая размяркоўвала рэсурсы. Як бачна, змены закранулі перш за ўсё «*знахароў*», зрабіўшы непатрэбнымі многія менавіта з іх кірункаў дзейнасці, што было адной з галоўных прычын падзення іх статусу і паступовага знікнення на працягу другой паловы XX ст. На сённяшні дзень пераважная большасць «*знаючых*» у рэгіёне прадстаўлена «*шаптунамі*» [падрабязней: 2]

Напрыклад, абагульненне прыватных сялянскіх надзелаў зрабіла бязсэнсоўным як завіванне «*завітак*», якія рабіліся на канкрэтнага чалавека (сям’ю, гаспадарку), так адпаведна і іх «*адрабленне*» «*знахарамі*». Апытаныя дысертантам інфарманты лічаць, што «*завіткі*» зніклі некалькі дзесяцігоддзяў таму. Калі паглядзець запісы палявых этнаграфічных матэрыялаў за 1970-1980-я гг., то можна ўбачыць, што інфарманты кажуць аб завітках як аб адносна нядаўняй з’яве (большасць інфармантаў выкарыстоўваюць усё ж мінулы час), якую яны добра ведаюць [напрыклад: 7, с. 331–410], то апытаныя аўтарам у пачатку XXI ст. кажуць аб завітках як аб з’яве, якую яны бачылі толькі ў дзяцінстве, ці ўвогуле толькі чулі аб ёй ад старэйшых. Так, Драцэвіч Марыя Фамінічна (1928 г.н.,

в. Баландзічы Іванаўскага раёна), нягледзячы на сталы ўзрост, толькі чула аб «*завітках*» ад старэйшых людзей: «*Завулкі во тыі во. А я тых завулок нэ знаю. Это гынчы кажэ тэпэр нэ робыць, колысь казалы, шчо завуўку няку ў жыто заўюць, да тэ зрабылы на хозяіна, коб хозяін умэр, а это зробылы на його сына, чы дочку, то колысь казалі. А я думаю, шо тэпэра можэ нэма такых людэй, это колысь казалы, шо есце такые люды, шо зробыць, ну, зробыць, шо будэ він хворыты, боліты, ў його то тээ больць, то тээ больць, да кажуць, бо на яго завуўку завэлы, ну у жытэ. Ну, а я думаю, шо такіх можэ ўжэ нэма, я тэпэр нэ чую такіх шо, каб хто кому завуўку* [зрабіў. – *У.Г.*]» [5, арк. 100]. Тыя інфарманты, якія самі бачылі «*завіткі*», адзначаюць, што гэта было яшчэ ў іх дзяцінстве. Краўчэня Галіна Ігнацьеўна (1939 г.н., в. Чырвонабярэжжа Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Храпунь Столінскага раёна) хадзіла глядзець на «*завітку*» яшчэ дзіцём: «*Да й баба, ета ж хадзілі, то й мы ж малыя ўсе такія ту завітку глядзелі*» [5, арк. 64]. Аналагічная інфармацыя атрымана ад Маркоўскай Марыі Пракопаўны (1920 г.н., в. Маркоўскае Лельчыцкага раёна): «*Ну завіткі то робілі, колісь, колісь, я мала була*» [5, арк. 53].

Улічваючы ўзрост інфармантаў, можна меркаваць, што гэтыя падзеі адносяцца да 1930–1940-х гг. Заяц Лукер'я Філіпаўна (1936 г.н., в. Буда-Сафіеўка Лельчыцкага раёна) апісвае паказальную сітуацыю са стаўленнем да «*завітак*», якая адносіцца да 1950-х гг.: «*Ну робілі, гавораць, пойдам у этат, да заўяжа што-нібудзь, а то гавораць для смеха это зробляць. А вон бегае да крычыць. Адзін дзед такі быў, што... Вось вот хлопцы пойдуць да ў яго заўяжуць там, рож ету зўяжуць, да постаўляць. А вон гляне ето да бегае да: "О, прыробілі! Во, прыробілі ето"! А хлопцы назаўтра й гавораць: "Это ж мы Юдзіну зрабілі ето, шоб вон бегаў і рэвеў там". А больш этого я... я етого не знаю*» [5, арк. 58]. Такім чынам, у 1930–1940-я гг. «*завіткі*» і іх ліквідацыя «*знахарамі*» хутка зніклі, хаця памяць аб іх, а ў асобных выпадках нават веданне таго, як рабіць завіткі і што пры гэтым трэба казаць, працягваюць існаваць.

Абагульненне падчас калектывізацыі буйной рагатай жывёлы і коней і як следства змяншэнне ролі жывёлагадоўлі ў асобных гаспадарках, а таксама змяншэнне прымхлівасці насельніцтва прывялі да знікнення многіх знахарскіх функцый у галіне жывёлагадоўлі. Напрыклад, інфармантка з вёскі Вялікі Бор Хойніцкага раёна адзначыла ў 1975 г. знікненне «*ведзьмаў*», якія адбіраюць малако ў кароў: «*Цяпер не слышно етаго*» [12, с. 105]. Гэта прывяло да знікнення знахарскай функцыі «*адраблення*» жывёлы, якая стала даваць менш малака. Па-іншаму сталі трактавацца і прычыны гэтага. Калі ў першай трэці XX ст. знікненне малака ў кароў часцей звязвалі з негатыўным уздзеяннем «*знахароў*» («*нешто зроблено*»), то ў канцы XX – пачатку XXI ст. асноўнай прычынай часцей сталі называць «*урокі*». Інфармантка з вёскі Міхнавічы Бярозаўскага раёна паведамляе: «*Калі ў каровы прападала малако, гаварылі, што гэта на яе напалі ўрокі*» [22]. Развіццё навуковай вітэрынарыі прывяло да пераходу значнай часткі хвароб жывёлы да яе кампетэнцыі. За знахарствам засталіся пераважна хваробы, якія выкліканы нібыта звышнатуральным ненаўмысным уздзеяннем на жывёлу (*урокі*, *зглаз*), а таксама вынікі траўматызму жывёлы. Фактычна, паколькі знахарства ў гэты час прадстаўлена менавіта «*шаптунамі*», бачна, што знахарамі дыягнастуюцца менавіта тыя хваробы, якія адносяцца да кампетэнцыі гэтага тыпу «*знаючых*». Напрыклад, Крывалевіч Вольга Цітаўна (1932 г.н., в. Альманы Столінскага раёна) «*шэпча*» наступныя хваробы жывёлы: «*подвой і ўрокі ўмею коровам шаптаць*» [5, арк. 115]. Аднак у пачатку XXI ст. адбываецца прыкметнае зніжэнне значэння дадзенага віду знахарскай дзейнасці па прычыне скарачэння ў апошнія гады колькасці жывёлы, якую трымаюць у прыватных гаспадарках.

У 1930–1980-я гг. знікаюць знахарскія функцыі ахоўнага характару, якія выкарыстоўваліся пры першым выгане жывёлы ў поле. Найбольш позні запіс такога абраду зафіксаваны ў 1984 г. у вёсцы Верхні Церабежаў Столінскага раёна. Адзначаецца, што інфармант сам па запрашэнні гаспадароў праводзіў гэты абрад «да нядаўняга часу» [20, с. 528–529]. Такім чынам, абрад у дадзеным населеным пункце перастаў праводзіцца да 1980-х

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

гг. На гэта, акрамя змяншэння ролі жывёлагадоўлі ў асобных гаспадарках, паўплывала нежаданне, а часта супраціў моладзі выконваць старыя звычаі. Семіход Марыя Антонаўна (1928 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна Гомельскай вобласці. Да 1986 г. пражывала ў в. Міхалёўка Брагінскага раёна) апісвае падобную сітуацыю ў сваёй сям'і: «*Мая свякруха, баба Серахвіма, калі яна худобу выганяла, то клала сякеру ды замок, замок во, якім замукаюць. Дык і я так раблю, і ў мінулы год так рабіла. Дык а нявестска ж не хоча, дык я ціхенька. Во пакладу так, каб не паранілася*» [5, арк. 1].

Адпаведна знахарская дзейнасць у лячэнні іншых відаў свойскай жывёлы мае яшчэ меньшае значэнне і носіць выпадковы характар. Напрыклад, Кананец Раісу Паўлаўну (1927 г.н., в. Стрэльна Іванаўскага раёна) аднойчы запрашалі «*пашаптаць*» індыкам «*урокі*»: «*А колысь да індюкы ў нас тут булы, да отдыхалы, шчэ тылько отдыхалы, я зайшла, а як раз пэрэд Паскыю да пырогы пэчы, а воны прытулылыса машыною: "Ходы, бабо, ходы". Я кожу: "Куды я пойду, – кажу, – мнэ нэма колы". А воны ж завэзлы туды. А я поговорыла, дак кілько зостало, кілько всі і осталыса*» [5, арк. 88]. Стасенка Юлія Андрэеўна (1939 г.н., в. Буйнавічы Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Скароднае Ельскага раёна) «*шаптала*» сабакам ад змяінага ўкуса: «*У нас дажэ ў нашым гародзе, там ваенные стоўба закопвалі і коло того стоўба два собакі нашыя былі, і брацья і двух укусіла, гадзіна! Во одзін прыйшоў, вооо такіі во, і другі ўжэ йдзе, ту за грудзькі ўкусіла, той маленькі быў пошэптаць, той вялікі быў сабака. А я пошэптала і яны назаўтра поодтухалі*» [5, арк. 73].

Пры гэтым некаторыя інфарманты працягваюць у сваёй практыцы кіравацца забаронамі «*шаптаць*» пэўным жывёлам. Напрыклад, Барысавец Марыя Якаўлеўна (1937 г.н., в. Баравое Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Люболі Лельчыцкага раёна) не можа лячыць свіней і коней, паколькі: "*Коровам гомоняць, а сьвінням не гомоняць, і коням не гомоняць. А гэта, як Сус Хрыстос, як быў чудо етае, дак іх было дванаццаць вучыцелей, да одзін там казалі здаў чы не здаў, да жонку пуд корыто заховаў, да ўжэ пытае Ісуса Хрыста: "Як ты ўгадаеш, шо под корытом, то тады я ўзнаю, шо ты Сус Хрыстос". Да, а ён кажэ, шо неўгадаеш. А вон ка: "Ўгадаю". А вон ка: "Ну шо, – кажа, – сьвіння с поросяцьмі". А оны одкрылі, і праўда, сьвіння. Дак того ж жыды сала не ядзяць. І коням не. Ісус Хрыстос Божа Маці родзіла ў яслях, тамако, дзе даюць коням есьці, да вона там захаваласа, да коні, да коні ўсе паелі сено. Да яе ж там няслі ў тых яслях, Божу Мацер, Сус Хрыстос, то тым коням тожа не гавараць*" [5, с. 67].

У разглядаемы перыяд паступова знікаюць і іншыя знахарскія фукнцыі, хаця прычыны гэтага могуць быць рознымі. Напрыклад, у канцы XX – пачатку XX ст. інфарманты больш не кажуць аб запрашэнні знахароў для таго, каб адагнаць пацукоў, мышэй, прусакоў, птушак. Безумоўна прычынай гэтага з'яўляецца як эфектыўнасць сучасных сродкаў барацьбы са шкоднікамі, так і змена крыніц жыццезабеспячэння ў сучаснай сельскай мясцовасці. Хаця пэўныя інфарманты і валодаюць ведамі таго, як замаўляць мышэй, вараб'ёў, і выкарыстоўваюць гэтыя веды спарадчна для сябе. З іншага боку, на знахарскую практыку ў сельскагаспадарскай сферы аказвае ўплыў (як і на знахарства ўвогуле) і хрысціянскі светапогляд (у шырокім сэнсе). Напрыклад, у канцы XX – пачатку XXI ст. частка інфармантаў адмаўляецца вучыцца замовам для разгону градавых хмар, паколькі лічыць гэта чараўніцтвам. Напрыклад, Крывалевіч Вольга Цітаўна (1932 г.н., в. Альманы Столінскага раёна) на пытанне ці ўмее яна разганяць хмары адказала: «*Не. Я не хочу ўрэдзіць, і нічого я такога не знаю*» [5, с. 115].

Такім чынам, знахарскія функцыі ў сферы сельскай гаспадаркі на тэрыторыі Беларускага Палесся з'яўляліся, побач з лячэннем людзей, найбольш важнымі у занахарскай практыцы. Важнасць канкрэтных з іх залежала ад значнасці пэўнага рэсурса ў сялянскай гаспадарцы. Так, у першай трэці XX ст. знахарская практыка канцэтравалася вакол збожжавых раслін і буйной рагатай жывёлы, якія з'яўляліся крытычна неабходнымі для выжывання сялянскай гаспадаркі. З 1930-х гг. адбываецца істотная трансфармацыя знахарскіх функцый у гэтым кірунку, што было звязана з маштабнымі сацыяльна-эканамічнымі пераўтварэннямі, якія прывялі да знікнення ранейшай сістэмы гаспадарання. У выніку многія знахарскія

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

функцыі ў гэтай сферы сталі незапатрабванымі, што прывяло да іх паступовага знікнення. У канцы XX – пачатку XXI ст. знахарская дзейнасць у гэтай сферы засяроджана ў асноўным вакол лячэння жывёлы (перш за ўсё, буйной рагатай) ад хвароб, якія, паводле агульнапрынятых уяўленняў, не паддаюцца лячэнню навуковай ветэрынарыяй, і нібыта з'яўляюцца вынікам ненаўмыснага звышнатуральнага ўздзеяння.

Крыніцы і літаратура

1. Сержпутовский, А.К. О завитках в Белоруссии: очерк из жизни крестьян южной полесской части Слуцкого уезда, Минской губернии / А.К. Сержпутовский. – СПб. : Т-во И.Н. Кушнерев и К. Тип. М-ва путей сообщенения, 1909. – 6 с.

2. Ганчар, У.А. Тыпы «знаючых» у Беларускім Палессі і іх змены ў XX – пачатку XXI ст. / У.А. Ганчар // Весці Палесскага дзяржаўнага універсітэта. Сер. грамад. і гуманітар. навук. – 2011. – № 1. – С. 20–26.

3. Ганчар, У.А. Накірункі знахарскай дзейнасці ў Беларускім Палессі і іх змены ў XX – пачатку XXI ст. / У.А. Ганчар // Научные труды Республиканского института высшей школы : в 2 ч. : сб. науч. ст. / под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2011. – Вып. 11, ч. 1 : Исторические и педагогические науки. – С. 24–30.

4. Сержпутоўскі, А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі ; навук. рэд. А.С. Фядосік ; прадм. У.К. Касько]. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

5. Архіў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Фонд 6. – Воп. 14. – Спр. 152.

6. Ossendowski, F. Polesie / F. Ossendowski. – Poznań : Wyd-wo Polskie R.Wenger, 1935. – 202 s.

7. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века : в 4 т. / сост.: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М. : Языки славянских культур, 2010. – (Studia philologica) – Т.1 : Люди со сверхъестественными свойствами / сост.: Л.Н. Виноградова, ЕЕ. Левкиевская. – 2010. – 648 с.

8. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Часлаў Пяткевіч ; уклад., прадм. У. Васілевіча; пер. з пол.. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2004. – 670 с. – (Беларускі кнігазбор: БК, Серыя 1, Мастацкая літаратура. Серыя 2, Гісторыка-літаратурныя помнікі).

9. Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней: материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Рос. ин-т истории искусств; сост., подгот. текстов, предисл. и справ. аппарат В.Д. Кен. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2004. – 438 с. – (Ethnographica petropolitana; 13).

10. Белова, О.В. Библейские сюжеты в восточнославянских народных легендах / О.В. Белова // Восточнославянский этнолингвистический сборник: исследования и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: А.А. Плотникова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Индрик, 2001. – С. 119–150.

11. Крачковский, Ю.Ф. Быт западно-русского селянина / Ю.Ф. Крачковский ; Изд-во Имп. о-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – М. : Университет. тип., 1874. – 212 с.

12. Гура, А.В. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу / А.В. Гура, О.А. Терновская, С.М. Толстая // Полесский этнолингвистический сборник: материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1983. – С. 49–153.

13. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном / П.В. Шейн. – СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1887–1902. – Т. 3. – 1902. – 535 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 72, № 4).

14. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1894: w 3 t. / M. Federowski. – Kraków : Wyd-wo Komisii

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

antropologicznej akademii umiejętności, 1897–1903. – T. 1: Wiara, wierzenia: przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima i Sokółki. – 1897. – 510 s.

15. Левкиевская, Е.Е. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики). Демонология / Е.Е. Левкиевская // Восточнославянский этнолингвистический сборник: исследования и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: А.А. Плотникова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Индрик, 2001. – С. 379–431.

16. Jeleńska, E. Wieś Komarowicze w powiecie Mozyrskim / E. Jeleńska. – Warszawa : J. Jeżyński, 1892. – 83 s.

17. Грынблат, М.Я. Некаторыя матар'ялы да вывучэння пастушаства і жывёлагадоўлі Тураўшчыны / М.Я. Грынблат // Наш край. – 1928. – № 8–9 (35–36). – С. 64–71.

18. Сербаў, І.А. Вічынскія паляне. Матэрыяльная культура: этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся / І.А. Сербаў ; падрыхт. матэрыялу да друку і прадм. Т.А. Навагродскага. – Мінск: Беларус. фонд культуры, 2005. – 78 с.

19. Крачковский, Ю. Очерки быта западнорусского крестьянина / Ю. Крачковский // Виленский сборник. – Вильна : Издал В. Кулин, 1869. – С. 160–209.

20. Полесские заговоры: в записях 1970–1990-х гг.: сб. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Индрик, 2003. – 751 с.

21. Носович, И.И. Белорусские песни / И.И. Носович // Записки Императорского Русского географич. общ. по отделению этнографии. – СПб : Тип. Майкова, 1873. – Т. 5. – С. 45–280.

22. Фальклорны архіў кафедры беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна за 2007-2008 г.

Uladzimir Hanchar. Charles' practices in the field of agriculture in Belarusian Palessie in the late 19 and early 21 c. In the article is considered the sorcerous practice in the sphere of agriculture in Polesie in the end of the 19th - the beginning of the 21st century. The author comes to conclusion about importance of the sorcerous practice in region and its concentration around the main occupations of the population: cultivating of cereals and breeding of cattle. The conclusion is made about changing of the sorcerous functions in agriculture under impact of modernization of society beginning from 1930th. As the result, there is a gradual narrowing of the sorcerous functions during the middle – the second half of the 20th century and persisting in sorcerous competence only curing of illnesses, which, reputedly, don't treat by official medicine.

УДК 947.0"186":625.1

С.Б. Жихарев
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛТАВСКОГО ЗЕМСТВА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАННЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

В статье рассматривается деятельность органов земского самоуправления Полтавской губернии в решении вопросов железнодорожного строительства. Анализируются основные шаги Полтавского губернского земского собрания по сооружению Ромны-Кременчугской железной дороги.
.

Ключевым направлением и важным индикатором раннеиндустриальной модернизации в России было железнодорожное строительство (с 1860 по 1881 г. протяженность железных дорог выросла с 1,5 до 21 тыс. верст). Целенаправленная выработка правительственной политики в данной сфере, активное привлечение казенных средств в постройку новых железнодорожных

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

линий, высокая динамика увеличения железнодорожной сети в пореформенный период нередко служили основой для абсолютизации роли государства в железнодорожном строительстве ставшей следствием форсированной модернизации страны. Результатом односторонней интерпретации данного историко-экономического феномена стало полное отсутствие исследований об участии общественных, небюрократических институтов (земств) в железнодорожном строительстве, недооценка земских инициатив, направленных на защиту местных хозяйственных нужд и интересов. Углубленное изучение деятельности земств в экономических процессах (в первую очередь в строительстве железных дорог) поможет скорректировать схематичное и одномерное понимание модернизации в России как функции исключительно одной государственной власти.

Настоящее исследование предпринято на материалах Полтавской губернии, принадлежащей к числу репрезентативных районов Черноземья с выраженной аграрной доминантой в местной экономике, что накладывало свой отпечаток на характер железнодорожного строительства в крае (интересы экспортной торговли хлебом через морские порты Балтийского и Черного морей). Более того, именно через Полтавскую губернию должна была пролечь Ромны-Кременчугская железная дорога как центральное, важнейшее звено Черноморско-Балтийского железнодорожного транзита.

Отмена крепостного права способствовала введению в 1864 г. в России земства как института всесословного самоуправления. В нем были представлены различные сословия: дворяне, чиновники, духовенство, купцы, промышленники, мещане и крестьяне. Однако компетенция новых органов всесословного самоуправления ограничивалась хозяйственно-культурной сферой. Земству предоставлялось право ходатайствовать перед правительством «по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд губернии или уезда» [1, с. 252].

Полтавское губернское земство с момента своего возникновения активно включилось в процесс строительства железных дорог в пределах вверенных ему в хозяйственное управление уездов. Разработанный в то время официальный проект общегосударственной сети железных дорог в России не соответствовал интересам Полтавской губернии. Поэтому местные земские деятели направили в правительственные структуры представление о наиболее выгодном направлении железных дорог.

В 1866 г. Полтавское губернское земское собрание сформировало специальный железнодорожный комитет, главной обязанностью которого являлось выяснение потребностей губернии в железнодорожном сообщении. Комитет начал свою деятельность с анализа поступивших в земское собрание от землевладельцев Полтавского, Константиноградского и Золотоношского уездов проектов, «мнений» и письменных заявлений по данному вопросу. В результате проведенной работы было подготовлено заключение. Документ содержал перспективный план приоритетных железных дорог. Основным аргументом при обосновании выбора направления железнодорожных линий в Полтавской губернии являлась организация максимально эффективного сбыта сельскохозяйственной продукции и сырья, транспортировка которых в условиях слабого развития промышленности и малочисленности городского населения осуществлялась в порты Балтийского и Черного морей, а также в белорусские губернии [2, л. 12 об.]. Комитет настаивал на постройке в интересах Полтавщины такой железной дороги, которая, пройдя через максимально возможное количество центров местной торговли, соединила бы их с западными губерниями, Москвой и морскими портами при помощи уже спроектированных правительством магистральных железных дорог.

Решить все эти проблемы, по мнению членов полтавского комитета, могла железная дорога, соединяющая город Кременчуг через Ромны с Курско-Киевской железной дорогой. Железнодорожный комитет также считал полезным продлить Ромны-Кременчугскую железную дорогу на север для максимально кратчайшего соединения малороссийских губерний с белорусскими и портами Балтийского моря [2, л. 13].

На начальном этапе интересы правительства и полтавских земцев совпадали. Еще в 1870 г. Комитет министров определил «высочайше утвержденную» сеть важнейших железных дорог.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В общий перечень была включена линия от Конотопа до Ландварово (через Гомель, Бобруйск, Минск). Автор проекта министр путей сообщения В.А. Бобринский считал, «что такая линия откроет прямой путь хлебным грузам из наиболее плодородных частей Малороссии к Либавскому порту» [3, с. 46]. Позже возникло предложение продлить Ландварово-Конотопскую железную дорогу до Ромен. В Комитете министров не возражали против такой корректировки направления магистрали. Вскоре стало очевидно, что правительство не намерено соединять Ландварово-Роменскую (с 1877 г. Либаво-Роменская) магистраль при помощи Роменско-Кременчугской линии с Харьковско-Николаевской железной дорогой. Подобное решение лишало Полтавскую губернию возможностей удобного вывоза своей сельскохозяйственной продукции в порты Балтийского (г. Либава) и Черного (г. Николаев) морей.

С этого момента начинается работа Полтавского земства по реализации проекта постройки Ромны-Кременчугской железной дороги. Заниматься решением данного вопроса губернское дворянское собрание поручило помещикам Полтавской губернии графу К.Н. Ламздорф-Галагану и Г.П. Галагану. Последнего избрали уполномоченным от Полтавского губернского земского собрания по железнодорожному делу в Санкт-Петербурге. В декабре 1880 г. из губернской типографии Полтавы вышла в свет брошюра, автором которой был дворянин Лубенского уезда Д.Г. Квитка. Представив развернутую систему доказательств о необходимости соединения городов Ромен и Кременчуга железной дорогой, он просил пойти навстречу ожиданиям местного населения, «пребывающего в бедственном экономическом положении и, начав строительство ранней весной 1881 г., довести Либаво-Роменскую железную дорогу до конца, по направлению от Ромен до Кременчуга, на длину 193 версты» [2, л. 41].

Далее Квитка предлагал Полтавскому губернскому земскому собраниям следующую программу действий, направленных на достижение цели. Последующие шаги, предпринимаемые земскими органами самоуправления Полтавской губернии, свидетельствуют о том, что они руководствовались в дальнейшем именно этими рекомендациями. Главная задача виделась, во-первых, в подготовке земским губернским собранием ходатайства с подробным изложением мотивов о необходимости постройки железной дороги от городов Ромны до Кременчуга. Для представления данного ходатайства и адреса в правительственные структуры (МВД, Министерство финансов, МПС, Военное министерство и Комитет министров) Квитка предлагал избрать от земства особую делегацию. Во-вторых, предлагалось провести предварительные изыскания железной дороги под руководством официально назначенных инженеров. В-третьих, добиваться права участия губернских земских собраний в обсуждении вопросов железнодорожного строительства в стране вместе с представителями профильных министерств. В-четвертых, избрать особого уполномоченного от губернской земской управы в Министерстве путей сообщения для контроля над решением вопросов, касающихся железнодорожного строительства в Полтавской губернии. В-пятых, сформировать из депутатов от земств действующий на постоянной основе железнодорожный комитет, полномочия которого истекут с момента разрешения правительством постройки Ромны-Кременчугской железной дороги. В-шестых, разрешить губернской земской управе созывать экстренное губернское земское собрание в случаях, когда речь будет идти о постройке Ромны-Кременчугской железной дороги [2, л. 41 об.].

В начале 1880 г. начали приниматься меры, направленные на реализацию идеи постройки железной дороги. Так, 12 января Д.К. Квитка отправил письмо графу К.Н. Ламздорф-Галагану [4]. В нем он в частности сообщал, что экземпляры брошюры с обоснованием необходимости постройки Ромны-Кременчугской железной дороги отправлены самому графу, Г.П. Галагану как уполномоченному от земства по железнодорожному делу, а также разосланы главам ведущих министерств и ведомств в Санкт-Петербург [4, лл. 1–2]. На тот момент проект не получил сторонников в лице глав правительственных инстанций.

Несмотря на отсутствие поддержки в «верхах» Полтавское губернское земство продолжало действовать по плану, намеченному Д.Г. Квиткой в докладе полтавскому земскому собранию. По инициативе местных органов самоуправления был сформирован новый

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

строительный комитет. На его заседаниях обсуждалась возможность постройки Ромны-Кременчугской железной дороги силами самого земства. Однако правительство не поддержало и эту инициативу органов общественного самоуправления.

Начиная с 1883 года, государственные структуры приступили к детальной проработке вопросов, связанных с постройкой Ромны-Кременчугской железной дороги. 5 июля 1883 г. Комитет министров поручил министру путей сообщений командировать инженеров для проведения проверочных технических изысканий от Ромен в направлении Миргорода и до города Кременчуга [5, л. 5]. В Полтавскую губернию была направлена правительственная комиссия по проведению необходимых работ во главе с инженером Риппасом. В комиссию вошли представители министерства путей сообщений, финансов, военного и государственного контролера, привлечены заинтересованные лица от Полтавского губернского земства и уполномоченные от акционерного общества Либаво-Роменской железной дороги. Руководство изысканиями осуществлялось из г. Кременчуга. Комиссии поручалось определить наиболее рациональное направление этой линии между указанными конечными пунктами [5, л. 5 об.].

Комиссии предстояло также выяснить финансовые условия, на основании которых правление частной Либаво-Роменской железной дороги планировало строить и эксплуатировать Ромны-Миргородский участок Кременчугской дороги. В обязанности правительственной комиссии входила также разработка и подготовка заключений о финансовой эффективности различных способов постройки Ромны-Кременчугской линии. В качестве отправного варианта рассматривалась постройка Ромны-Кременчугской железной дороги казной с последующим присоединением этой железной дороги к Харьковско-Николаевской магистрали [5, л. 6]. Теперь идею строительства железной дороги от Кременчуга до города Ромен государством поддержало Полтавское земство. 24 октября 1883 г. 19-е губернское земское собрание поручило губернской управе и уполномоченным от земства во главе с Г.П. Галаганом ходатайствовать перед правительством о незамедлительном начале строительства Ромны-Кременчугской железной дороги [5, л. 7].

В соответствии с положением Комитета министров от 18 мая 1885 г. Временному управлению казенных железных дорог было отдано распоряжение начать постройку Ромны-Кременчугской железной дороги, примыкающей к Либаво-Роменской железной дороге на станции Ромны и к Харьковско-Николаевской на станции Кременчуг [6, с. 1].

Таким образом, результатом совместных усилий полтавского губернского земства и правительства стало завершение постройки кратчайшего Черноморско-Балтийского железнодорожного транзита (1588 верст). Он был необходим для реализации как интересов экспортной торговли государства, так и местных хозяйственных нужд населения. Ромны-Кременчугская железная дорога ликвидировала хозяйственную обособленность Полтавской губернии, а также стимулировала процессы экономической модернизации в регионе.

Источники и литература

1. Петров, Ф.Л. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 г. // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла / Ф.Л. Петров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 336 с.

2. По докладу дворянина Лубенского уезда Д.Г. Квитки, сделанному полтавскому губернскому дворянскому собранию и губернскому земскому собранию о необходимости построить железную дорогу между городами Ромны и Кременчугом // Центральный государственный исторический архив Украины (далее ЦГИА Украины). – Ф. 1191 (Канцелярия временного Харьковского генерал-губернатора). – Оп. 5. – Д. 82. – 53 лл.

3. Кислинский, Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: В 4 т. / Н.А. Кислинский. – СПб.: Типография Ком-та министров, 1902. – Т. 2.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

4. Письмо графа К.Н. Ламздорф-Галаган от Д.К. Квитки, с просьбой оказать содействие в постройке Роменско-Кременчугской железной дороги // ЦГИА Украины. – Ф. 1475 (Галаганы – помещики Полтавской губернии). – Оп. 1. – Д. 851. – 19 лл.

5. Письма Г.П. Галаган от губернских и уездных земских управ и ходатайство перед правительством о земском банке, строительстве железной дороги Ромны-Кременчуг, выборе мировых судей и другие вопросы // ЦГИА Украины. – Ф. 1475. – Оп. 1. – Д. 323. – 33 лл.

6. Ромны-Кременчугская железная дорога. Описание постройки (1885–1888).

Siarhiei Zhykharau. Railway construction in the activities of the Poltava regional self-government at the initial stage of early industrial modernization in Russia. In the article the activity of zemstvo's self-government institutions of Poltava province in the solution of railroad building issues is considered. The main steps of Poltava province zemstvo's chamber for Romny and Krementchug railway construction are analyzed.

УДК 329(476)(1915-1918)

С.В. Багалейша
Беларускі нацыянальны тэхнічны універсітэт

ПРАЕКТЫ СТВАРЭННЯ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ ПАДЧАС ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Артыкул прысвечаны развіццю беларускага нацыянальнага руха на акупіраванай тэрыторыі Беларусі пад час Першай сусветнай вайны, разглядаюцца праект аднаўлення незалежнай беларуска-літоўскай дзяржавы ў форме Канфедэрацыі ВКЛ і нацыянальная знешнепалітычная канцэпцыя адраджэння беларускай дзяржавы – ідэя "Злучаных Штатаў ад Балтыйскага да Чорнага мора".

Першая сусветная вайна значна паскорыла нацыянальна-вызваленчыя рухі еўрапейскіх народаў. У час яе актывізаваўся і беларускі рух у напрамку рэалізацыі ідэі нацыянальнай дзяржаўнасці. З'явіліся розныя праекты стварэння беларускай дзяржавы, ідэя актыўнага супрацоўніцтва з суседнімі краінамі ў гэтым накірунку. Сярод беларусаў, якія засталіся на акупіраванай тэрыторыі, узнікла ідэя аднаўлення незалежнай беларуска-літоўскай дзяржавы ў форме Канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага.

У 1915 г. у Заходняй Беларусі і на сучаснай Віленшчыне пасля нямецкай акупацыі засталася невялікая група беларускіх дзеячаў на чале з братамі І. і А. Луцкевічамі, А. Пашкевіч (Цёткай), В. Ластоўскім, Д. Сямашкам, Б. Пачобкам, Я. Салаўём, В. Святаполкам-Мірскім і інш. Нацыянальныя дзеячы ўвайшлі ў Беларускі камітэт (таварыства) дапамогі пацярпелым ад вайны пад кіраўніцтвам А. Луцкевіча [17, с. 16]. Камітэт аб'яднаў усе палітычныя групоўкі беларусаў, католікаў і праваслаўных, якія засталіся на акупіраванай тэрыторыі, і стаў агульнанацыянальнай арганізацыяй, якая прадстаўляла інтарэсы беларусаў на акупіраванай немцамі тэрыторыі [4, л. 11]. Адпаведныя камітэты былі створаны прадстаўнікамі польскай, літоўскай і яўрэйскай нацыянальнасцей. Камітэт аказваў маральную і матэрыяльную дапамогу ахвярам вайны, а з цягам часу яго дзейнасць набыла грамадска-палітычную афарбоўку: ён выконваў абавязкі прадстаўніка нацыянальных інтарэсаў беларускага насельніцтва перад акупацыйнымі ўладамі.[5, с. 11].

Дзеячы нацыянальных камітэтаў паставілі перад сабой мэту – аднавіць незалежнае Вялікае Княства Літоўскае, якое ахоплівала літоўскія і беларускія землі, аб'яднаныя эканамічнымі інтарэсамі і палітычнымі жаданнямі [3, л. 7; 1, с. 138]. Увосень 1915 г. у Вільні быў створаны Беларускі народны камітэт (БНК) – каардынуючы орган беларускіх нацыянальных, палітычных, грамадскіх і прафесійных арганізацый на акупіраванай тэрыторыі Беларусі. Узначаліў яго А. Луцкевіч. БНК падтрымліваў ідэю канфедэрацыі ВКЛ і з'яўляўся

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

носьбітам беларускай ідэі [3, л. 19].

У многім пры рэалізацыі сваіх планаў беларусы разлічвалі на дапамогу германскіх улад, якія, ўступіўшы на тэрыторыю Расійскай імперыі, імкнуліся максімальна выкарыстаць нацыянальныя рухі для аслаблення свайго праціўніка і ўзмацнення акупацыйнага рэжыму. Аднак нямецкія акупацыйныя ўлады не мелі намеру дазваляць беларусам утвараць свае дзяржаўныя органы. Яны скептычна ставіліся да магчымасцей беларускага нацыянальнага руху. Германія разглядала Беларусь як частку адзінай і непадзельнай Расійскай імперыі. Таму ўсе апеляцыі лідараў беларускага нацыянальнага руху да Германіі, каб яна падтрымала іх у вырашэнні нацыянальнага пытання, поспеху не мелі.

Па-іншаму нямецкія палітыкі і вайскоўцы ставіліся да літоўскага нацыянальна-вызваленчага руху і лічылі неабходным яго падтрымаць. Генерал Э. фон Людэндорф пісаў ва ўспамінах: "Генерал-фельдмаршал (Гіндэнбург) і я ставілі за мэту стварыць у вобласці, якая знаходзілася пад кантролем галоўнакамандавання на ўсходзе, герцагства Курляндыю і Вялікае Княства Літоўскае, якія … найцяснейшым чынам далучаліся б да Германіі і ўзначальваліся б Яго Вялікасцю; сувязь асабістай уніяй магла б быць, без розніцы, са стальцом прускага караля ці тронам германскага імператара" [14, с. 58].

Яшчэ да Першай сусветнай вайны ў беларускіх і літоўскіх дзеячаў было некалькі канцэпцый пабудовы дзяржаўнасці: канцэпцыя аднаўлення гістарычнай Літвы (Літвы і Беларусі) і канцэпцыя аўтаноміі этнаграфічнай Літвы [15, с. 250]. Літоўцы строга прытрымліваліся канцэпцыі аўтаноміі этнаграфічнай Літвы. Паводле яе, граніца з Беларуссю прыблізна атаясамлівалася з мяжой Віленскага і Дзісенскага паветаў. Акрамя таго, у склад Літвы павінна была ўвайсці частка Гродзенскай губерні і Навагрудскі павет Мінскай губерні. Апаненты літоўцаў – беларусы, палякі, яўрэі – гаварылі аб палітычнай аўтаноміі гістарычнай Літвы. У іх разуменні гістарычная Літва ўключала ў сябе ўвесь "Северо-Западный край", або Літву і Беларусь (Віцебскую, Гродзенскую, Магілёўскую, Мінскую губерні, Віленскі і Дзісенскі паветы), і павінна была стаць непадзельнай. Літоўцы вельмі баяліся, што, калі будзе рэалізавана канцэпцыя гістарычнай Літвы, то яны ў новай дзяржаве стануць нацыянальнай меншасцю і зменіцца іх роля як самастойнага этнасу. Беларусы пратэставалі супраць так званай этнаграфічнай Літвы, бо бачылі ў гэтым жаданне літоўцаў захапіць частку этнічных беларускіх зямель Віленшчыны і Гродзеншчыны і раздрабіць Беларусь.

Немцы імкнуліся захаваць за сабой акупіраваныя тэрыторыі і фактычна падтрымлівалі намеры стварэння літоўскай этнічнай дзяржавы, якая б падпарадкоўвалася Германіі, хоць афіцыйна пра гэта не заяўлялася. Не выпадкова, што Вільгельм II, які наведаў Вільню 2-15 снежня 1915 г., згадваў моўныя традыцыі ВКЛ, шлюбныя сувязі сваіх продкаў з дынастыяй Ягелонаў. Акрамя таго, і створаны ў гады вайны Обер-Ост сваёй тэрыторыяй быў вельмі набліжаны да тэрыторыі ВКЛ (1793–1795 гг.) [19, с. 186]. Гэта давала стымул як літоўскім, так і беларускім палітычным дзеячам арыентавацца на адзін з варыянтаў канцэпцыі дзяржаўнасці гістарычнай Літвы – Канфедэрацыі ВКЛ.

У снежні 1915 г. быў праведзены шэраг беларуска-літоўскіх нарад. У іх таксама прымалі ўдзел некаторыя яўрэйскія і польскія дэмакратычныя дзеячы. З беларусаў у іх удзельнічалі А. і І. Луцкевічы, В. Ластоўскі, Д. Сямашка, літоўцы – Ю. Шаўліс і Кайрыс, яўрэі – І. Ром і Ц. Шабад, з палякаў – А. Заштаўт. Была выпрацавана асноўная пазіцыя, зыходзячы з якой планавалася ставіць пытанне аб будучыні беларуска-літоўскіх зямель, занятых немцамі. Зыходнай кропкай у гэтай справе была заява канцлера Германіі Бетмана-Гольвега, зробленая ў парламенце, аб тым, што "вызваленыя ад Расіі землі не вернуцца назад пад маскоўскае ярмо" [10, с. 38]. Дзеячы нацыянальнага руху вырашылі скарыстаць склаўшыяся акалічнасці дзеля таго, каб аб'явіць свету аб аднаўленні ВКЛ.

Па ініцыятыве беларусаў была дасягнута дамова з польскімі, літоўскімі і яўрэйскім камітэтамі аб утварэнні Канфедэрацыі ВКЛ. Тая згода была аформлена "Універсалам Канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага", выдадзеным на чатырох мовах (беларускай, яўрэйскай, польскай і літоўскай) Часовай радай Канфедэрацыі 19 снежня 1915 г. [18, с. 42].

Там былі выкладзены асноўныя прынцыпы праекта. Ва Універсале адзначалася, што канфедэрацыя ствараецца на аснове незалежнасці Літвы і Беларусі як супольнай дзяржавы, дзе ўсім нацыям будуць забяспечаны роўныя правы. Канфедэраты заклікалі ўсе краіны, палітычныя і грамадскія арганізацыі і ўсіх грамадзян краю далучыцца да Канфедэрацыі ВКЛ. Першую невялічкую адозву напісаў І. Луцкевіч.

Як дапаўненне да Універсала той жа Радай у лютым 1916 г. была выдадзена адозва-заклік "Pileciai!" ("Грамадзяне!"), у якой больш падрабязна выкладаліся асноўныя пачаткі палітычнага ладу будучай канфедэрацыі" [11, с. 8]. Яна была напісана літоўцам Ю. Шаўлісам і выдадзена на польскай, беларускай, літоўскай, яўрэйскай мовах. Ён вёў і непасрэдныя перамовы з нямецкімі ўладамі, бо да вайны жыў у Германіі, добра ведаў нямецкую мову і меў там надзейныя сувязі.

У тэксце адозвы адзначалася, што "надзеі на Расію не толькі пустыя, але і шкодныя. Больш чым стогадовае супольнае жыццё з Расіяй найлепей гаварыла, што гэтая дзяржава хоча з намі зрабіць. Праз увесь час супольнага з намі жыцця яна панавала і сістэматычна імкнулася да таго, каб сцерці ўсе адзнакі нашай самабытнасці і адметнасці. Таму нашы надзеі на здзяйсненне жаданай волі нашага краю кіруюцца цяпер у другі бок: да збліжэння з сярэднееўрапейскімі дзяржавамі" [11, с. 8; 16, с. 13].

У адпаведнасці з гэтым дакументам канфедэраты планавалі зрабіць беларуска-літоўскія землі незалежнай дзяржаўнай адзінкай з сеймам у Вільні. У склад новай беларуска-літоўскай дзяржавы павінны былі ўвайсці землі, занятыя нямецкімі войскамі: Віленская і Ковенская губерні, беларуская і літоўская часткі Гродзенскай і Сувалкаўскай губерні, Курляндскай губерні і частка Мінскай, якія звязаны з Віленскім цэнтрам. Формы дзяржаўнага ладу павінны быць устаноўлены і зацверджаны Устаноўчым сеймам у Вільні, выбраным агульным, роўным, прамым і тайным галасаваннем" [11, с. 8].

Гісторыку Чэславу Лаўрыновічусу некалькі гадоў таму ўдалося знайсці адказ на пытанне, хто ўваходзіў у склад Часовай рады Канфедэрацыі. Пад адной з рэзалюцый ён знайшоў алоўкам напісаныя аўтографы Ю. Шаўліса, А. і І Луцкевічаў, А. Заштаўта, Ц. Шабада і Розенбаўма [15, с. 253]. Усе яны былі прыхільнікамі федэратыўных і канфедэратыўных праектаў аднаўлення дзяржаўнасці Літвы, Беларусі і Польшчы.

Запланаваная канфедэрацыя адпавядала праектаванай схеме Сярэдняй Еўропы (Mittel Europa), прыхільнікамі якой быў дзяржаўны падсакратар А. Цымерман і адзін з праектантаў усходняй палітыкі Германіі – Рорбах. З ім заўсёды і кансультаваўся Ю. Шаўліс. Такім чынам, праект канфедэрацыі ўзнік не ў палітычным вакууме, а меў вельмі ўплывовых патронаў. Не выпадкова, што на працягу некаторага часу ён ухваляўся і падтрымліваўся.

З самага пачатку, па сведчаннях сучаснікаў і ўдзельнікаў падзей, ініцыятыва стварэння гэтай міжнацыянальнай арганізацыі належала прадстаўнікам беларускага нацыянальнага руху. У сваіх успамінах А. Луцкевіч пісаў, што менавіта беларусы стварылі Канфедэрацыю ВКЛ "на глебе ідэі незалежнасці краю лепшых прадстаўнікоў дэмакратыі ўсіх чатырох нацыянальнасцей: беларусаў, літоўцаў, яўрэяў і палякаў [12, с. 46]. Аднак колькасць беларусаў, якія былі прыхільнікамі Канфедэрацыі ВКЛ, вызначыць дакладна немагчыма. Хутчэй за ўсё іх агульны лік не быў вялікім. Напачатку прыхільна да рэалізацыі ідэі Канфедэрацыі ВКЛ ставіліся літоўскія і некаторыя германскія палітыкі. Праектам з практычнага боку дзейнасці зацікавіліся такія кансерватыўныя літоўскія дзеячы, як А. Смятона і Й. Станкявічус. Яны пагадзіліся ўвайсці ў камісію па вызначэнні межаў Канфедэрацыі ВКЛ. Але выпрацаваць якую-небудзь узгодненую пазіцыю камісія так і не змагла [6, 308].

Як сцвярджае сучасны польскі даследчык Р. Лапата, Савет Канфедэрацыі ВКЛ 21 мая 1916 г. пераўтварыўся ў Пастаянную літоўска-беларускую камісію, што было істотным зніжэннем яе статуснасці. Абодва бакі дамовіліся прытрымлівацца платформы Канфедэрацыі ВКЛ, аднак гэтая дамова выконвалася непаслядоўна.

Такім чынам, нягледзячы на распрацаваны праект Канфедэрацыі ВКЛ, "адраджэнне гістарычнай Літвы" не адбылося. Па-першае, з самага пачатку на галоўную ролю ў

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Канфедэрацыі ВКЛ прэтэндавалі літоўцы. Так, на Радзе літоўцаў і латышоў, што адбылася ў Коўне 6 студзеня 1916 г., быў створаны Галоўны Літоўскі Камітэт, які аб'явіў незалежнасць зямель былога ВКЛ [20, с. 18]. Характэрна, што дакументы аб яго абвяшчэнні былі падрыхтаваны ў лютым 1916 г. у Коўне, паралельна з праектам канфедэрацыі [15, с. 254]. Як бачна, літоўцы больш клапаціліся аб стварэнні сваёй самастойнай дзяржавы, баючыся, што ў сумеснай дзяржаве яны могуць быць асіміляваны беларускай большасцю. Літоўскія палітыкі ўсё больш арыентаваліся на аднаўленне дзяржаўнасці ў межах этнаграфічнай Літвы, паступова адмаўляючыся ад ідэі Канфедэрацыі ВКЛ, такім чынам выключаючы Беларусь са сваіх планаў.

Па-другое, у "адраджэнні гістарычнай Літвы" не была зацікаўлена і кайзераўская Германія, якая сама была не супраць узмацніць уладу на захопленай тэрыторыі. Яна прадумана маніпулявала прынцыпамі "divide et impera" ("падзяляй і ўладар"), а для гэтага асабліва выкарыстоўвала нацыянальны фактар. Сама ваенна-палітычная сітуацыя, у якой адбывалася выпрацоўка ідэі канфедэрацыі, выклікала сумненне, што беларусы здолеюць скарыстаць дадзеныя правы і беларуска-літоўскі ўрад здолее захаваць незалежнасць ад Германіі, пад пратэктаратам якой планавалася ўтварыць Канфедэрацыю ВКЛ.

Па-трэцяе, дзеячамі польскага руху, якіх падтрымлівала духавенства і большасць інтэлігенцыі, была прапанавана ідэя стварэння федэрацыі Беларусі і Літвы з Польшчай. Тым самым яны змагаліся з беларускім і літоўскім адраджэнскім рухам, пашыраючы каланізацыйную палітыку на азначанай тэрыторыі [2, с. 16–17].

Беларускі гісторык У. Ігнатоўскі прычыну заняпаду ідэі канфедэрацыі бачыў у "праявах польскага княства, якое мысліць Літву і Беларусь як складаную і непадзельную частку будучай Рэчы Паспалітай Польскай" [9, с. 222]. Польскія гісторыкі лічаць, што ў момант абвяшчэння Канфедэрацыі ВКЛ ні беларусы, ні літоўцы, ні яўрэі, ні палякі не былі падрыхтаваныя да ўспрыняцця гэтай ідэі. На наш погляд, спалучэнне ўсіх вышэй адзначаных фактараў, а таксама тое, што ідэя канфедэрацыі не знайшла шырокай падтрымкі ні сярод беларускага, ні сярод літоўскага насельніцтва, прывялі да таго, што гэтая ідэя не была рэалізавана [2].

У 1915–1916 гг. група беларускіх дзеячаў, якія засталіся ў Вільні, прыступілі да распрацоўкі асноў першай у гісторыі Беларусі нацыянальнай знешнепалітычнай канцэпцыі. У першую чаргу, яе асноўнымі аўтарамі і прапагандыстамі сталі браты А. і І. Луцкевічы. Будучыню Беларусі яны разглядалі ў цесным саюзе з дзяржавамі Балтыі і Украіны. Асноўныя палітычныя патрабаванні беларускага нацыянальнага руху былі складзены на аснове рэферата, распрацаванага БНК на чале з А. Луцкевічам, – "Злучаныя Штаты ад Прыбалтыкі да Чорнага мора", які быў прадстаўлены на III Кангрэса нацый 27–29 чэрвеня 1916 г. у Лазане (Швейцарыя).

У рэфераце сцвярджалася, што беларускі народ існуе як самастойная нацыя са сваёй уласнай культурай, эканомікай і палітычным жыццём. Пагэтаму беларусы маюць права на стварэнне незалежнай нацыянальнай дзяржавы. Аднак гэта была своеасаблівая канцэпцыя адраджэння беларускай дзяржавы – ідэя "Злучаных Штатаў ад Балтыйскага да Чорнага мора" [13. с. 5]. Гэта быў план шырокай канфедэрацыі, у якуюпасля Першай сусветнай вайны павінны былі ўвайсці Беларусь, Літва, Латвія і Украіна. На змену ідэі аб незалежнай дзяржаве з аўтаноўнымі тэрыторыямі прыйшла ідэя канфедэрацыі незалежных дзяржаў, моцнага іх эканамічнага і палітычнага блоку. Адной з прычын, па якой А. Луцкевіч выступаў за аб'яднанне Беларусі з суседзямі, з'яўлялася імкненне забяспечыць Беларусі выхад да мора. У магчымасці свабодна карыстацца марскімі шляхамі прыхільнікі гэтай канцэпцыі бачылі важнейшую ўмову развіцця нацыянальнай эканомікі. Гэтая канцэпцыя, хаця і была галоўнай, планавалася на перспектыву. Бліжэйшай задачай ставілася пытанне аб стварэнні літоўска-беларускай дзяржавы на захопленых Германіяй землях у форме Канфедэрацыі ВКЛ.

Гэтая канцэпцыя была падтрымана БНК, БСДРГ і Віленскім камітэтам БСГ. Аднак у тых палітычных умовах яе рэалізацыя была справай складанай. Беларускія палітыкі пераацанілі значэнне мора і недаацанілі імкненне суседніх краін – Літвы, Латвіі і Украіны – да стварэння ўласнай незалежнасці. Асабліва актыўна ў гэтым накірунку дзейнічалі літоўцы, якія лічылі

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

свой нацыянальны рух, у адрозненні ад беларускага, больш моцным і арганізаваным. Яны пачалі дыстанцыравацца ад прапаноў стварыць адзіную беларуска-літоўскую дзяржаву, але канчаткова з беларусамі не парывалі. Тактыка двайной гульні давала магчымасць літоўскім палітыкам, з аднаго боку, пры неабходнасці атрымліваць падтрымку беларусаў на міжнароднай арэне, а з другога – выстаўляць тэрытарыяльныя прэтэнзіі на беларускія этнаграфічныя землі.

Не знайшоўшы падтрымкі ўрадаў і палітычных сіл краін Еўропы, беларускія дзеячы сталі наладжваць новыя перагаворы з Літоўскім камітэтам з "мэтай высветліць асновы сумеснага дзяржаўнага жыцця Літвы і Беларусі" [8, с. 44]. Для гэтага А. Луцкевіч падрыхтаваў адпаведную запіску, дзе падкрэсліў неабходнасць прадастаўлення беларусам у сумеснай беларуска-літоўскай дзяржаве роўных правоў з літоўцамі [1, с. 139]. Аднак літоўцы ў пачатку 1917 г. адмовіліся ад далейшых перагавораў, па рэкамендацыі Германіі канчаткова парвалі сувязі не толькі з беларусамі, але і з польскімі і яўрэйскімі нацыянальнымі цэнтрамі. Лідары літоўскага нацыянальнага руху выдалі 11 студзеня 1917 г. "Мемарандум аб аднаўленні незалежнай Літвы". Вясной 1917 г. пачалася падрыхтоўка да стварэння пад пратэктаратам Германіі не Вялікага Княства Літоўскага, а літоўскай дзяржаўна-адміністрацыйнай адзінкі "малой Літвы", без раўнапраўнага ўдзелу беларусаў. У сваю чаргу віленскія беларускія арганізацыі імкнуліся пераканаць літоўскі бок у неабходнасці далейшага супрацоўніцтва ў напрамку рэалізацыі праекта сумеснай беларуска-літоўскай дзяржавы і неабходнасці ўліку інтарэсаў усіх нацыянальнасцяў краю.

У пачатку верасня 1917 г. адбываецца канферэнцыя БНК, Беларускай сацыял-дэмакратычнай работніцкай групы і Віленскага камітэта БСГ. На канферэнцыі паўтараліся ўжо вядомыя агрументы на карысць літоўска-беларускай дзяржавы з дзвюма аўтаномнымі тэрыторыямі. Пры гэтым у яе склад прадугледжвалася ўключыць усе беларускія і літоўскія землі з абодвух бакоў фронту [7, с. 20]. І нават упершыню выказваецца патрабаванне аб скліканні Устаноўчага Сойму Літвы і Беларусі ў Вільні для выяўлення волі ўсіх жыхароў краю. Дзяржаўны лад будучай дэмакратычнай беларуска-літоўскай дзяржавы быў вызначаны наступным чынам: 1) перадача ўсёй уласнасці ў рукі народа; 2) унутранае размежаванне аўтаномных Беларускай і Літоўскіх зямель поводле матчынай мовы жыхароў; 3) роўныя правы для ўсіх нацыянальнасцей краю; 4) прызнанне дзяржаўных правоў за ўсімі мясцовымі мовамі [7, с. 20-21].

Аднак у той час ў літоўскага боку ўжо былі зусім іншыя планы. Пры дапамозе нямецкай улады ў Вільні 18–22 верасня 1917 г. адбылася Літоўская канферэнцыя "прадстаўнікоў нацыі" і была створана дзяржаўная рада – Тарыба – вярхоўны орган Літвы [15, с. 10]. Тарыба абвясціла сябе "дзяржаўным цэнтрам Літвы", і беларусы нямецкай акупацыі ўваходзяць у яе склад "у якасці прадстаўнікоў падначаленай народнасці" [15, с. 255]. 16 лютага 1918 г. была абвешчана Літоўская Рэспубліка. Такога павароту падзей ніхто не чакаў, і ён некалькі працвярозіў дзеячаў беларускіх арганізацый, што выразна выявілася ў скліканні 25–28 студзеня 1918 г. у Вільні супольнай канферэнцыі прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху на акупіраванай тэрыторыі. Падчас яе работы ў процівагу Літоўскай Тарыбе была створана Віленская беларуская рада (ВБР) на чале з А. Луцкевічам. ВБР аб'яўлялася каардынацыйным цэнтрам беларускіх арганізацый і прадстаўнічым органам у акупіраванай Германіяй Беларусі. Нацыянальны рух у Беларусі і Літве пачаў развівацца па розных накірунках. 23 сакавіка 1918 г. нямецкі кайзер прызнаў незалежнасць Літвы. Канцэпцыя беларуска-літоўскай федэрацыі страціла актуальнасць.

Такім чынам, дзеячы беларускага нацыянальнага руху, якія засталіся на захопленай тэрыторыі падчас Першай сусветнай вайны, вымушаны былі праводзіць нацыянальную работу ва ўмовах акупацыі. Лідары беларускага нацыянальнага руху пачалі звязваць свае надзеі з Германіяй і яе саюзнікамі, займаючы антырасійскія пазіцыі. Яны марылі аб утварэнні нацыянальнай дзяржавы. Гэтай мэце і служылі распрацаваныя праекты аднаўлення дзяржавы – ідэя Канфедэрацыі ВКЛ і ідэя "Злучаных Штатаў ад Балтыкі да Чорнага мора". Апошняя

канцэпцыя найперш тлумачылася эканамічнымі матывамі і жаданнем мець выхад Беларусі да Балтыйскага і Чорнага мораў. Аб'яднанне маладых дзяржаў ад Балтыкі да Чорнага мора ў адзіны саюз магло б змяніць традыцыйны баланс сіл у рэгіёне і садзейнічаць адыходу ад шматвекавога вагання паміж Расіяй і Польшчай, умацаванню абароназдольнасці нованароджанных дзяржаў і эфектыўнаму аднаўленню іх разбуранай вайной эканомікі. Аднак з-за палітычных інтрыг Берліна і ва ўмовах вайны гэтая ідэя засталася няздзейсненай.

Крыніцы і літаратура

1. Апостол национального возрождения (документы и материалы об А.Луцкевиче). Подгот. В.Н. Михнюк, Н.М. Климович, А. И. Гесь // Нёман. 1995. - № 1. С. 127-166.
2. Багалейша С. Канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага: праекты і здзяйсненні / С. Багалейша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. - № 7. – С. 12-17.
3. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр 139. – Л. 7, 19.
4. БДАМЛіМ. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр.131. – Л. – 11.
5. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914 – 1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4. т. / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Т. 1.: 1 жніўня 1914-18 сакавіка 1921 гг.: у 2-х ч., ч. 1.: 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. / [складальнікі: А.Ф. Вялікі і інш.].– Мн., Юніпак, 2008 - 537 с.
6. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII-пач.XXI ст. / [А.А. Каваленя і інш.]. - Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. - Кн.1.- Мн, 2011. – 583 с.
7. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь [і інш.]; [Склад.: У. М. Міхнюк, Рэдкал.: І.І Антановіч (старшыня) і інш.] - Т. 1. (1917-1922 гг.). Мн.: БелНДІДАС: Выдавецкі цэнтр БДУ, 1997. – 395 с.
8. Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И.М. Игнатенко – Мн.: Наука и техника, 1986. – 343 с.
9. Ігнатоўскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX-пачатку XX ст / У. Ігнатоўскі – Мн., 1928. – 243 с.
10. Луцкевич Антон: Материалы следственного дела НКВД БССР / Подгот. к печати, введение и комментарии В.Н. Михнюка, Н.М. Климовича и А.Н. Гесь. – Мн.: БелНИИДАД, 1997. – 204 с.
11. Луцкевіч А. Палітычныя лозунгі беларускага руху / А. Луцкевіч // Зборнік "Наша Ніва". – Вільня, 1920. – С.8-18.
12. Луцкевіч А.І. Польская акупацыя ў Беларусі/ А.І. Луцкевіч – Вільня: "Друк", 1920. – 19 с.
13. Луцкевіч А. Злучаныя Штаты ад Балтыйскага да Чорнага мораў / А. Луцкевіч // Свабода. – 1990. - № 2. – С. 5-8.
14. Людэндорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг / Пер. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина / Э. Людэндорф - Т. 2. - М, 1924.
15. Мікніс Р. Літва і Беларусь: перэпетыі дзяржаўнасці ў пачатку 20 ст. / Р. Мікніс // Беларусіка-Albarutenika. – Мн., 1997. – Кн. 6. – Ч. 1. – С. 249-257.
16. Сідарэвіч А. Беларускі шлях / А. Сідарэвіч // ЛіМ. – 1992. – 30 лістапада.
17. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак – Мн.: «Беларусь», 1993. – 236 с.
18. Турук Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения в Беларуси / Ф. Турук - М.: Гос. изд-во, 1921. – 144 с.
19. Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918-1921 гг.) / А.В. Ціхаміраў – Мн.: Экаперспектыва, 2003. – 399 с.
20. Шчаўлінскі М.Б. Беларускі нацыянальны рух на акупіраванай тэрыторыі краю з

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

восені 1915 да лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. / М.Б. Шчаўлінскі // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 1998. - № 2. – С. 16-20.

Sviatlana Bahalieysha. Projects of creation of the Belarusian-Lithuanian state during the First world war. Article is devoted to development of the Belarusian national movement in the occupied territory of Belarus during World War I in the direction of realization of idea of national statehood. Are considered the project of revival of the independent Belarusian-Lithuanian state in the form of Confederation of Grand Duchy of Lithuania and the national foreign policy concept of revival of the Belarusian state - idea "The United States from Baltic yes the Black Sea".

УДК 351.745(476.2-21Гомель) «1917/1926»

С.Ф. Веремеев
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

МИЛИЦИЯ Г. ГОМЕЛЯ В 1917–1926 ГОДАХ

В данной статье рассматривается процесс создания и деятельность милиции Гомеля в период 1917-1926 гг. Приводятся данные о структуре, численности и социальном составе городской милиции. Указывается количество совершённых и раскрытых преступлений. Даётся подробное описание громкого дела Т. Хасанова 1925 г. Освещается празднование дня милиции в городе в 1923 г.

История правоохранительных органов в Беларуси вызывает интерес со стороны научных кругов и общественности, а осмысление опыта их деятельности в прошлом может быть актуальным и иметь существенное практическое значение для современников. В частности, научный интерес представляет изучение истории милиции в БССР, особенно на этапе её становления. Локально-исторические исследования в этом направлении могут способствовать более глубокому пониманию её деятельности как на уровне отдельных регионов и населённых пунктов, так и в БССР в целом.

В настоящее время практически неизученной остаётся история деятельности милиции в г. Гомеле в 20-е гг. XX в. Между тем, в местных архивах на хранении находится значительное количество документов, связанных с функционированием милиции на территории Гомельской губернии (Гомельская губерния РСФСР существовала в 1919-1926 гг.), анализ которых в определённой степени позволяют восполнить этот пробел.

Первые милицейские подразделения в Гомеле и на территории Гомельщины были созданы в марте 1917 г. [1]. В научной литературе можно встретить сведения о том, что уже 6 марта 1917 г. состоялось «боевое крещение» гомелькой милиции. Вечером 6 марта на станции Гомель милиционерами во главе с А.А. Цехановичем был задержан бывший министр двора императора Николая II граф В.Б. Фредерикс, который под видом члена военной комиссии пытался проехать из Могилева на юг [2, с. 244].

12 марта 1917 г. на объединённом заседании милицейских комиссий Гомельского совета и Комитета общественной безопасности был обсуждён и принят план организации городской милиции, предложенный Советом. Предусматривалось, что её численность составит 300 человек. Уже на следующий день, 13 марта начался набор кадров в формируемую структуру. Спустя несколько дней, 17 марта Гомельский Совет рабочих и крестьянских депутатов утвердил «Временное положение о милиции г. Гомеля», которое стало юридической

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

основой её деятельности в тот период. Милиция должна была комплектоваться из рабочих, которых выдвигали предприятия, и солдат, рекомендованных воинскими частями.

Организация милиции в период до октября 1917 г. была весьма демократичной. Милиционеры сами выбирали начальников своих частей и членов комитетов частей. Согласно «Временному положению о милиции г. Гомеля» начальник милиции города, его помощник, а также городской милицейский комитет избирались на общем собрании работников милиции г. Гомеля. 21 марта 1917 г. исполком Гомельского Совета обратился к начальнику гомельского гарнизона с просьбой откомандировать для службы в городской милиции 103 солдата. Просьба исполкома была удовлетворена. Известно, что в период лета–осени 1917 г. милиция задерживала лиц, с виду похожих дезертиров [2, с. 244–245].

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. действующая милиция была реорганизована и поставлена под их контроль. Процесс реорганизации милиции завершился на Гомельщине в конце 1917 – начале 1918 г. [3, с. 35]. В начале 1918 г. милицию возглавил бывший железнодорожный рабочий, член РКП(б) Алексей Яковлевич Саранчук. В декабре 1918 г. в Гомеле было организовано отделение уголовного розыска [1].

В первой половине 20-х гг. XX в. милиция г. Гомеля состояла из трёх отделений. I отделение городской милиции располагалось на углу улиц Кузнечной (современная Интернациональная) и Гуменной (современная Катунина), а район его деятельности состоял из 5 участков и охватывал 37 улиц [4, л. 6]. Начальником I отделения был Владимир Дмитриевич Румянцев, служивший в рядах милиции с 1919 г. [5, л. 31]. В архивных документах тех лет фигурирует также фамилия ещё одного начальника I отделения – Хомяков, который, видимо, занял эту должность после В.Д. Румянцева [6, л. 301об].

II отделение милиции было расположено на улице Новиковской (нынешняя Карповича, хотя по другим данным, оно располагалось по улице Вокзальной, 28 – нынешняя улица Киселёва), а его работники контролировали 59 городских улиц. В ведении III отделения, находившегося на улице Скобелевской (нынешняя улица Ауэрбаха), было 68 улиц города [4, л. 6].

Общая численность милиции составляла 242 человека. При этом собственно руководство милиции (на языке того времени «комсостав») насчитывало 33 человека, младших милиционеров было 137, а ещё 72 работника милиции относились к категории «прочие». В социальном отношении среди работников милиции выходцы из рабочих составляли 20%, из числа служащих – 26%. Основная масса милиционеров была крестьянского происхождения – 54% [7, л. 88].

Совершенно неизученным остаётся вопрос о национальном составе работников милиции г. Гомеля и Гомельской губернии в тот период. Известно лишь, что в 1919 г. резервный полк милицейской охраны в Гомеле возглавлял коммунист еврейской национальности М. Фернебок, а сам полк более чем наполовину состоял из евреев. Так, евреи составляли более 40% от всего личного состава 1-го и 2-го гомельских пролетарских батальонов. Все они приняли участие в боях с польскими войсками в ходе польско-советской войны 1919-1920 гг.[8]. В архивных документах, датируемых первой половиной 20-х гг. XX в., есть информация о том, что младшим милиционером III отделения был в тот период некто Ахмет-Кузин Ахмет-Го(и)рей, надо полагать, татарин. [9, л. 5].

Одной из основной задач, стоявших перед милицией, являлась борьба с преступностью. Газета «Полесская правда» сообщала, в Гомеле в течение 1921-1922 гг. было похищено имущества и денег на общую сумму 1.836.928.900 рублей. Работниками уголовного розыска было найдено около 63% украденного имущества на сумму 1.184.788.000 рублей. Из 95 «простых и вооруженных грабежей», совершённых в 1921–1922 гг., милиция раскрыла 74; из 49 случаев подлогов и вымогательств – 30. Милиция задержала банду «Руки на стенку», состоявшую из 12 человек и совершившую 6 дерзких грабежей в Гомеле. Кроме того, были задержаны три банды «кукольников», три группы малолетних воров-гастролёров, а также группа малолетних преступников. Во главе последней стоял десятилетний мальчик по имени Фрол, совершивший 50 домашних краж [10].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Динамику совершённых и раскрытых преступлений в Гомеле в последующие годы отражают сохранившиеся милицейские сводки. Так, в период с 1 января 1923 г. по 1 января 1924 г. в городе было зафиксировано 2 преступления, связанных с убийством и покушением на убийство, из которых было раскрыто 1 преступление. Из 31 «вооруженного грабежа» было раскрыто 22; из 13 «крупных краж» раскрыто 7, из 17 «мелких» – 9; из 100 случаев конокрадства – 87. Было зафиксировано также 33 факта изготовления суррогатов спирта, 6 – торговли суррогатами спирта, 156 фактов нарушений обязательных постановлений советских властей. В числе прочих милиция задержала 3 человека, уличенных в карманных кражах [11, л. 47]. В рассматриваемое время советская милиция вела активную борьбу с самогоноварением («самогонокурением»). Так, в Гомеле в 1923 г. было конфисковано 12 самогонных аппаратов, 77 ведёр спирта. В ночь с 14 на 15 мая 1924 г. милиция провела проверку «подозрительных мест» в городе - пивных и ресторанов. Было произведено 44 обыска, в ходе которых найден самогон и 1 револьвер [6, л. 38].

Большим успехом в деятельности гомельской милиции стало разоблачение в августе 1925 г. афериста Тургуна Хасанова, выдававшего себя за тогдашнего председателя ЦИК Узбекской ССР Файзуллу Ходжаева. Заслуга в разоблачении преступника принадлежила лично Матвею Хавкину, возглавлявшему в то время милицию губернии [10].

В прессе в последние годы появился ряд публикаций, посвящённых этому громкому делу, что позволяет в основных чертах реконструировать ход событий [12; 13]. В августе 1925 г. 27-летний Тургун Хасанов прибыл в Гомель. Он пришёл к председателю Гомельского губернского исполкома Я.Г. Егорову, предъявил ему документы на имя председателя ЦИК Узбекской ССР Ф. Ходжаева и рассказал историю о том, что якобы он ехал в поезде, где воры украли у него все деньги и вещи. Злоумышленник попросил у главы Гомельской губернии 50 рублей на билет домой и несколько дней отдыха. Неожиданному гостю был предоставлен лучший номер в городской гостинице «Савой», а в его честь был устроен банкет.

Однако личность «Ходжаева» и рассказанная им история вызвала подозрение у главы милиции М. Хавкина. В силу того, что на документах, предъявленных гостем, фото отсутствовало, М. Хавкин разыскал фото всех руководителей союзных республик в журнале «Красная нива». После изучения снимков афера стала очевидной, а преступник был задержан. Реакция Т. Хасанова во время задержания и обыска была хладнокровной. Он всё отрицал, предлагал работникам милиции связаться с А. Червяковым, М. Калининым или И. Сталиным, чтобы те подтвердили правоту его слов. Однако при обыске у него была обнаружена справка об освобождении из тифлисской тюрьмы на имя Т. Хасанова. После задержания выяснилось, что на счету у преступника несколько десятков обманутых руководителей ряда крупных городов: Новороссийска, Ялты, Симферополя, Харькова, Полтавы и др. За неделю до своего приезда в Гомель Т. Хасанов побывал в Минске, где ему удалось встретиться с А. Червяковым, которому он рассказал ту же историю, что и впоследствии главе Гомельской губернии, и попросил одолжить 500 рублей. А. Червяков связался с узбекским представительством в Москве, а те оперативно прислали необходимую сумму [12].

На работников милиции могло возлагаться и выполнение довольно специфических задач. В те годы жители Гомеля, в нарушение запрета властей выпускали на улицы своих животных. По сообщению милиции, «по городу продолжают бродить лошади, коровы, свиньи и т.д., портя тротуары, мостовые, древесные насаждения, загрязняя почву и служа источником заразных болезней». В сентябре 1923 г. начальник милиции Прокофьев подписал приказ, согласно которому работники милиции должны были периодически обходить улицы города, ловить бродячих животных и направлять их на скотоприёмные дворы. Там их впоследствии могли забрать хозяева, которые получали административный штраф, а также должны были оплатить стоимость прокорма и охраны животных. Если же хозяева «мелкого скота» не находились в течение одной недели, а «крупного» – в течение двух, то животные, как «бесхозное имущество» поступали в распоряжение государственных органов [9, л. 21]. Наряду с громкими успехами в деятельности милиции случались и

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

трагические моменты. Так, в мае 1924 г. бандитами был убит начальник Гомельского губернского уголовного розыска Григорий (Гирш) Михайлович Михайловский, принимавший непосредственное участие в ликвидации всех наиболее крупных бандитских группировок на Гомельщине [10].

Успешная деятельность работников милиции поощрялась. Так, начальник III отделения В.Д. Румянцев «за долголетнюю и усердную работу» был награждён серебряными часами. Рабинович, помощник начальника II отделения милиции с той же формулировкой был награждён «часами нового золота». Агент Розыскного отдела Орлов «за энергичную, усердную и неутомимую работу» – сапогами. Ряд работников милиции поощрили отрезками сукна [14, л. 23–23об].

В ноябре 1923 г. в Гомеле праздновалась очередная годовщина образования милиции. 11 ноября в помещении Горсовета в 8 часов вечера состоялось торжественное заседание, посвящённое празднику милиции. Кульминацией празднования должен был стать парад на площади Труда, запланированный на 12 часов дня 12 ноября 1923 г. Участие в параде принимали строевые части милиции г. Гомеля, в том числе конный взвод резерва, работники управления и отделений. Они должны были пройти по площади «церемониальным маршем», принести «торжественные обещания». Предполагалось, что старшие и младшие милиционеры на параде будут вооружены винтовками, а «средний комсостав» – револьверами. В тот же день, в 7 часов вечера в городе для работников милиции был запланирован «семейный вечер-спайка с концертным отделением» [14, лл. 21–22об].

На празднование 7-й годовщины юбилея милиции властями было выделено 1408 рублей. Из этой суммы непосредственно на устройство вечера для работников милиции планировалось истратить 500 рублей, а остальная сумма должна была пойти на премии и награды отличившимся милиционерам [5, л. 35].

Не все работники милиции в тот период заслуживали поощрения, а в отношении некоторых из них могли применяться дисциплинарные меры. Так, в октябре 1923 г. был арестован младший милиционер II городского отделения Григорий Феодоров за «появление в нетрезвом виде при исполнении служебных обязанностей». Милиционер Губрезерва Кирей Марудин за недисциплинированность и отказ получать форменное обмундирование получил 5 суток ареста. Феодосий Хорунжий был арестован за драку при исполнении служебных обязанностей [14, лл.2, 13об]. В апреле 1926 г. житель г. Гомеля некто Либман обратился с жалобой на грубое обращение с ним со стороны дежурного I отделения милиции Парвенкова. Руководством милиции проводилось расследование, в результате которого был сделан вывод о том, что факта «грубого обращения» со стороны дежурного милиционера не было [15, л. 88].

Некоторые работники милиции даже могли быть замешаны в совершении преступлений. Так, в апреле 1923 г. помощник начальника III отделения Гомельской городской милиции Соболев был обвинён «во взяточничестве посредством вымогательства и покушения на изнасилование» и отстранён от своей должности до суда [16, л. 74].

Источники и литература

1. История Гомельской милиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.uvd.gomel.by/Istoriia/Iatoriia_Gomelskoi_militsii.html.

2. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Гомеля. У 2 кн. Кн. 1-я. – Мінск, БЕЛТА, 1998. – 608 с.

3. Вишневский, А.Ф. История милиции Беларуси (1917–1994 гг.) : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.И. Ильинский, И.А. Сороковик. – Минск: Академия МВД РБ, 1995. – 208 с.

4. Сведения о сети и дислокации частей милиции губернии в 1924 г. // Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 256.

5. Приказ по губадмотделу и губисполкома, 1923-1924 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 100.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

6. Доклады начальников уездных милиций и розыска, переписка о борьбе с бандитизмом и преступностью, январь-сентябрь 1924 г. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 255.
7. Отчёты о работе губернской и уездной милиций за 1923-1924 гг. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 18.
8. Гершанок, В. Евреи Гомеля в годы гражданской войны [Электронный ресурс] / В. Гершанок, В. Райский. – Режим доступа: http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx020107.html
9. Приказы по управлению милиции и уголовного розыска г. Гомеля, губернии и губадмотделу // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 25.
10. Гершанок, В. Евреи Гомеля в период НЭПа [Электронный ресурс] / В. Гершанок, В. Райский. – Режим доступа: http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx030107.html
11. Месячные сведения о работе милиций губернии и количестве оружия, изъятого у населения // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 105.
12. Павлов, А. Гомельский след Остапа Ибрагимовича [Электронный ресурс] / А. Павлов. – Режим доступа: http://tv.sb.by/obshchestvo/article/gomelskiy-sled-ostapa-ibragimovicha.html
13. Курков, И. Многоликий Остап [Электронный ресурс] / И. Курков, С. Крапивин. – Режим доступа: http://trud-archive.ru/?news=595
14. Приказы по управлению губмилиции и губадмотделу, 1923 г. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 24.
15. Планы проведения демонстраций и первомайских торжеств в г. Гомеле, март-октябрь 1926 г. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 726.
16. Квартальные ведомости о должностных нарушениях работниками милиции, 1923 г. // ГАГО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 15

Siarhiei Vieramieyeu. Police of Homel in 1917-1926. In this article considered the process of creating and activities of the militia in Gomel during 1917-1926 years. Provides data on the structure , the number and the social composition of the city militia. Specifies the number of committed and crimes solved. Provides a detailed description of the high-profile case in 1925 T. Khasanov. Illuminated celebration militia day in 1923.

УДК 94(476) (1921/1941)

Д.Н. Понуждаев
Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ СОСТАВ МИЛИЦИИ БЕЛАРУСИ В 1920–1930-е ГОДЫ

В статье проводится анализ национального и социально-классового состава органов милиции Беларуси в 1920-1930-е годы. Отмечается, что национальный состав милиции Беларуси был многообразен, в социально-классовой структуре преобладали представители рабочего класса и крестьяне. На национальном и социально-классовом составе сказывались многие процессы, в том числе и происходившие социально-экономические преобразования.

Анализ нормативных правовых документов, регламентирующих порядок прохождения службы в рабоче-крестьянской милиции в 1920-1930-е годы, показывает, что ограничений для поступающих на службу по национальному признаку не было. Возможность проходить службу в рядах белорусской милиции была предоставлена каждому гражданину страны Советов, соответствующему ряду других критериев (достижение определенного возраста,

преданность Советской власти и др.). В Положении о службе советской рабоче-крестьянской милиции БССР, принятом ЦИК и СНК БССР 7 августа 1926 года, указывалось, что «Работнікам міліцыі можа быць кожны грамадзянін, які мае выбіральныя правы паводле Костытуцыі БССР і іншых Савецкіх Рэспублік…». Практически аналогичное требование содержалось и в Положении о рабоче-крестьянской милиции и уголовном розыске БССР, которое было утверждено ЦИК и СНК БССР 27 февраля 1930 года. Никаких ограничений по национальному признаку не было и в общесоюзном Положении о рабоче-крестьянской милиции, утвержденном 25 мая 1931 года постановлением СНК СССР, после ликвидации в декабре 1930 года народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик, а также в Положении 1936 года [1, с. 71, 94 - 122].

В советский период вопрос о национальной принадлежности сотрудников милиции практически не освещался и не являлся объектом пристального внимания исследователей истории органов внутренних дел. Это характерно не только для историографии Беларуси. Национальная политика, национальные проблемы в условиях осуществления политики белорусизации с середины 1930-х годов и до перестроечного периода учеными не исследовались. Нами предпринята попытка восстановить данный пробел в отечественной историографии на примере динамики этносоциального состава милиции БССР.

Существовавшая в первые годы Советской власти практика комплектования и расстановки кадров в органах милиции (мобилизация, выборность, выдвиженчество и т.д.) преследовала основную цель– сформировать в короткие сроки вооруженный правоохранительный отряд пролетариата, способный защищать новую власть, обеспечить спокойствие в обществе и противостоять преступности. Основополагающим критерием к принимаемым на службу была преданность Советской власти, а принцип подбора кадров вытекал из самого названия правоохранительного органа – приоритет рабочим и крестьянам.

О том, что вопрос национальности сотрудника милиции в начале 20-х годов не был важен, свидетельствуют факты отсутствия в некоторых органах милиции в анкетах сотрудников и именных списках личного состава этой графы. Гораздо важней в то время была классовая и партийная принадлежность, род занятий до революции и в период борьбы за победу Советской власти. Поэтому совершенно не удивительно, что в это время в Могилевской городской милиции в начале 20-х годов проходили службу сотрудники предположительно китайцы Сем-Хай-Лян, Чиса-Цопин и Хин-Яций-Дун [2, с. 25].

Данные о национальном составе рядов милиции постепенно начинают находить свое отражение в некоторых отчетных документах, что, вероятно, связано с созданием во второй половине 1921 года политсекретариата при Главном управлении милиции Белорусской ССР. В частности, данные о национальности сотрудников содержались в бланках таблиц о политико-просветительной работе по Игуменской, Слуцкой, Мозырской, Минской городской и уездной милициям за ноябрь-декабрь 1921 года. В предлагаемом перечне национальностей значились русские, украинцы, немцы, евреи, татары, латыши и поляки, однако по неизвестной причине графа «белорусы» отсутствовала. Только в одном отчете в пустой колонке было указано количество «белоруссов». Согласно этим отчетам в различных регионах процент преобладания тех или иных национальностей был разным. В Минской городской милиции большинство, как в целом и в других вышеуказанных управлениях, составляли русские (64,9%), вторыми по наибольшему количеству были евреи (27,1%), третьими – поляки (5,6%). Остальная часть была представлена украинцами, немцами и татарами (всего 2,3%). В Минской уездной милиции 81% были русскими, второе и третье места по наибольшему количеству были за немцами (6,5%) и евреями (5,9%). Только один сотрудник был латышом и трое украинцами. В Мозырской милиции, при том же численном превосходстве русских (77,4%), следующими по наибольшему процентному соотношению были татары (13,4%) и евреи (9,2%). В Игуменской милиции наряду с русскими, процент которых составлял 73,6%, преобладали поляки (21,5%), а количество сотрудников других

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

национальностей (украинцев, евреев, татар и латышей) было незначительным и составляло от 1 до 4-х человек [3].

Можно предполагать, что причиной отсутствия в отчетах графы о принадлежности сотрудников к белорусской национальности являлось относительно непродолжительное время существования Белорусской ССР, понимание сотрудниками политотделов, заполнявших отчеты, того, что русские и белорусы – это представители одной нации, придерживающейся одной и той же формы вероисповедания. Об этом может свидетельствовать сохранившийся анкетный лист сотрудника одного из политотделов резерва милиции Рубанца А.А., в котором последний в графе национальность идентифицировал себя как «православный».

Наличие значительного количества русских в 1920-е годы обусловлено не только преобладанием этой национальности по географической близости территории РСФСР, но и потому что в начале 1920-х годов Россия оказывала значительную помощь республике в выделении милиционеров для борьбы с преступностью, вооруженным сопротивлением и интервенцией, а также в части укрепления партийной прослойки в органах милиции. В январе 1921 года из России было направлено 624 милиционера для несения службы в нейтральной полосе. Только в Мозырь «с целью повышения деловых качеств сотрудников милиции» было направлено 163 милиционера из Тульской, Пензенской и Рязанской губерний. К концу 1921 года их осталось 15, а в апреле 1922 года, в соответствии с приказом Главного управления милиции БССР, из-за отсутствия денежных средств личный состав полурот был передан в распоряжение военных комиссариатов [4, с. 55-56]. Известно, что в нейтральную полосу в начале 1921 года были командированы сотрудники милиции из Орловской, Череповецкой, Новгородской, Ярославской и Владимирской губерний [5]. Не исключено, что определенная их часть после расформирования пополнила ряды милиции БССР.

С началом политики белорусизации начинают появляться работы, в которых отражается национальный состав органов милиции республики. В статье Е.М. Кроля, опубликованной на страницах «Административного вестника» (печатного органа НКВД РСФСР) в 1925 году, указывается, что в органах милиции белорусы составляли 64,1% и русские 20%. Прочие национальности составляли остальные 15,9% [6, с. 66]. Какие именно национальности представляли оставшиеся сотрудники под формулировкой «прочие» в статье не указывалось. В «Кароткам нарысе гісторыі міліцыі Беларусі», изданном к 10-летию белорусской милиции, содержатся данные о том, что на 01.04.1923 г. белорусы в органах милиции составляли 73,5%, на 01.08.1924 г. – 67,6%, на 01.12.1924 г. - 64,1%, на 01.01.1925 - 63,4% и на 01.01.1926 г. - 73,1% [7, с. 66, 106, 108]. Уменьшение количества белорусов, вероятно, произошло из-за проведенных в 1924 году двух укрупнений территории БССР.

Исследователями советского периода допускалось преувеличение количества титульных наций в рядах не только партийных и государственных органах республик СССР, но и милиции. Так, в двухтомнике «Истории советской милиции» под редакцией Н.А. Щелокова отмечалось, что к концу 1925 года личный состав милиции Белоруссии на 80% состоял из белорусов [8, с. 190-191]. Однако, как видно из вышеприведенных сведений это не соответствует действительности.

Известно, что компартия и Советское правительство после X-го (март 1921 года) и XII-го съездов РКП(б) СССР (апрель 1923 года) проводили политику так называемой «коренизации». Основным смыслом этой политики являлось то, что во главе органов власти в национальных районах должны стоять местные работники, знающие язык и обычаи коренного населения. Отмечалось, что этот процесс коснулся и РКМ. Практикуемая же в то время переброска руководящих кадров милиции из одного региона в другой, назначение начальниками органов милиции уроженцев других регионов не могли способствовать «коренизации». Из числа начальников окружных милиций БССР в 1927 году уроженцами тех регионов, где они являлись руководителями, можно лишь в какой-то мере отнести только двух человек (Антонов П.Н., Портнов С.П.) из восьми [7, с. 109-112].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Проследить дальнейшую динамику изменения национального состава милиции в 1930-е годы сложно по причине больших трудностей выявления статистических данных в архивах. Однако имеющаяся источниковая база дает основания предполагать, что национальный состав не во всех территориальных органах милиции был одинаков. Постепенно процент лиц еврейской национальности в милиции начинает уменьшаться. Накануне Великой Отечественной войны подавляющее большинство начальствующего, младшего, рядового, технического и обслуживающего персонала УНКВД Могилевской области (без данных по г. Могилеву) были белорусами, русские составляли 5,9%, евреи – 3,7% (наибольшее количество было в Бобруйске) и украинцы – 2%. Представители этих и других национальностей составляли 12,1% всего личного состава [9]. Ряд сотрудников еврейской национальности были на руководящих должностях в управлении милиции области.

Анализируя социально-классовый состав милиции, следует отметить, что его характеристика в рассматриваемый период несколько больше освещена в работах по истории милиции, но в архивных документах и трудах исследователей имеются сведения в основном по двум социальным группам – рабочим и крестьянам. Изредка находит отражение численность выходцев из служащих, но чаще указывается графа «прочие».

Сравнительный анализ сведений о классовом составе органов милиции, имеющихся в «Кароткам нарысе гісторыі міліцыі Беларусі» [7, с. 66, 106, 108] и монографии А.Ф. Вишневского «Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917-1940 гг.: историко-правовые аспекты» [10, с. 93] показывает, что существенных отличий в них не имеется (в пределах 2%), за исключением количества крестьян и рабочих в 1925-1926 годах (расхождения составляют 7,4% и 3,6% соответственно).

Таким образом, можно констатировать о преобладании на протяжении 1920-1930-х годов в органах милиции крестьян. На пропорциональное соотношение рабочих и крестьян практически не оказали влияние произошедшие на протяжении 1924 года укрупнения территории БССР (в сравнении с данными апреля 1923 года и декабрем 1924 года процент крестьян уменьшился только на 3,4% и рабочих увеличился на 2,2%). Увеличение на протяжении 1930-х годов среди милиционеров выходцев из рабочих (примерно на 2%), нельзя назвать успехом «орабочивания», которое в этот период проводилось в органах НКВД. Принципиальными позициями этой политики было требование о повышении в составе милиции и уголовного розыска в городах удельного веса рабочих, а в сельской местности – батраков и бедняков. Как и в РСФСР в БССР эта задача была выполнена лишь частично, так как спрос на рабочих испытывали и другие государственные структуры [8, с. 287]. В 1925 году процент крестьян был выше среди младших милиционеров (до 70%), рабочих – на начальствующих должностях (22%) [11]. Значительно «окрестияненной» была гомельская ведомственная милиция, в которой крестьяне составляли 91% [12].

Не случайным, на наш взгляд, выглядит практически аналогичное процентное соотношение белорусов и крестьян в середине 1920-х годов, о чем наглядно свидетельствует нижеприведенная таблица [7, с.106, 108]:

	01.12.1924	01.01.1925	01.01.1926
крестьяне	64,9%	63,1%	72,4%
белорусы	64,1%	63,4%	73,1%

Следует предположить, что с постепенным развертыванием колхозного строительства ряды милиции с одной стороны начинают пополняться крестьянами, проживающими в городах и городских поселках, но и с другой стороны лицами, опасающимися грядущих изменений в системе хозяйствования в сельской местности. Тем более, что на волне постепенно свертывающегося нэпа, материальное обеспечение милиции несколько улучшается. Особенно на увеличение доли крестьян, но уже колхозников, в органах милиции сказалась коллективизация, вступившая с 1929 года в активную фазу.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Данный вывод подтверждают тенденции в социально-классовом составе милиции в 1929-1930 годах. Если в промышленной милиции республики в 1929 году (сотрудники данной милиции осуществляли охрану общественного порядка и имущества на территории государственных, общественных и частных предприятий) крестьяне составляли 69,6%, то в 1930 году представителей этой социальной группы уже насчитывалось 77,7% [13]. По итогам чистки рядов парторганизаций рабоче-крестьянской милиции БССР в 1933 году крестьяне-единоличники в числе «вычищенных» составили 37,5%. В числе исключенных из партии опять же лидировали лица, поступившие на службу в 1929-1930 годах (28%) [14].

В категорию «прочих» входили все, кто не принадлежал к классу рабочих и крестьян. В связи с отсутствием в архивных источниках систематизированной их классификации, сделать подробный анализ лиц, входящих в данную категорию, на сегодняшний день не представляется возможным и требует кропотливой работы по обработке сохранившихся именных списков сотрудников и их личных дел. Однозначно к числу прочих будут относиться, в частности, и бывшие военные специалисты. А.Ф. Вишневский указывал, что таких специалистов в рядах милиции в 1920-е годы работало значительное количество [10, с. 89]. В январе 1924 года в Могилевской уездно-городской милиции проходило службу 13 бывших офицеров царской армии, в том числе 2 были начальниками волостных милиций [15].

Таким образом, национальный состав милиции Беларуси, особенно в начале 20-х гг. XX века, был многообразен. В указанный период белорусы преобладали в национальном составе милиции, но в отдельных управлениях было достаточное количество лиц русской, еврейской, польской и татарской национальности. В 1920-1930-е годы значительная часть милиционеров являлась представителями рабочего класса (в пределах 20-26%) и выходцами из крестьян (в пределах 63-72%). На изменения в национальном и социально-классовом составе работников милиции существенное влияние оказали социально-экономические преобразования в БССР и трансформация советской национальной политики.

Источники и литература

1. Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917-2007) / сост. К.И. Барвинок [и др.] ; под ред. канд. ист. наук, доц. К.И. Барвинка, д-ра ист. наук, проф. А.Ф. Вишневского ; авт. ист. очерка К.И. Барвинок, А.Ф. Вишневский. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.

2. Могилевская милиция: 85 лет на страже правопорядка и законности / авт.-сост. Г.Н. Писняк [и др.] ; под общ. ред. И.С. Сергея. – Могилев : Могилев. обл. укруп. тип., 2003. – 426 с.

3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. – 15, 45, 51, 54.

4. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917-1987 / В.Н. Савичев [и др.] ; под ред. В.А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.

5. НАРБ.– Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 214. – Л. – 15, 15 об.

6. Кроль, Е.М. Милиция Белорусской СС Республики / Е.М. Кроль // Административный вестник. – 1925 г. – №4. – С. 65-67.

7. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі (1917– 1927 гг.) / Крэйнін [і інш.]. – Менск : Галоўлітбел, 1927. – 228 с.

8. История советской милиции: советская милиция в период строительства социализма : в 2 т. / С.М. Крылов, А.П. Косицын [и др.]; под ред. Н.А. Щелокова. - Москва, 1977. – т.1. – 346 с.

9. Архив УВД Могилевского облисполкома .- Фонд. – 13. Оп. – 1/6. Л. – 39-51.

10. Вишневский, А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917-1940 гг.: историко–правовые аспекты. / А.Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.

11. НАРБ.– Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 476. – Л. – 111 об.

12. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).– Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 804. – Л. – 161.

13. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 5074. – Л. – 98.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

14. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМгО).– Ф. 45. – Оп. 1а. – Д. 220. – Л. – 14.
15. ГАООМгО.– Ф. 6622. – Оп. 1. – Д. 338. – Л. – 21.

Dzmitry Panuzhdayeu. National and social class composition of the militia in Belarus in the 1920-1930 years. The article analyzes the national and social class composition of the militia in Belarus in the 1920-1930 years. Notes that the ethnic composition was diverse militia of Belarus, in the social-class structure dominated by representatives of the working class and peasants. National and social composition of the class affected many processes, including the social and economic transformation.

УДК 94(976) «1919-1920»

А.Г. Трубчык
Беларускі дзяржаўны аграрны
тэхнічны універсітэт

ДЗЕЙНАСЦЬ ТАВАРЫСТВА СТРАЖЫ КРЭСОВАЙ У ГАЛІНЕ КУЛЬТУРЫ І АСВЕТЫ НА БЕЛАРУСКАЙ ТЭРЫТОРЫІ ГРАМАДЗЯНСКАГА ЎПРАЎЛЕННЯ ЎСХОДНІХ ЗЯМЕЛЬ У 1919–1920 ГАДАХ

Дадзены артыкул прысвечаны вывучэнню культурна-асветніцкай дзейнасці Таварыства Стражы Крэсовай на беларускай тэрыторыі ў час польскай акупацыі 1919-1920 гг. Вызначаны асноўныя накірункі і мэты працы, паказаны адносіны інструктараў Стражы Крэсовай з чыноўнікамі Грамадзянскага ўпраўлення ўсходніх зямель, а таксама тэрытарыяльныя асаблівасці дзейнасці арганізацыі.

Гісторыя беларускага нацыянальнага руха насычана рознымі парадоксамі, якія яшчэ чакаюць на сваіх даследчыкаў. Адным з іх з'яўляецца другое па ліку абвяшчэнне… Беларускай народнай рэспублікі, якое адбылося восенню 1920 г.! Сам па сабе гэты факт вельмі цікавы, тым больш, калі ўзгадаць, што напярэдадні прайшла своеасаблівая "перазагрузка" беларускага дзяржаўнага праекта ў савецкам варыянце. Ці выпадкавае гэта супадзенне? Навошта генералу С. Балаховічу спатрэбілася, фактычна, стварэнне новай дзяржавы? Каб паспрабаваць хаця б часткова наблізіцца да адказу на гэтыя пытанні, патрэбна больш уважліва прыглядзецца да арганізацыі, якая беспасрэдна прычынілася да гэтых падзей...

У сучаснай гістарыяграфіі стварэнне і дзейнасць Беларускага палітычнага камітэта, на першы погляд, прадстаўленны дастаткова падрабязна. Праблема, аднак, у тым, што сама арганізацыя, худчэй, не з'яўлялася самастойным аб'ектам даследвання, а разглядалася ў больш шырокім кантэксце: нацыянальнага руха, беларускай вайсковай справы ці, уласна, дзейнасці С. Балаховіча [12–15; 17]. Такой падыход дазволіў назапашыць вялікую колькасць фактаграфічных звестак, але непазбежна перавеў самое пытанне ў другаснае рэчышча.

Не выклікае сумневу, што да стварэння Беларускага палітычнага камітэта прывяло падпісанне прэлімінарнага польска-савецкага міра 12 кастрычніка 1920 года. І. Коўкель, нават, сцвярджае, што менавіта гэтага самага дня камітэт заключыў дагавор з генералам С. Балаховічам. Асобнае пагадненне, акрамя таго, было заключана з Савінкавым [13, С. 440]. Гэта б азначала, што на момант падпісання польска-савецкам перамір'я, камітэт павінен быў ужо існаваць. Гісторык А. Латышенок выказвае думку, быццам камітэт паўстаў *ad hoc* – наўмысна, як "шыльда для рыхтаванай Пілсудзкім акцыі", пры гэтым, мы нават не ў стане вызначыць дакладную дату калі гэта адбылося [15, С. 146].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Насамрэч, як заўважыў той жа А. Латышенак, у камунікаце Беларускага палітычнага камітэта ідзе гаворка толькі пра ліст, адпраўленны генералу Балаховічу, і не падаецца дата заключэння пагаднення з Б. Савінкавым [15, С. 145–146]. Да таго ж, сам камунікат з'віўся ўжо ў канцы кастрычніка 1920 года. Зусім верагодна, што на момант падпісання прэлімінарнага міра, самой арганізацыі яшчэ не было, як, уласна, не існавала і дакладнага плана будучай вайсковай акцыі.

Іншая справа, што Беларускі палітычны камітэт паўстаў не на пустым месцы. Яшчэ 5 чэрвеня 1920 года, напярэдадні савецкай кампаніі, П. Аляксюк стварае аргкамітэт Беларускай рэспубліканскай сувязі, які выступіў за аднаўленне беларускай дзяржавы з апорай на дэмакратычную Польшчу ў межах ВКЛ [10, Т. 1, С. 755]. Нажаль, у дадзеным выпадку мы не маем дакладных звестак пра палітычнае заплечча ды канкрэтныя планы Сувязі. Аднак, у нейкім сэнсе, арганізацыйна ды, нават, ідэалагічна, яна сталася папярэднікам Беларускага палітычнага камітэта.

Летам ды на пачатак восені, у сувязі з савецкім наступленнем на Варшаву і пазнейшай катастрофай Чырвонай арміі, беларускія дзеячы апынуліся па розныя бакі фронта. На кароткі час беларускі нацыянальны рух канчаткова страціў арганізацыйнае ды ідэалагічнае адзінства, а створаныя да гэтага інстытуты фактычна перасталі існаваць. У гэтых абставінах, ініцыятыва пераходзіць да тых палітыкаў, хто знаходзіўся бліжэй да кіраўнікоў ваюючых дзяржаў. Як падаецца, рашучую ролю ў далейшых падзеях адыгралі даўнія сувязі П. Аляксюка з камісарам Мінскай акругі. Будучы ва эвакуацыі ў Торуне, В. Рачкевіч дакладаў Ю. Пілсудскаму, што да яго звярнуўся беларускі дзеяч П. Аляксюк "у справе магчымасці арганізавання асобных беларускіх частак з палонных беларусаў" звязаны з урадам А. Луцкевіча" [*sic. – аўтар*], [9, S. 254].

П. Аляксюк тлумачыў заснаванне камітэта неабходнасцью супрацьстаяць палітычным памкненням Б. Савінкава: "…У выпадку паходу праз Беларусь трэба было колечы прыняць цывільную ўладу, і я прыняў яе ад генерала Балаховіча як глаўнакамандуючага" [16, Ст. 26–27]. Падобна пазней апісваў падзеі Я. Лявіцкі (Ядвігін Ш.): "…Трэба было ісьці і рабіць сваю работу" [18]. Іншай была версія падзей Л. Дубейкаўскага. "Да мяне звярнуўся Савінкаў. – Узгадваў старшыня Варшавскага ,еларускага нацыянальнага камітэта. – Я Савінкаву сказаў, што вы прызнаецце Беларусь дэ-факта і дэ-юра, аб чым абмяняемся актамі, копію з якіх пашлем Антанце. Ён не згадзіўся на гэта... Савінкаў выехаў да Пінску, і хутка з'явіўся Палітычны Камітэт з Аляксюком на чале…" [16, Ст. 28]. Тое, што новапаўсталая беларуская ўстанова па сваей назве з'яўлялася калькаю рускага палітычнага камітэта, ускосна сведчыць як пра намаганне надаць ёй легітымную форму беларускага прадстаўніцтва, дык і жаданне выказаць сабе, як раўнавартаснага партнера.

Ня меньш складана вызначыць асабісты склад Беларускага палітычнага камітэта. Першапачтакова ў якасці кіраўніцтва новай арганізацыі ўзгадваліся В. Адамовіч-старэйшы, які займаў пасаду старшыні, Ю. Сянкевіч ды, уласна, П. Аляксюк. Прычым, гэтыя апошнія два выступалі, адначасова, як сябры Рады БНР. Праўда, Ю. Сянкевіч у беларускам руху постаць амаль не вядомая. Што ж да В. Адамовіча-старэйшага, дык паводле некаторых звестак, ён яшчэ падчас панавання савецкай улады рыхтаваў у Гродна паўстанне супраць бальшавікоў, але "падзеі адбываліся занадта хутка" і ад спробы ўзброенага выступлення прыйшлося адмовіцца.

Фактычна ж кіраўніком арганізацыі з'яўляўся П. Аляксюк. Акрамя таго, сябрам Беларускага камітэта была ягоная сястра – Яўгенія Аляксючанка, якая разам з Я. Лявіцкім адной з першых выехала з Варшавы ў Пінск, каб дзейнічаць на месцы [18]. Магчыма, ужо пазней, да камітэта далучыліся Р. Астроўскі, які ўвайшоў у склад урада, В. Адамовіч-сын, Я. Міткевіч, А. Лявіцкі, Р. Зямкевіч ды нейкі палкоўнік Бялаеў [7]. Акрамя таго, ад імя камітэта дзейнічала шэраг агітатараў, якія выехалі ў Гродна, Слуцку ды іншыя месца.

Наколькі легка было далучыцца да новай арганізацыі, сведчыць апавед Я. Лявіцкага пра нейкага "сваяка гэнэрала Балаховіча — беларуса з Навагрудчыны", з якім той

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

пазнаеміўся ў цягніку з Варшавы да Пінска: “Даведаўшыся хто мы такіе, ён зразу нам заявіў, што гатоў перайсьці ў Палітычны Беларускі Камітэт, бо праца ў нацыянальным напрамку яму болей знаная і блізкая, чым ваеншчына. Так яно пасьля і сталося: працавалі разам” [18].

Фактычна, упершыню новая арганізацыя публічна абвесціла аб сабе ў лісце да генерала С. Балаховіча, фармальна датаваным 12 кастрычніка 1920 г. "Будучы глыбока перакананымі, – Гаварылася ў ім, – што армія пана генерала, у складзе якой ёсць вялікая колькасць беларусаў, можа прынесці нашаму краю сапраўдную свабоду і магчымасць стварэння сваёй дзяржаўнасці, прыступаем да супрацоўніцтва з панам і моцна верым, што наша супрацоўніцтва прывядзе да вызвалення беларускага народа" [13].

25 кастрычніка 1920 г. Беларускі палітычны камітэт зрабіў чарговую заяву, якая была часткай сваеасаблівай палітычнай камбінацыі. Камітэт звярнуўся да Б. Савінкава і генерала С. Балаховіча з просьбай аказаць яму дапамогу ў вызваленні Беларусі ад "узурпатараў-бальшавікоў". С.Булак-Балаховіч у адказ на гэта выступіў з заявай на імя Пілсудскага, што прымае просьбу і пачынае барацьбу за “самастойную дэмакратычную Беларусь”. Трэцюю заяву зрабілі разам Б. Савінкаў і С. Балаховіч. Яна была адрасавана Пілсудскаму і генералу Урангелю. У ёй абвяшчалася аб тым, што “руская народная дабраахвотніцкая армія, якая змагаецца за свабоду ўсіх народаў ды за мір па ўсім міры, атрымаўшы заклік аб дапамозе ад прадстаўнікоў свабоднага беларускага народа”, перайшла мяжу, вызначыную ўмовамі польска-савецкага прэлімінарнага міра [8; 13].

Цікава, што савецкі бок чакаў на нешта падобнае. Яшчэ за месяц да пачатку баявых дзеянняў, К. Радэк пісаў: “…Рубака Булак-Балаховіч, у якасці беларускага партызана, падтрыманы сярэднялітоўскім партызанам Жэлігоўскім, выйдзе на сцэну як прадстаўнік прызнанай праз савецкі ўрад незалежнай Беларускай Рэспублікі. Польшча не будзе вясці вайны з Савецкай расіяй, адбудзецца толькі змена савецкай фармы кіравання на балахоўска-дэмакратычную…”. Праўда, сам жа К. Радэк знаходзіў гэты план у дадзеных абставінах “неваканальным” [11, Ч. 2, Ст. 201–202].

6 лістапада 1920 г. армія С. Балаховіча перайшла ў наступ. “*Генерал! Вождь Беларусі!* – Гэтымі словамі вітаў свайго палітычнага хаўрусніка пад час сімвалічнай перадачы ўлады ў Тураве П. Аляксюк. – …Ідзі смела ўперад, удрузі беларускіе штандары над гарыстым Смаленскам, нізінамі Вітэбску і бурным Дняпром Магілёўскім… Ідзі: за Табой і з Табой увесь беларускі сялянскі народ …” [6]. Фактычна, галоўным напрамкам дзейнасці Беларускага палітычнага камітэта сталася вядзенне агітацыі. З гэтай мэтай выдвалася, нават, газета “Звястун”. Камітэт звярнуліся з адозвай “Да жыхароў края” [1. Str. 8]. Іншая адозва да яўрэйскага насельніцтва заклікала да агульнай працы ў імя Беларусі і абяцала прыцягнуць да адказнасці ўсіх адказных за эксцесы [1, Str. 9]. На працягу наступнага тыдня Беларускі палітычны камітэт спрабуе стварыць падставы мясцова адміністрацыі [1, Str. 10–13]. Аднак, як адзначае той жа А. Латышонак, дзеячам камітэта “не ўдалося здабыць падтрымку мясцовага насельніцтва, хоць папярэдне высланыя дзеячы і агітатары спрабавалі хутка стварыць палітычную арганізаццыю” [15, С. 153].

Кульмінацыйны момант прыходзіцца на 16 лістапада 1920 г., калі ў Мазыры Беларускі палітычны камітэт абвесціў генерала С. Балаховіча Начальнікам Беларускай дзяржавы. У сваю чаргу, генерал выступіў з заявай аб непрызнанні існуючых органаў БНР і пракламаваў стварэнне новага ўрада на чале з В. Адамовічам-старэйшым (П. Аляксюк заняў пасаду віцэ-прэм’ера ды міністра замежных спраў). Новы урад выдаў, худчэй за ўсе, загадзя падрыхтаваны маніфест. Ягоныя галоўныя пастулаты звадзіліся да барацьбы за незалежнасць Беларусі, скліканне ўстаноўчага сходу ды стварэнне беларускай дзяржаўнасці ў цесным саюзе з Польшчай і пры апоры на краіны Антанты. Адначасова Беларускі палітычны камітэт меўся падпісаць новую дамову з Б. Савінкавым, якая фактычна рабіла С. Балаховіча незалежным ад рускага палітычнага камітэта [15, С. 158–159].

Спробу Палітычнага камітэта фактычна ўзурпіраваць ролю беларускага ўрада, сам П. Аляксюк быў схільны разглядаць выключна, як вынік ўнутрыніх супярэчнасцяў.

“З пашырэннем справы і патрэбнасці змагання з Савінкавым, – Тлумачыў ён на Пражскай канферэнцыі, – прыйшлося аб’явіць Балаховіча начальнікам дзяржавы, якому даручана прызнаць часовы Беларускі Ўрад. Савінкаў ашуканствам павёў далей справу, а таму, пасля канфедыцыяльных умоў, аб’явілі так званы Мазырскі ўрад... Гэты урад заключыў Саюз (Сувязь) з Польшчай…” [16, С. 26–27].

Беларускія ўстановы сустрэлі новы ўрад варожа. У сваім бюлетне адносна дзейнасці генерала С. Балаховіча Найвышэйшая Рада заявіла, што ягоныя выступленні пад беларускім сцягам “…вядуцца ім на асабісты сстрах і адказнасць” [4, L. 15]. К. Цярэшчанка пазней узгадваў: “…У гэты час ў Варшаве з беларускіх работнікаў былі Смоліч, Дубейкоўскі і Жаўрыд. Яны няўстанна пратэставалі супраціў Палітычнага Камітэту. …Патроху Бельведор стаў пераконывацца, што з Алексюком далека не паедзеш. Быў відна знова зроблен націск на Савінкава і Балаховіча, бо яны сталі ізноў шукаць зьвязку з беларускімі коламі...” [5, Арк. 48 зв.-49].

Фінал чарговай палітычнай авантуры атрымаўся даволі драматычным і амаль не каштаваў яе арганізатару жыцця [10, Т. 2, Стр. 1355]. Праўда, паражэнне арміі С. Балаховіча не адразу прывяло да ліквідацыі камітэта. 3 лютага 1921 г. адбываецца сустрэча прадстаўнікоў Беларускага палітычнага камітэта П. Аляксюка і В. Адамовіча з Б. Тарашкевічам і А. Уласавым, якія прадстаўлялі частку Найвышэйшай Рады. На ёй, між іншым, Б. Тарашкевіч выказаў ідэю аб “неабходнасці аб’яднання ўсіх накірункаў беларускай палітычнай думкі пад кіраўніцтвам Найвышэйшай Рады” з тым, каб стварыц новы ўрад [3]. Больш таго. Паводле справаздачы кіраўніка гродзенскага акруговага Таварыства стражы крэсовай П. Аляксюка, нават, планавалі прызначыць на пасаду… прэзідэнта Рэчы Паспалітай Беларусь [2, S. 7].

Паводле У. Пігулеўскага, яшчэ прынамсі вясной 1921 г. П. Алексюк быў фактычным кіраўніком камітэта [10, Т. 2, Стр. 1074]. Толькі ў сакавіку 1921 г. прэзідыўм Рады БНР выступіў з патрабаваннем, каб палітычный камітэт, які “быў вынікам разладу і шкоднай працы паленафільскай групы”, разам з Найвышэйшай Радай, “зараз-жа павінны злажыць свае паўнамоцтва і пайсці на супольную працу з Урадам” [4, Lap. 1–3].

“…Патроху стаў развалівацца Палітычны Камітэт, частка якога апынулася на Віленскім бруку. – Пісаў К. Цяэшчанка. – Прыехаў ў Вільню і Аляксюк. Прыпадкова я даведаўся, што ен вядзе кой з кім з беларусаў перагаворы аб ўмацаваньні Палітычнага Камітэту. Пры гэтым гаварылась, што Балаховіч, хоць мае дрэннае імя, але яго падтрымліваюць французы і што ім кідацца ня трэба. Але імя Аляксюка прымусіла устрымацца ад новай авантуры. Палітычны Камітэт такім чынам памер не знайшоўшы прыхільнікаў. Застаўшыся ў Вільні Аляксюк распачаў тварыць новую арганізацыю т. званую «Еднасьць». Каля яго згуртаваліся асколкі Палітычнага Камітэту і кой хто з правых беларусаў…” [5, Арк. 48–49 зв.].

Як бачым, стварэнне Беларускага палітычнага камітэта сталася праявай крызіса ў беларускім руху. І хаця пракламаванне БНР восенню 1920 г. з’яўлялася вынікам збройнага чына, гэтага аднаго было мала для стварэння “незалежнай і вольнай” беларускай дяржавы.

Крыніцы і літаратура

1. Archiwóm Akt Nowych (AAN). – Towarzystwo strazy kresowej (TSK). – T. 99.
2. AAN. – TSK. – T. 307.
3. Centralne archiwum wojksowe. – II oddzial Szt.Gen. – Syg. I.303.4.5169.
4. Letuvos mukslu akademijos Vrublevskiu biblioteka. Rankrasciu skirus. – F. 21 – Vnt. 2058.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60. – Воп. 3. – Спр. 456.
6. «Звястун». – 25.11.1920. – № 4.
7. «Новая дарога». – 13.12.1942. – № 34.
8. «Свобода». – 3.11.1920. – № 92.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

9. Jędrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego (1867-1935). – T. II 1918–1926. – Warszawa, 1998.

10. Архівы Беларускай народнай рэспублікі. Кніга 1, том 1, 2 – Вільня-Нью-Ёрк-Менск-Прага: Беларускі інстытут навукі й мастацтва, таварыства беларускага пісьменства Наша ніва, 1998.

11. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 4. Ч. 2. – Мінск, 2008.

12. Грыцкевіч А. Вакол «Слуцкага паўстання» (Барацьба з контррэвалюцыяй у Беларусі ў апошні перыяд грамадзянскай вайны) / А. Грыцкевіч. – Мінск, 1987.

13. Коўкель І. Акцыя Б.Савінкава, С.Булак-Балаховіча і ўдзел у ёй беларускіх палітычных партый і арганізацый / І. Коўкель // Наш радавод. Кніга 8: "Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. Х–ХХ ст." – Гродна – Беласток, 1990. – 439 – 450 с.

14. Круталевич, В. История Беларуси : становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В. Круталевич. – 2-е изд., доп. – Минск : Право и экономика, 2003. – 585 с.

15. Латышонак, А. Жаўнеры БНР / А. Латышонак. – Беласток-Вільня, 2009. – 365 с.

16. Пратакол паседжаньняў Беларускай Нацыянальна-Палітычнай Нарады ў Празе, 26–30 верасня 1921 г. // "Спадчына". – 1999. – № 5–6.

17. Сташкевіч, М. Непазбежнае банкруцтва (з гісторыі палітычнага краху нацыяналістычных партый у Беларусі. 1917–1925 гг.) / М. Сташкевіч. – Мінск, 1974. – С. 132.

18. Ядвігін, Ш. На абарону Бацькаўшчыны / Прадмова С. Ёрш // Arche-пачатак // Код доступа: http://www.arche.by/by/page/works/17491 // Дата доступа: 11.05.2014.

Aliena Trubchyk. Paradoxes of power: Belarusian political committee and Polesse's campaign of general S. Balakhovich. Article is devoted to the activities of the Belarusian political committee, an organization that emerged on the eve of general S.Balakhovich the military operation, and on whose for the second time was proclaimed Belarusian People's Republic on the fall of 1920. The paper describes the main objectives of the Committee, considered its personnel and the main stages of there forming.

УДК 940.3/4 + 325.8(476)

Н.Б. Щавлинский
Белорусский национальный
технический университет

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

В статье раскрывается процесс формирования и роста самосознания белорусов в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). Освещается содержание деятельности белорусских партий и организаций по вопросам создания национальной государственности, развития языка и культуры.

Первая мировая война явилась своеобразным рубежом в истории России и ее народов. Она породила массовую безработицу и инфляцию, крайнюю нищету и нужду, создала объективные и субъективные предпосылки для созревания Февральской и Октябрьской революций. В то же время война выдвинула на повестку дня вопрос о самоопределении народов, в том числе и белорусского.

Вместе с тем геополитическая ситуация, сложившаяся вокруг Беларуси, явилась весьма серьезным препятствием на пути решения этого вопроса. Во-первых, Беларусь за более чем столетнее пребывание в составе Российской империи, оказалась глубоко

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ

инкорпорированной в общероссийскую экономику и общеимперские государственно-политические структуры, испытала на себе со стороны России мощное культурно-языковое влияние, что, естественно, негативно сказывалось на процессе консолидации белорусского этноса, превращение его в нацию. Во-вторых, серьезным препятствием на пути становления и формирования белорусской нации являлось отсутствие у белорусов в тот период своей государственности. В составе Российской империи Беларусь не только не имела какой-либо политической самостоятельности, но не являлась даже административной единицей. В-третьих, не мене сложным препятствием на пути консолидации белорусского этноса являлся раздел белорусов по религиозному признаку на православных и католиков. Эту раздвоенность белорусского этноса широко использовали в своих корыстных целях, как царские власти, так и польский помещичье-клерикальный национализм. Например, защищая интересы польских помещиков в Беларуси, руководство организации «Стражи Кресовой» высказывалось следующим образом: «Совершенно неправдоподобно, чтобы белорусское движение могло создать свою обособленную белорусскую нацию с собственной культурой, стремящуюся к государственному самоопределению. Этому препятствуют черты и свойства самого белорусского народа, а также географические и геологические условия… Не вдаваясь в объективные подробности, следует лишь отметить, что, чем дальше на запад, тем больше белорус становится похожим на поляка, чем дальше на восток, тем он ближе к коренному русскому и легче с ним ассимилируется» [1, с. 145-146].

Все вышеуказанное и ряд других факторов значительно снижали рост самосознания белорусов, препятствовали решению многих задач на пути национального самоопределения.

Начавшаяся война еще более усложнила эту проблему. 31 июля 1914 года западные, в том числе и белорусские губернии, были объявлены на военном положении. Власти сразу же взяли под строгий контроль периодическую печать и культурные учреждения. Населению запрещалась продажа газет и книг без разрешения военного начальства. В специальных постановлениях, изданных в этот период времени, подчеркивалось, что «все лица, в том числе и гражданское население подлежат военному суду и наказанию по законам военного времени, вплоть до смертной казни: 1) за бунт против верховной власти, 2) за умышленный поджог…» и т. д. [2, л. 59]. В результате этих причин и материальных затруднений вынуждены были прекратить свою деятельность такие белорусскоязычные издания, как «Беларус» и «Беларускае Выдавецкае таварыства» в Вильно, «Саха» в Минске, а также газета «Наша Ніва», являвшаяся долгие годы идейным и организационным центром белорусского движения. Но, несмотря на неблагоприятные условия, – введение военного положения, физические и материальные потери – белорусское национальное возрождение продолжало развиваться. После оккупации германскими войсками осенью 1915 года Западной части Беларуси национальную работу на захваченной противником территории проводили «Белорусское общество помощи жертвам войны», «Белорусская социал-демократическая группа», «Хрысціянская злучнасць» и другие организации.

Осенью 1915 г. на оккупированной территории Беларуси с целью консолидации национальных сил был создан Белорусский народный комитет (БНК). Его деятели совместно с представителями польских, литовских и еврейских организаций поставили перед собой задачу возродить на землях Литвы и Беларуси независимое Великое княжество Литовское [3. л. 19]. С этой целью в конце 1915 г. по инициативе БНК была создана «Конфедерация Великого княжества Литовского», в состав которой вошли представители белорусских, литовских, польских и еврейских организаций.

Однако «возрождения» исторической Литвы не произошло. Во-первых, с самого начала зарождения Конфедерации в ней на главную роль претендовали литовцы. На проходившем в г. Ковно 6 января 1916 г. заседании рады литовцев и латышей, был образован «Главный Литовский Комитет», который объявил независимость земель Бывшего Великого княжества Литовского. В третьем пункте акта объявления независимости говорилось, что «белорусы могли присоединиться (к Конфедерации – авт.) как третья составная часть [4].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Как видно, литовцы в большей мере заботились о создании своего самостоятельного государства, боясь, что в совместном белорусском государстве они могут быть подвергнуты ассимиляции белорусским большинством. По подсчетам Белорусского общества помощи жертвам войны, под властью Германии оказалось около 1 млн. 500 тыс. белорусов. Кроме того, в «возрождении исторической Литвы» не была заинтересована кайзеровская Германия, которая стремилась усилить свою власть на захваченной территории, и не допустила создания белорусско-литовского государства [5, л. 1].

Тем не менее, на оккупированной Западной части Беларуси широкое развитие получила культурно-просветительная работа белорусских деятелей. Благодаря их стараниям «белорусский вопрос» впервые был вынесен на международный форум. В апреле 1916 г. в Лозанне на 3-й конференции народов белорусская делегация во главе с В. Ластовским представила меморандум со сформулированным историко-культурным обоснованием прав белорусов. Затем, в соответствии с приказом, изданном фельдмаршалом Гинденбургом 7 июня 1916 г., белорусский язык признавался равноправным с польским и еврейским и имел право употребления в гражданской, культурной и административной жизни [6, л. 353]. В том же году на занятой германскими войсками территории Беларуси было открыто около 50 школ, а в 1917 г. – уже 126 белорусских школ [7, с. 17-18]. В декабре 1916 года в Вильно начала выходить белорусская газета «Гомон», которая сыграла весьма важную роль в национально-культурном возрождении белорусского народа. Значительным событием в культурной жизни Вильно явилось открытие здесь в июне 1916 года Белорусского клуба, на основе которого был открыт белорусский театр. Однако в данном случае нельзя в прямом смысле переоценивать немецкую поддержку, так как все успехи были достигнуты самими белорусами.

Что касается не оккупированной территории Беларуси, то здесь после стабилизации фронта в октябре 1915 г. на линии Двинск – Поставы – Барановичи – Пинск начался процесс оживления белорусского национального движения. В то время в таких городах, как Минск, Полоцк, Витебск, Смоленск, Могилев начали создаваться различные национально-культурные общества, клубы, кружки. Основными центрами таких объединений интеллигенции и молодежи были «белорусские хатки». Одной из самых активных была «Белорусская хатка» в Минске, которая была создана в начале 1916 г. по инициативе Минского отдела «Белорусского общества помощи потерпевшим от войны». Она размещалась в доме под №18 по улице Захарьевской возле Красного костела. В ее деятельности, как и в работе общества, принимали активное участие В.Голубок, В.Фальский, А.Смолич, Л.Дубейковский, Ядвигин Ш. (Антон Левицкий), З.Бядуля, А.Павлович, Я.Форботко, Р.Земкевич, Я.Лёсик, Ф.Шантыр, З.Верас (Людвика Сивицкая), В.Левицкая и другие [8, с. 149].

Активное участие в работе «Белорусской хатки», также как и в работе Минского отдела общества, принимал Максим Богданович. В Минской губернии находилось большое количество беженцев, многие из них жили под открытым небом. Поэт, сам будучи смертельно больным, не жалел сил, чтобы облегчить судьбу этих людей. Он никогда никого не учил, как жить и что делать. Сам образ жизни Богдановича был для интеллигенции и молодых людей образцом и примером служения Родине. Вот как вспоминала про это время Аполония Савёнок: «Ніхто не чытаў нам лекцыяў, не пераконваў, не агітаваў. Гэтыя выдатныя людзі выбралі найвастрэйшую зброю – мастацкае слова. Яны прамаўлялі да нас вуснамі нашых паэтаў – адраджэнцаў. Калі Смоліч дэкламаваў Купалава «Пад Нёманам» або Гарунова «Ты мой брат, каго зваць беларусам…», калі Галубок дэкламаваў гарачыя Купалавы поклічы, калі Лявіцкая дэкламавала Цётчыны ды Буленчыны творы – тут была і любасць да роднай пакрыўджанай Бацькаўшчыны і слаўнай мінуўшчыны, і пашана да роднай мовы. Гэта было для нас і навукай,і клічам і заказам, і праграмай дзейнасці. Мы бачылі ідэю, тую высокую, вялікую ідэю змагання за волю свае Бацькаўшчыны і свайго народу…» [9, с. 18].

Несмотря на войну, белорусские деятели неоднократно поднимали вопрос об открытии на не оккупированной территории Беларуси университета. Например, в 1916 г. в условиях военных действий практически одновременно губернское земское собрание,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Витебское губернское земское управление, Минская городская дума и Минское губернское земство ходатайствовали перед правительством об открытии университета в одном из городов Беларуси. Однако царское правительство, проводя русификаторскую политику в Беларуси, ответило на эти ходатайства отрицательно. Без должного внимания остались и последующие обращения городской интеллигенции к властям Могилева об открытии университета в этом городе [10, л. 7].

Большая культурно–просветительская работа проводилась в это время передовой белорусской интеллигенцией по изучению и сохранению памятников истории и культуры. Так, в апреле 1916 г. в Минске при Центральном городском комитете по инициативе художника К.Биске был создан Отдел опеки над памятниками искусства и культуры. Сотрудниками отдела были организованы различные хранилища, куда свозились многие произведения искусства, библиотеки и архивы. За короткий период времени было собрано около 36 тысяч единиц хранения. Здесь находилось более 4 тысяч редких фотоснимков и рисунков памятников архитектуры Беларуси. В ноябре 1916 г. в Минске по инициативе отдела были проведены выставки, сбор денежных средств от которых перечислился в фонд охраны памятников [11, с. 19].

В этот период белорусское национальное движение охватило и беженские массы, основная часть которых сосредоточилась в центральных губерниях России и Поволжья. По сообщениям «Особого отдела по регистрации беженцев и оказанию помощи потерпевшим от военных бедствий», созданного в 1915 г. при комитете великой княгини Татьяны Николаевны, только в Тамбовской и Самарской губернии на 1 января 1917 г. находилось 126916 беженцев из Беларуси. В целом же, на 1 февраля 1917 г. количество беженцев из пяти западных губерний на территории России возросло до 1130042 человек [12, с. 57]. Во многих российских городах – Петрограде, Саратове, Казани, Ярославле, Самаре и др. – были созданы беженские комитеты, которые занимались национально-культурной работой. При беженских комитетах происходили еженедельные собрания, на которых собирались белорусские общественные деятели, студенты, священники, рабочие, обсуждалось положение Беларуси, читались лекции.

Наиболее активной беженской организацией являлось Белорусское общество в Петрограде по оказанию помощи потерпевшим от войны, организаторами и руководителями которого являлись Б.Эпимах Шыпило, Зм.Жилунович, Э.Будько, Я.Кавецкая и др. С целью поддержки постоянных связей с разбросанными по всей Российской империи беженцами, а также приобщения их к национально-культурной работе в Петрограде было налажено издание газет «Дзянніца» и «Светоч». Сыграв определенную роль в повышении самосознания белорусов, их объединении, газеты, тем не менее, в сложных условиях войны и военной цензуры вынуждены были 31 декабря 1916 г. прекратить свое существование [13, с. 244].

После Февральской революции 1917 г. значительно активизировались политические структуры в Минске, а также Петрограде, Москве и других городах России, являвшихся белорусским сосредоточением. Идеи национально-освободительного движения вызвали к жизни десятки партий и организаций, среди которых Белорусская социалистическая громада, Белорусская партия народных социалистов, Могилевский белорусский национальный комитет, Гомельский союз белорусской демократии и др. В марте 1917 г. по инициативе Белорусской социалистической громады и Белорусской партии народных социалистов был созван съезд национальных организаций, целью которого являлась «консолидация национальных сил и направление их в русло борьбы за возрождение белорусского народа» [14, л. 37]. На съезде был создан Белорусский национальный комитет (БНК), основной задачей которого являлось добиться для Беларуси автономии в составе демократической России.

Однако народные массы, прежде всего крестьянство, не признали БНК и не поддержали его программу, так как основные ее разделы о земле и войне не отвечали их интересам. Не пользовалась широкой поддержкой со стороны широких народных масс и Центральная рада, которая была создана вместо БНК в июле 1917 г. на 2-ом съезде

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

белорусских организаций. Рада в своей деятельности основное внимание уделяла национальному вопросу, а решение социальных задач откладывала до созыва Учредительного собрания. Такая политика белорусских организаций и партий приводила к тому, что трудящиеся массы откладывали им в доверии и переходили на сторону большевиков, которые в случае взятия власти обещали крестьянам землю, рабочим – фабрики, солдатам – мир. Не поддержало «автономистские» шаги белорусских организаций и партий и Временное правительство, которое отстаивало позиции «единой и неделимой России». В оппозиции к белорусскому национальному возрождению находились также эсеры и их союзники, отрицавшие возможность развития белорусской нации, ее культуры и языка.

Вместе с тем Февральская революция активизировала не только деятельность национальных политических партий и организаций, но и значительно повлияла на успешное развитие белорусской культуры. В первые послереволюционные дни повсеместно, где была национально-сознательная белорусская интеллигенция и инициативная молодежь, начали создаваться белорусские культурно-просветительные общества, любительские драматические, хоровые, краеведческие, и другие кружки. В марте 1917 года в Минске под эгидой Белорусского национального комитета было основано Товарищество белорусской культуры. С целью подъема культуры и материального уровня белорусского народа в декабре 1917 года было создано Белорусское культурно-просветительное общество в Бобруйске. Активное участие в возрождении белорусской культуры, национальной школы принимали преподаватели, которые в июле 1917 года основали Белорусский учительский союз. Важную роль для успешного развития белорусской культуры также имела периодическая печать. В 1917 году в Беларуси издавались такие влиятельные газеты и журналы как «Вольная Беларусь», «Белорусская рада», «Витебский край» и мн. другие. На страницах этих изданий содержался призыв к возрождению национальной культуры, пропагандировались белорусский язык и культура, освещалось историческое прошлое белорусского народа.

В деле расширения и углубления самосознания белорусского народа мощным источником являлся белорусский театр, в деятельности которого принимали участие В.Фальский, Ф.Жданович, Я.Белорус, В.Тарасик, Сымон-Музыка, В.Голубок, Г.Григонис и др. Широкое развитие после Февральской революции 1917 года получила театральная самодеятельность. Культурно-просветительные кружки были созданы в Минске, Будславе, Слуцке, Грозово, Дукоре, Горках.

Однако вскоре здоровые устремления белорусских национальных деятелей по возрождению белорусской государственности, языка и культуры были прерваны событиями Октября 1917 года. Одна часть белорусских деятелей, выражавшая настроения основной массы рабочих, крестьян и средних слоев городского населения, поддержала Советскую власть в Беларуси и приняла в ее строительстве самое активное участие.

Другая часть, объединившись вокруг Великой Белорусской рады (Центральная рада в октябре 1917 г. преобразована в ВБР – авт.), встретила октябрьскую революцию враждебно. Не признав Советской власти на территории Беларуси, Великая Белорусская рада совместно с другими национальными организациями выступили под лозунгом полного национального самоопределения. Для решения этой задачи в декабре 1917 г. был созван 1-й Всебелорусский съезд (конгресс), в ходе работы которого было выработано решение «создать в пределах белорусских земель высший орган власти – Всебелорусский Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов» [15, с. 38]. Вместе с тем сформированный на территории Беларуси орган советской власти - Совет Народных комиссаров Западной области и фронта - признал постановление Белорусского съезда «контрреволюционной попыткой свержения установленного в результате победы Октябрьской революции общественного и государственного строя». На этом основании в ночь на 18 декабря 1917 г. съезд был разогнан, а наиболее активные его деятели Я.Воронко, Т.Гриб, И.Середа, А.Червяков, И.Дворчанин, А.Бурбис, Я. Мамонько арестованы.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Однако созданный конспиративно после разгона съезда Исполком Всебелорусского съезда совместно с другими организациями продолжил борьбу за создание национальной государственности. В обстановке срыва мирных переговоров в Бресте, наступления германских войск, эвакуации Совета Народных комиссаров из Минска в Смоленск, Исполком 1-го Всебелорусского съезда решил взять власть в свои руки. 21 февраля 1918 года он объявил себя властью, создал правительство – Народный секретариат и сообщил об этом в Уставной грамоте. Затем в оккупированном Минске Исполком съезда издал Вторую Уставную грамоту, в которой объявлялась Белорусская Народная республика (БНР), а Исполком был переименован в Раду БНР [16, л. 124].

Поскольку Первая и Вторая Уставные грамоты определяли принципы национально-государственного строительства Беларуси в составе России, с ними согласились даже меньшевики и эсеры, которые раньше игнорировали саму идею белорусской государственности.

Однако в силу того, что Брестский мирный договор разрывал Беларусь этнически и территориально на три части, Рада БНР вынуждена была игнорировать волю представителей русской ориентации и на заседании с 24-го на 25-е марта 1918 года принять постановление о независимости Беларуси, о чем было объявлено в 3-й Уставной грамоте [16, л. 124-125].

Германская оккупационная администрация спокойно реагировала на эту акцию белорусских организаций, даже позволила развить им широкую деятельность в культурно-просветительной области. Уже в апреле 1918 года Народный секретариат объявил белорусский язык государственным языком БНР. Все акты, документы и переписка правительственных учреждений должны были вестись только на белорусском языке. Большое значение Народный секретариат придавал созданию белорусской национальной школы. В 1918 году в зоне немецкой оккупации действовало более 350 белорусских национальных школ. В местечке Свислочь работала учительская семинария, в Слуцке, Будславе, Минске, Новогрудке, Гродно действовали белорусские гимназии. С апреля 1918 года в Минске была открыта Белорусская государственная консерватория.

Возрождение белорусской национальной школы, особенно быстрый рост начальных школ, повлияли на белорусское книгоиздание. В Минске были основаны издательские общества «Зорянка» и «Вольная Беларусь». В Вильно работала типография М.Кухты, которая издала «Белорусскую грамматику для школ» Б.АТарашкевича. Широкого развития в условиях оккупации достигла периодическая печать. В 1918 году под контролем Народного секретариата издавалось более 14 газет и журналов.

И все же, несмотря на то, что оккупационные власти позволили Народному секретариату и Раде БНР развить деятельность в области образования и культуры, все вопросы государственного уровня на оккупированной территории Беларуси решали самочинно. В результате БНР не смогла осуществлять свою юрисдикцию на этнической территории белорусов. Не было армии, полиции, действенных органов местного самоуправления, отсутствовала финансовая система.

В свете сказанного вполне очевидно, что деятели БНР, пытаясь создать белорусскую государственность в условиях оккупации, оказались перед сложным выбором. Реально имелось только два пути: вести борьбу с оккупантами, объединяя при этом все патриотические силы, либо сотрудничать с оккупационными властями. Был избран второй путь. Прогерманская ориентация, тем не менее, не нашла поддержки у населения как на оккупированной территории, так и за ее пределами.

Большинство рабочих, крестьян и солдат объединились под идеей создания белорусской государственности на основе Советов в контакте с Россией, носителями которой были Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) и Белорусские секции РКП (б). В своей деятельности Белнацком и Белорусские секции РКП (б) постоянно наталкивались на противодействие со стороны Облискомзапа и Северо-западного обкома РКП (б), которые по существу отвергали право белорусского народа на его самоопределение.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

К тому же серьезным препятствием на пути строительства белорусской государственности являлась тактика, которую большевистская власть проводила в целях экспорта революции в западные страны.

Однако Центральный комитет Российской Коммунистической партии большевиков не мог не учитывать активной деятельности белорусских организаций, как на оккупированной территории, так и на свободной части Беларуси и в России, направленной на создание своей государственности, и вынужден был 24 декабря 1918 года принять решение о создании ограниченного в правах советского белорусского государства. В результате 1 января 1919 года была объявлена БССР.

Подводя в целом итог деятельности белорусских партий и организаций в годы Первой мировой войны, необходимо сделать выводы о том, что она была направлена как на создание национальной государственности, так и развитие языка и культуры.

Источники и литература

1. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: в 3-х ч. / Совмест. рос. – белор. исслед. – Гомель: Белор. Агенство науч. – тех. и деловой информации. – 1993.- Ч.2: У истоков противостояния: Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. – 227 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). - Ф. 705. – Оп. 1. - Д. 27.
3. БГАМЛИ. - Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 139.
4. Станкевіч, А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызваленьня / А. Станкевіч. – Вільня: «Шляху моладзі», 1934. – 127 с.
5. БГАМЛИ. Ф. 3. – Оп. 1. - Д. 131.
6. НАРБ. - Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 599.
7. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. / Ю. Туронак. – Мінск: Беларусь, 1993.- 236 с.
8. Скалабан, В.В. В это суровое и важное время: Максим Богданович в Минске – В. В. Скалабан // Неман. – 1981. - №12. – С. 141-149.
9. Савёнак, А. Калісьці ў Мінску / А. Савёнак // Беларуская мова і літаратура ў школе. – 1991. - № 12. С. 17-19.
10. НАРБ. - Ф. 2084. – Оп. 1. – Д. 257.
11. Дзянісаў, У. З гісторыі аховы помнікаў / У. Дзянісаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск. – 1984. - № 3. – С. 19-20.
12. Сташкевич, Н.С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии: 1917-1925 / Н. С. Сташкевич. – Минск: Изд-во Университетское, 1985. – 303 с.
13. Александровіч, С.Х. Пуцявіны роднага слова / С.Х. Александровіч – Мінск: “Выд-ва БДУ”, 1971. – 248 с.
14. НАРБ. - Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 176.
15. Турук, Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – Москва: Типография «Под/отдела Инвалидов», 1921. – 143 с.
16. НАРБ. - Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 21.

Mikalai Shchaulinski. The national question in the activities of the Belarusian parties and organizations during the First World war (1914-1918). The article deals with the process of formation and growth of selfconsciousness of the Belarusians within the period of 1st World War (1914-1918). The contents of Belarusian parties and organizations activities on the guestions of national state system, language and culture development are conveyed

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

УДК 61(091) “1919-1924”

А.А. Каплиев
ГИКУ «Гомельский
дворцово-парковый ансамбль»

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ ГОМЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ (1919–1924)

В статье проанализированы основные мероприятия советской власти по реформированию структуры и функций системы здравоохранения Гомельской губернии в 1919 – 1924 гг. Несмотря на введение бессословности и бесплатности здравоохранения, основную поддержку государства получила рабочая медицина, а ее поддержание достигалось введением чрезвычайных налогов и сокращением числа медработников. Вместе с тем наблюдались позитивные изменения в области санитарного просвещения и управления медучреждениями, однако большинство реформ носило выраженный пропагандистский характер, что несомненно отражалось на их содержании и итогах.

История развития медицины Беларуси первой половины XX столетия является одной из наименее исследованных тем социальной истории нашей страны. В связи с постоянным изменением территориальной принадлежности областей, войн, революций и массовых миграций населения, крайне сложно представить себе постоянно менявшийся облик здравоохранения того периода. Наиболее серьезные изменения в медицине Беларуси произошли в первые послереволюционные годы, когда во время установления советской власти, реформа здравоохранения (установление принципа бессословности и бесплатности) была одной из наиболее привлекательных для населения социальных программ большевиков. Целью исследования было охарактеризовать становление советской медицины Гомельской губернии на основе анализа архивных документов.

Отправной точкой появления советской медицины Гомельщины считается весна 1919 г. – к этому времени край пережил революцию, оккупацию и события Стрекопытовского мятежа. Пришло время мирного строительства и осуществления программы большевиков – построения первого в мире государства рабочих и крестьян, где государственные структуры должны были на самом деле начать служить всем гражданам, а не отдельным классам. В постулируемом ряду преобразований одно из важнейших мест занимала медицина, в управлении которой предполагалось ликвидировать отсталую земскую систему, которая руководила здравоохранением края с 1903 г [1, с.25].

11 июля 1918 г. был подписан декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, вслед за этим Совнарком утвердил «Положение о медико-санитарных отделах местных Советов». Однако, из-за нестабильной военно-политической обстановки на территории Беларуси, преобразования в медицине здесь начались позднее, в 1919 г. После установления советской власти здравоохранением Гомельщины ведал Уездно-городской отдел здравоохранения (Угорздрав). Угорздрав состоял из 5 подотделов, осуществлявших управление сетью лечебных учреждений, принимал первоочередные меры по борьбе с эпидемиями. В руководстве медициной основополагающим признавался принцип партийности и революционности – врачи, которые занимались охраной народного здравия должны были быть убежденными борцами за дело коммунизма.

В условиях политики военного коммунизма для врачей и фельдшеров была распространена трудовая повинность – оказывать всю необходимую медицинскую помощь населению. Снабжение медучреждений возлагалось на революционные комитеты, которые обязаны были создавать запасы продовольствия для больниц. При этом, уже в первые годы советской власти стало заметно очевидное выпадение врачебного «сословия» из общей стратификации населения на «пролетарский» и «буржуазный» классы: в предписаниях Угорздрава ревкомам дополнительно пояснялось: «Смотреть на служебный медперсонал не

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

как на общественных паразитов, а как на людей, исполняющих обязанности, возложенные на них советской властью» [2, л. 1].

Создавая новые органы управления, советские власти игнорировали вопросы организации здравоохранения. Например протокол заседания Губернского комитета партии от 17.02.1919 гласил: «О 3-х годичных курсах для сестер милосердия – «снять вопрос и поручить президиуму запросить от коллегии Красного креста материал о курсах к следующему заседанию» (в следующем заседании комитета партии вопрос так и не поднимался) [3, л. 7]. Протокол № 15 заседания Губернского Комитета партии от 28.02.1919 г.: «По 4-му вопросу о губернском комитете народного здравоохранения поручить ЧК проверить заявление». Подобное игнорирование важнейших вопросов здравоохранения можно было бы объяснить неотложными вопросами (борьба с контрреволюцией и т.д.), однако большую часть заседания Губкома партии 28 февраля 1919 г. составляли прения и обсуждения о командировках руководства Губкома на различные региональные партконференции и съезды, а также пространные отчеты уже вернувшихся с подобных мероприятий товарищей (тов. Тольмау в Москву и т.д.) [3, л. 9]. Протокол №30 объединенного заседания Гомельского губернского комитета РКП (б) постановил «О заведывании отделом здравоохранения вопрос оставить открытым до следующего заседания Губисполкома».

Вопрос о создании Отдела народного здравоохранения был решен на 32 заседании Гомельского Губкома РКП (б) 27 апреля 1919 года. [3, л. 49]. Отдел здравоохранения приступил к работе в начале мая, а заседание первой коллегии состоялось 20 мая 1919 г. под председательством Л.А. Сенькевича, бывшего члена коллегии Могилевского Губздрава. На этом же заседании были приняты первые решения: в ведение Губздрава переходили губернская глазная больница доктора Брука и венерологический барак, утверждена структура отдела и штатное расписание [1, с. 27]. Таким образом, к лету 1919 г. вопрос о создании центрального органа управления здравоохранения в одном из наиболее развитых в Беларуси центров медицины был решен.

В сложное время становления и организации советского здравоохранения на медслужбу легла задача по локализации и устранению очагов опасных инфекционных заболеваний, которые проявились, прежде всего, в прифронтовой полосе. Нахождение на территории губернии действующей армии усиливало и без того жесткий прессинг на Губздрав. На территории свободных от польских войск северных уездов губернии – Могилевском, Рогачевском, Быховском – дислоцировались части 16 армии, в Гомельском, Речицком уездах – подразделения 12-й армии. Многие врачи на месте мобилизовались, а фактически – угонялись в революционные части, в районах, прилегающих к местам дислокации войск сложилась неблагоприятная эпидемиологическая обстановка: «В Речице и пока только в некоторых уездах губерний, в Горвале, Василевичах, Молодуше, сильно развивается дизентерия со смертными исходами. Единичные случаи появились и в Лоеве. В самой Речице не менее 300 человек больных» [4 , л. 2].

Желание армейского командования армии решить проблему своими силами только усложняло ситуацию. По распоряжению члена реввоенсовета 12-й армии М.К. Муралова, в Гомеле была организована Чрезвычайная Комиссия по борьбе с эпидемиями. В ходе развивающейся тифозной эпидемии реорганизовывались в заразные госпитали соматические лечебные учреждения, а все медработники мобилизовывались для оказания бесплатной медицинской помощи населению на дому. По сути, это заложило основы будущему принципу оказания скорой медицинской помощи по вызову пациента. Наряду с позитивными результатами деятельности комиссии, несомненна ее деструктивная роль, заключающаяся в дезорганизации системы управления здравоохранением губернии, что было отмечено в реакции руководства Губздрава.

Инициативы армейского командования не привели к существенному улучшению ситуации. Количество заболевших эпидемиологическими заболеваниями жителей губернии постоянно увеличивалось и достигло 30 тысяч человек. Критичность положения

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

иллюстрирует факт переименования 1-ой Советской больницы в 1-ю Советскую заразную (инфекционную) больницу и расширение ее до 300 коек.

Стало очевидно, что для борьбы с эпидемиями только медикаментозного лечения и карантина явно недостаточно. После пятилетия военного лихолетья и революций, массовые эпидемии вышли на новый количественный уровень, поэтому общее направление развития здравоохранения было предупредить болезни, а не лечить уже заболевших, большое внимание стало уделяться профилактике заболеваний и санитарному просвещению населения.

Для борьбы с холерой и другими заболеваниями создавались «Ячейки Чистоты», которые занимались ремонтом колодцев, охраной берегов рек, почв, «привлекая к этому все население» [9, л. 84 – 86]. Важным шагом в организационном укреплении санитарного просвещения явилось создание в губернских, а затем и в уездных городах Домов санитарного просвещения (ДСП). Первым таким домом в регионе был Гомельский городской ДСП им. Н.И. Пирогова, открытый в конце 1919 – начале 1920 гг. по инициативе врачей К.Ю. Кононовича и А.И. Рубинерзона. Большую роль в борьбе с эпидемиями сыграло санитарное бюро, которое возглавил врач Г.Л. Сарцевич. Новые вызовы, брошенные здравоохранению беспрецедентной вспышкой заболеваемости, требовали качественно нового подхода к лечению населения. Особенно важным было своевременное и оперативное оказание медпомощи, поэтому уже в 1919 г. при санитарном бюро создается скорая помощь и бесплатная амбулаторная помощь на дому. Создание скорой помощи именно в 1919 г. подтверждается и косвенными данными (грамота о награждении в связи с 50-летием Гомельской городской станции Скорой медицинской помощи от 30 мая 1969 г.) [5, л. 93 – 102]. Функции скорой помощи также выполняла т.н. «Служба ночных дежурств врачей», работавшая ежедневно с 9 часов вечера до 8 часов утра сначала в городском приемном покое на углу улиц Замковой и Генеральской, а с конца октября 1919 г. – на базе квартиры зубного врача Фридмана, по Румянцевской (ныне Советской) улице в доме Цырлина [6, с. 4].

Позже по инициативе К.Ю. Кононовича на базе санитарного бюро была создана первая в Советской России санитарно-эпидемиологическая станция, торжественное открытие которой состоялось 29 октября 1922 г. В ее задачи входила борьба с распространением эпидемий путем изоляции уже заболевших, а также санитарной обработки потенциально опасных и зараженных помещений. Санстанция разместилась в бывшей Больнице общественного призрения по ул. Первомайской, в то время – 2-й Советской больнице.

К концу 1921 г. эпидемии в городах стали стихать: 1-я Советская больница вернула свое наименование и перестала называться «заразной», успешно действовало санитарное бюро; в местной прессе стали регулярно появляться ознакомительные статьи о путях распространения холеры и других инфекционных заболеваний, способах их профилактики; регулярно проводились информационные семинары медработников с населением, информация о местах и времени таких семинаров регулярно обновлялась в местных газетах. В ходе борьбы с эпидемиями инфекционных болезней вырабатывались новые принципы санитарно-профилактического и противоэпидемического обслуживания населения, впоследствии эти принципы развивались и совершенствовались. Однако к 1922 г. все еще существовала проблема массовых заболеваний в деревнях, не было системы предупреждения и профилактики заболеваемости (в Почепском уезде вспыхнула эпидемия холеры). В основу сельской медицины все еще была положена земская система здравоохранения середины прошедшего века, лечившая по выражению новых руководителей Губздрава «уже больных, искалеченных людей».

Вместе с тем, даже в условиях чрезвычайного эпидемиологического положения, партийное руководство отдавало предпочтение отнюдь не вопросам губернского здравоохранения. О второразрядности губернской медицины говорят решения, принятые на 70 объединенном заседании РКП (б) от 21.08.1919. Заседание проходившее под слоганом «Всё на оборону», приняло постановление воплощать 3 направления деятельности: оборона, эвакуация, политика. При этом остальные направления деятельности полностью

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

игнорировались: Губздрав постанавливалось «свернуть до минимума», при этом Губсобез и Горхоз сокращениям не подвергались и «сохранялись в прежнем виде» [3, л. 168].

К концу 1919 г. советские органы власти осознали недостаток квалифицированных медицинских кадров, особенно среди среднего медперсонала. Для этой цели в Губздравотделе разработали проект организации курсов красных сестер милосердия. Проект разрабатывался совместно с отделом по работе среди женщин Губисполкома и носил, как и большинство преобразований того времени явный отпечаток революционности. «Преследуя... партийные цели... характер школы должен быть ярко политический». Кроме введения коммунистической пропаганды в учебном курсе, Губкому не нужно было прилагать особых усилий для организации курсов, т.к. базой для них служила существовавшая в Могилеве еще в дореволюционный период Центральная фельдшерская школа им. Императора Александра II [7, с. 41]. Губком был уполномочен отбирать слушательниц курсов, в первую очередь, из числа сочувствующих делу коммунизма [3, л. 231].

Одним из важных направлений развития медицины была национализация. Национализировались аптеки, огосударствлено зубоврачевание, проведена частичная национализация бактериологических кабинетов [8, л. 63]. Существенные преобразования коснулись городской больничной сети. Городская и земская больницы были сведены в одну, число коек в которой достигло 200; на базе нового здания земской больницы было создано венерологическое отделение для женщин; Федоро-Ирининская глазная лечебница была превращена в одну из первых в стране специализированных больниц для лечения глазных заболеваний. Новая земская больница была переименована в 1-ю Советскую, городская больница – во 2-ю Советскую, еврейская больница – в 3-ю Советскую. Стоит отметить, что все преобразования носили чисто организационный характер, принципиально новых стационаров создано не было, была лишь унифицирована и стратифицирована существующая еще при князьях Паскевичах больничная сеть.

Одним из главных постулатов советского здравоохранения стала его бесплатность и строго государственное подчинение. Частнопрактикующие врачи направлялись на работу в государственные медицинские учреждения, им назначалась постоянная заработная плата. Относительно частной практики НКЗ РСФСР дал в мае 1921 г. следующие пояснения: «Частная медицинская практика, как пережиток капиталистического строя, противоречит основным принципам правильной организации медико-санитарной помощи и общим основам социалистического строительства. Этот пережиток надо ликвидировать». [2, л. 8]. Таким образом, еще не в состоянии обеспечить качественную альтернативу частной медицине, советская власть разрушила институт частной врачебной практики. Особое внимание уделялось борьбе с медицинской частной рекламой. На этом поприще советская власть добились действительно значимых результатов: еще в 1919 г. в газете «Полесская правда» существовал особый медицинский раздел, посвященный объявлениям об услугах врачей, однако в период с 1920 по 1922 гг. количество рекламы интенсивно снижается, а в мае 1923 она исчезает вовсе. Однако, в целом положение медицины Гомельщины улучшилось, к 1922 г. в губернии было 55 участковых больниц, 116 фельдшерских пунктов, 96 врачебно-амбулаторных пунктов, всего по губернии работало 184 врача. С 1 мая 1922 г. медицина губернии переводилась на средства местного бюджета, однако решение об этом дошло до самой губернии лишь в середине июля и вовремя переход выполнен не был [9, л. 84 – 86].

Губздрав должен был содержаться за счет подворного налога, средства от которого пошли на «содержание низового советского аппарата» и «на Народное образование». В результате, в связи с переводом медицины на местный бюджет, средств не хватало и население сдавало дополнительные средства в бюджет («самообложение»).

В целом, в губернии была принята программа реформы здравоохранения сроком 10 лет, предполагалась замена фельдшеров врачами на сельских участках. При этом отмечалась нехватка медикаментов, которая однако, в ближайшее время должна быть ликвидирована. Из анализа источников видно, что советские партийные органы и после окончания активной фазы

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

гражданской войны продолжили задвигать нужды здравоохранения на задний план, что отражается в распределении средств от налогов после перевода здравоохранения на местный бюджет. При этом одной из главных причин бедственного состояния медицины губернии называлось «то, что врачами часто являются люди не пролетарского происхождения» [9, л. 84 – 86]. Наиболее тяжелым было положение здравоохранения в сельской местности. Общий послевоенный кризис здравоохранения, недостаток бюджетных средств, нехватка медикаментов (хотя подпольный рынок был ими переполнен («на стороне их можно достать сколько угодно»), «толкала несознательную часть населения в руки знахарей, с которыми, как с вредителями Народного Здравоохранения, следует вести энергичную борьбу» [9, л. 84 – 86]. Такое важное явление как санитарное просвещение в деревне отсутствовало, врачи не получали оплаты и отказывались лечить пациентов бесплатно, цены на лекарства в аптеках не фиксировались и разительно отличались в разных аптеках. Вследствие этого в деревне появились массовые эпидемии сыпного тифа (22062 заболевших), дизентерии (12586 заболевших), брюшного тифа (10819), чесотки, туберкулеза и особенно венерических заболеваний. Ввиду превышения норм размеров участков, сельсоветы должны были выделять транспорт для выездов медработников на участки, а также вводились новые «добровольные самообложения» для недопущения закрытия больниц и фельдшерских пунктов. При всем вышеуказанном съезд Губисполкома устанавливал незыблемым принцип бесплатности советской медицины.

Для выхода из ситуации было принято решение пойти по самому простому, но, одновременно, самому губительному для медицины пути: сократить штат медработников и закрыть второстепенные медицинские учреждения. Сегодня сложно объективно оценить ситуацию начала 1920-ых гг., однако, в условиях антисанитарии и массовых эпидемий, сложно представить, что какое-либо лечебное учреждение того времени было второстепенным или лишним для сельской медицины губернии. Всего по губернии были закрыты 9 больниц и 4 врачебных амбулаторных пункта, 24 фельдшерских пункта, 33 зубамбулатории, на 1008 сокращено число коек. В 1921 – 1922 гг. частично было переведено на хозрасчет аптечное дело, сокращались и оптимизировались ставки врачей и среднего медперсонала. Общий потенциал здравоохранения в материально-техническом и кадровом ресурсе был сокращен наполовину [10, л. 24].

Сокращение штата медработников привело к временному отказу от принципа общедоступности медицины всему населению, основное внимание уделялось медицинскому обслуживанию рабочих, «класса-гегемона» нового советского государства. При Губздраве была образована рабочая секция, контролирующая мероприятия по лечению рабочих и расходованию денежных средств, поступающих по линии социального страхования [1, с. 31]. В деревне сохранялось платное здравоохранение, безвозмездная медпомощь оказывалась лишь беднейшему крестьянству. В сельской местности глава Облздравотдела М.Каганович предлагал ввести дополнительный натуральный налог для содержания материальной базы медицины, при сохранении самообложения.

Губисполком направил на нужды медицины средства от 10% промыслового налога с предприятий всех форм собственности, при этом, в рамках дальнейшего ограничения частной медицины, вводился налог для всех лиц, занимающихся частной врачебной практикой. При этом постулировалась обязательно платная лечебная и медикаментозная помощь «нетрудовому элементу» (дворянство, духовенство, интеллигенция), с перенаправлением вырученных от этого средств для обслуживания рабочих и крестьян.

Таким образом, советские власти, прежде критиковавшие сословный принцип земской медицины, сами ввели его в условиях общего кризиса здравоохранения. Поменялись местами лишь классы, причем класс крестьянства, который также относился к пролетарскому, тоже вынужден был оплачивать свое медицинское обслуживание, в дополнение к чрезвычайному натуральному налогу и самообложению на медицину.

К 1924 г. ситуация практически не изменилась. На заседании Гомельского Горрайкома 2 августа 1924 г. в докладе тов. Кейлина (профсоюз медработников Медикосантруд)

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

отмечалось: «Состояние 1-ой Советской больницы заставляет желать лучшего… Состав врачей неподходящий… Помещение амбулатории не дает возможности ей больше развернуться. Туберкулезный диспансер нуждается в помещении… отсутствие внимания профессиональных и партийных органов к этому делу [11, л. 127]. При этом отмечалось «удовлетворительное» отношение медработников к своей службе, что автоматически возложило вину за недостатки здравоохранения на административный ресурс. В докладах коллег Кейлина тов. Блюдина и Фейгенбаума отмечалось практикование в некоторых медучреждениях 12-ти часового рабочего дня, задержки выплаты зарплаты и другие нарушения трудового кодекса [11, л.125]. Неэффективный менеджмент руководства, как видно из доклада профсоюзных работников, компенсировался за счет эксплуатации самих медработников, которые в условиях классового подхода к медицине, старались, согласно своему призванию, оказывать помощь всем нуждающимся, а не только рабочему классу, что было отмечено во властных структурах: «Рабочей медицине необходимо уделить больше внимания. Рабочая амбулатория обслуживает не только рабочих». [11, л. 127].

В августе 1924 г. в официальных документах впервые упоминается и организованная служба скорой медицинской помощи: в дополнение к вопросу о рабочей медицине тов. Соркин на заседании Горрайкома упоминает: «необходимо, чтобы скорая помощь функционировала и днем» [11, л. 128]. Можно сделать вывод, что служба скорой медицинской помощи функционировала исключительно по ночам, что подтверждает ее преемственность службе ночных дежурств врачей, обе эти службы в отчетных документах упоминаются вместе. Скорая помощь уже в первый год работы обслужила более 1000 вызовов. Таким образом, в первые годы Советской власти, в условиях гражданской войны и крупнейшего в истории общественно-политического кризиса, была проведена коренная перестройка системы здравоохранения. Был создан Губернский отдел здравоохранения, осуществлялись попытки организовать подготовку медперсонала, была реорганизована и стратифицирована существующая больничная сеть. Именно в первые годы советской власти в Гомеле была учреждена организованная служба скорой медицинской помощи.

В условиях вспыхнувших на фоне военных действий антисанитарии и эпидемий была проделана большая работа по санитарному просвещению населения и улучшению эпидемиологической обстановки в губернии. Победа над вспышкой инфекционных заболеваний 1919 – 1921 гг. свидетельствует о зрелости молодой советской медицины и правильном направлений реформ, направленных не только на лечение, но, прежде всего, на предупреждение заболеваний. При этом все преобразования в медицине носили ярко революционный характер, на ответственных постах должны были находиться только сочувствующие делу коммунизма.

Наряду с позитивными изменениями проявились и негативные тенденции: резкий отказ от земской медицины и частной врачебной практики, прервал преемственность в оказании медицинских услуг населению, а принцип вседоступности и бесплатности оказания медицинской помощи в условиях перевода здравоохранения на местный бюджет, на практике осуществлен не был. Решение улучшить экономическую ситуацию в здравоохранении путем сокращения медучреждений и персонала лишь усугубило ситуацию. Приоритет отдавался рабочей медицине, обеспечивать которую должны были сборы и платное обслуживание остального населения.

В целом, вопросы здравоохранения в Губкоме постоянно переносились и откладывались. Это отражало второстепенное положение медицины в политике советских властей на начальном этапе революционных преобразований. В условиях постоянной борьбы с контрреволюцией и, в сущности, очень нестабильного положения большевиков в Беларуси (опасность со стороны Польши, контрреволюционные выступления Довбор-Мусницкого, Стрекопытова, Булак-Балаховича) отодвигало вопросы здравоохранения на будущее. При этом, оправданием поверхностного отношения к медицине служило непролетарское

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

происхождение медработников, существование пережитков частной врачебной практики, народной медицины и влияние контрреволюционных элементов.

Источники и литература

1. Абраменко, М.Е., Бордак, С.Н. Очерки истории здравоохранения Гомельской области. Учебное пособие для студентов / М.Е. Абраменко, С.Н. Бордак. – Гомель: Учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет», 2005. – 136 с.
2. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф.11. – Оп.1. – Д.1.
3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф.1. – Оп.1. – Д.12.
4. ГАГО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д.29.
5. ГАООГО. – Ф.144. – Оп. 129. – Д.77.
6. «Полесье». Газета общественно-политическая и литературная. – 1919. – № 131. – С. 4.
7. Памятная книжка Могилевской Губернии на 1909 год. – Могилевъ губ., Губернская типография, 1909. – 280 с.
8. ГАГО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 28.
9. ГАООГО. – Ф.1. – Оп.1. – Д. 1325.
10. ГАГО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 222.
11. ГАООГО. – Ф.5. – Оп.2. – Д.736.

Aliaksiey Kapliyeu. Development of medicine in Gomel gubernia in the early post-revolutionary years (1919-1924). The article is dedicated to the analysis of actions of the Soviet government in Gomel province for reforming of structure and functions public health of system vices in 1919 – 1924. Positive changes in area of sanitary education and management of medical institutions, were followed by propaganda character that was undoubtedly reflected in maintenance and results of the reforms.

УДК 94:325.11(476.2)«192»

З.А. Александрович
Государственный архив Гомельской области
Д.Г. Лин
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
О.В. Горбачев
Уральский Федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИЗ ГОМЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х годов

На примере Гомельской губернии проведен анализ советской переселенческой политики в 1920-х гг. Авторами использован значительный архивно-документальный и статистический материал, позволивший раскрыть избыточность аграрного населения губернии на рубеже XIX – XX вв., концепцию переселений, практику их организации по этапам. Показаны сложности и результативность кампаний переселения, их влияние на перспективы модернизационных процессов, как в сельском хозяйстве, так и промышленности Гомельской губернии и Беларуси.

Огромная территория Российской империи всегда ставила страну перед необходимостью колонизации [1, с. 325]. В условиях нарастающего крестьянского

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

малоземелья в европейских губерниях страны миграция на восток страны постепенно принимала в XIX в. все более массовый и неуправляемый характер. Это обстоятельство стало основной причиной образования в 1896 г. Главного переселенческого управления при Министерстве внутренних дел. После революции 1905–1907 гг. правительство избавилось от иллюзий о стабилизирующей социальной роли общины, государственная политика в этом вопросе перестала быть половинчатой, и в контексте столыпинской аграрной реформы началось масштабное переселение крестьян на восток. Однако вскоре стало ясно, что даже при набранных темпах переселения потребуется много времени, чтобы, с одной стороны, снять проблему малоземелья в центре страны, а с другой, освоить пустующие пространства на ее востоке.

С приходом к власти большевиков после масштабного передела земли и завершения землеустроительных работ в середине 1920-х гг. практика организованных переселений возобновилась. Если в 1924 г. число заявок на переезд составляло 163 тыс., то в 1926 г. – уже 500 тыс. [1, с. 82].

Рассмотрим организацию и эффективность переселений на примере Гомельской губернии, с 1919 по 1926 гг. входившей в состав РСФСР и считавшейся в тот период одной из наиболее густонаселенных территорий страны. К началу 1925 г. в составе губернии из первоначальных 14 осталось пять уездов: Гомельский, Клинцовский, Новозыбковский, Речицкий и Стародубский. Ее территория составляла 24 901 кв. версту (28 338 кв. км), в границах которой существовало чуть более 220 тыс. крестьянских хозяйств с числом жителей ок. 1 150 тыс. чел, то есть на один двор приходилось примерно 5,2 чел. [2, л. 101].

О сравнительной густонаселенности территории свидетельствуют данные Гомельского земельного управления (ГЗУ). Если по СССР в целом на 1 кв. версту приходилось 7 человек, то в Сибири только 0,8; в Европейской части СССР – 22,2; в Западной области – 36,4, а в Гомельской губернии – 45,2 [2, л. 101].

Соответственно, велика была и хозяйственная нагрузка на землю. В губернии на 100 дес. всей земельной площади приходилось 42,1 дес. пашни. В распределении земель явно не хватало сенокосов – из 100 дес. пашни сенокосы занимали только 45,5 дес., причем между уездами сенокосы были распределены крайне неравномерно (например, в Речицком уезде по 3,2 дес. на хозяйство, а в Новозыбковском только 1,1 дес.). Доля пашни на одного человека составляла менее одной десятины (от 0,94 в Стародубском уезде и до 0,69 в Гомельском). С учетом всех земель сельскохозяйственного назначения в среднем на одного земледельца в губернии приходилось примерно 1,5 дес. земли. Однако необходимо учитывать, что почва в губернии почти на 60 % была песчаной и требовала большого количества удобрений. При таком состоянии почвы норма надела земли оценивалась примерно в пределах 2–2,5 дес. на человека.

Следует также учитывать неравномерность распределения земель по хозяйствам. В результате перераспределения земли после революции 1917 г. в структуре семейного землепользования произошли глубокие изменения. Как видно из Табл. 1, прежде всего резко сократилось число безземельных хозяйств.

Сопоставляя данные Табл. 1 можно видеть, что распределение сельских хозяйств по площади посевов в дореволюционный и послереволюционный периоды различается принципиально. В первом случае кривая распределения имеет два максимума (первый приходится на размер площади посевов 1–2 дес., второй – на диапазон 4–6 дес.). Это показывает, что хозяйства были разделены на два вида: мелкие и средние. После революции, зависимость выродилась в кривую с одним максимумом (он пришелся на диапазон 1–2 десятины) и это уже означает, что количество середняков уменьшилось. Хозяйства с площадью посевов от 1 до 2 дес. в 1924 г. составляли 30,28 % от всей численности хозяйств, в 1917 г. их было только 18,58 %. Доля беспосевных хозяйств после революции снизилась до величины менее 1 % и, если судить по данным за 1925 г., продолжала снижаться. В тоже время

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

для послереволюционного периода характерна общая тенденция роста доли средних и более крупных хозяйств (площади посевов от 2 до 6 десятин).

Таблица 1. Динамика долевого распределения хозяйств Гомельской губернии по площади посевов, % [2, л. 101 об.]

/п	Размеры хозяйств по площади посевов, дес.	Годы		
		1917*	1924	1925
	Без посевов	10,32	0,84	0,67
	до 1	12,82	13,34	10,13
	от 1 до 2	18,58	30,28	29,01
	от 2 до 3	18,18	24,74	27,08
	от 3 до 4	12,62	14,77	15,86
	от 4 до 6	15,44	11,34	12,90
	от 6 до 8	6,15	3,32	3,17
	свыше 8	5,86	1,37	1,18
* Данные, рассчитанные для территории будущей Гомельской губернии				

НЭП привел к восстановлению сельскохозяйственного производства, которое по своему уровню приблизилось к дореволюционному периоду. По результатам опроса населения за 1923 г., численность крупного рогатого скота у крестьян выросла на 6 %, лошадей на 10 %, овец на 20 % и свиней на 8,7 %. Однако недород 1924 г. привел к некоторому снижению поголовья скота [3].

В целом можно считать, что низкий среднедушевой уровень обеспечения населения пахотными землями являлся главной причиной того, что в Гомельской губернии большинство хозяйств были бедняцкими. По оценкам того времени, к бедняцким относилось 75 % хозяйств. Из оставшихся 25 % к малоимущим и среднебедняцким относили 23 % хозяйств и только 2 % хозяйств представляли собой, как тогда говорили, зажиточный и кулацкий элемент [4]. Земельная уплотненность, большая доля малоплодородных почв и скученность населения создали в крестьянских хозяйствах губернии высокую избыточность рабочих рук. Здесь надо обратить внимание на то, что вследствие малой урбанизованности сельское население Гомельщины мало отвлекалось на внеземельные занятия. Так, по данным Губстатбюро, отхожими и кустарными производствами в то время были заняты соответственно 1,8 % и 2,6 % сельчан [2, л. 102].

Что касается производственных возможностей крестьянских хозяйств, то они была крайне недостаточными. В основном преобладали малопосевные, однолошадные и однокоровные хозяйства, не обеспеченные кормами. В агротехнологии доминировала трехпольная зерновая система. Недостаток скота приводил к нехватке органических удобрений, а при бедности почв получаемые урожаи были низкими. Таким образом,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

вопрос о дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства на территории губернии упирался в решение проблемы избыточного крестьянского населения.

Еще в конце XIX в. и самом начале XX в. переселения в уездах, входивших в 1920-х гг. в состав Гомельской губернии, приобрели широкий размах. Так, за три года с 1894 по 1896 гг., из трех восточных уездов переселились более 19 тыс. человек [2, л. 102]. Максимум переселенческой активности пришелся на период Столыпинских реформ. За это время из тех же трех восточных уездов выехало 7,3 тыс. хозяйств, а расчет показывает, что общий показатель переселений по уездам находился в пределах от 7 ‰ до 20 ‰.

В годы первой мировой и гражданской войн, а также в последовавший за ними период переселения практически прекратились. Можно лишь отметить стихийный отток крестьян в Украину в 1922 году. Организованные переселения в губернии начались лишь в 1924 году, когда Наркомземом было разрешено плановое переселение крестьянских семей в Поволжье.

При оценке избытка сельского населения в Гомельской губернии будем исходить из того, что сельское хозяйство на этой территории считалось товарным, если на каждого едока будет в среднем приходилось 2 дес. земли. Эта норма была установлена на основании статистических обследований. Она учитывала скудость песчаных земель Гомельщины [2, л. 104].

Результаты расчетов показывают, что площади сельскохозяйственных земель в губернии позволяли иметь оптимальную численность сельских жителей около 800 тыс. человек. На самом же деле в губернии проживало примерно 1150 тыс. человек, то есть избыток сельчан составлял около 350 тыс. человек. Из этой цифры предлагается вычесть примерно 50 тыс. сельских жителей, занимающихся отхожим и кустарным промыслами. Далее следует учесть возможное расширение (главным образом, за счет мелиорации) площади земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. Ожидалось [2, л. 104об], что такое расширение составит примерно 100 тыс. десятин, то есть будет дополнительно удовлетворена потребность в земле еще 50 тыс. человек. Таким образом, избыток населения можно скорректировать на 100 тыс. человек в сторону уменьшения, и окончательная избыточная численность сельских жителей в губернии составляла 250 тыс. человек, или 21,7 % от общей численности сельского населения. С годами эта цифра могла только увеличиваться в связи с естественным приростом населения. Если ориентироваться на коэффициент естественного прироста в 20 ‰, то ежегодная прибавка численности сельчан составит примерно 20 тыс. человек. Избыток сельчан в 250 тыс. человек можно было переселить в течение 10 лет, то есть переселяя по 25 тыс. ежегодно.

Как предполагалось организовать переселения сельчан из Гомельской губернии? В письме от 21 марта 1924 г. ГЗУ предложило руководству губернии следующий план: провести подбор контингента переселенцев, располагающих достаточными средствами для переезда и устройства на новых местах; объединить беднейшую часть переселяющихся в артели, кооперативы и другие сельскохозяйственные коллективы; оказать переселенцам помощь со стороны тех обществ, из которых они выходят; привлечь необходимые средства из местного бюджета губернии; предоставить государственный кредит для выдачи долгосрочных ссуд; восстановить льготы для переселенцев, установленные Декретом от 25.07.1922 г. [5]

Перейдем к организационным этапам переселенческого процесса, начиная от принятия решения на переезд и заканчивая переездом семьи на новое место жительства.

1. *Подача заявления на переселение. Оценка имущественной состоятельности будущих переселенцев. Формирование сельскохозяйственных объединений из семей малоимущих переселенцев. Регистрация переселенцев в уездных земельных органах*.

В первую очередь следует перечислить требования, которые предъявлялись к семьям, выразивших свое желание переселиться. К переселению допускались хозяйства, имеющие в своем составе 2,5 работников. Полными работниками в то время считались трудоспособные

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины в возрасте от 18 до 45 лет. К полуработникам относили подростков от 14 до 18 лет и трудоспособных стариков. Всех остальных считали нетрудоспособными и к ним относили детей до14 лет, стариков, «хворых» и калек.

Второе требование к переселяемым семьям касалось имущественной обеспеченности хозяйств. Переселяться могли только те хозяйства, которые обладали инвентарем и средствами, необходимыми для организации жизни на новом месте без денежных затрат со стороны государства. Другими словами, решаясь на переселение, семьи должны были иметь достаточно средств, чтобы самостоятельно переехать и обустроиться. Главное управление Наркомзема определило минимум хозяйственной обеспеченности каждого переселяющегося хозяйства. Это: три лошади, тяжелый плуг, борона, железный ход (телега на железном ходу) и не менее 10 червонцев деньгами или в виде товара. На каждую переселенческую семью возлагалась также оплата расходов по отводу участка (вначале 25 руб. на один участок) [6].

Сейчас можно примерно оценить материальную обеспеченность маломощного хозяйства в ценах того времени. В такого рода хозяйстве имелось: 1 изба (примерно стоила 200 руб.), 3 холодные постройки (по 30 руб.), 1 гумно (100 руб.), две лошади (по 80 руб.), 1 корова (40 руб.), 2 телеги (по 25 руб.), 2 саней (по 10 руб.), два плуга (по 5 руб.), две бороны (по 2,5 руб.) и 100 пудов зерна (примерно 25 руб.) [4, лл. 29–30]. Расчет показывает, что общая стоимость имущества хозяйства составляла 750 руб. Для семей, переселяемых в Поволжье, была установлена имущественная квота в 1 300 руб. Понятно, что в эту сумму входила не только стоимость имущества и инвентаря, но и деньги в золотом исчислении, имеющиеся на руках.

Квота в 1300 руб. могла быть уменьшена до 1000 руб. Но в этом случае переселяемые семьи должны были объединиться в сельскохозяйственные кооперативы с обязательством оказывать друг другу помощь при переселении. Для семей, переселяемых в Сибирь и на Дальний Восток, минимальная имущественная обеспеченность была еще ниже и составляла 800 и 900 руб. на семью соответственно. Эти суммы снижались на 200 руб. для семей, объединяемых в кооперативы. Минимальный имущественный порог также снижали для хозяйств, в которых число работников превышало число неработоспособных. Такое право предоставлялось местным органам. В конечном счете уровень обеспеченности переселяемых семей не должен быть ниже 100 руб. на едока и не меньше 400 руб. на семью. Семьи, не имеющие достаточной собственности, не включались в списки на переселение [7].

На уездные земельные отделы возлагалась обязанность вести учет поступающих заявлений на переселение, а также формировать семейные и имущественные описи хозяйств. Работники этих отделов предупреждались о том, что жалобы крестьян об отказах в регистрации и выдаче справок переселенцам будут расцениваться как волокита при проведении важной государственной работы по переселению. Документы по переселению не облагались гербовым и канцелярским сбором.

Активная работа по переселению начиналась с определения Наркомземом плановых цифр хозяйств, которые могли переехать в ту или иную губернию страны. Одним из первых таких документов явилось письмо Наркомата от 11.02.1924 [8]. В нем сообщалось, что в текущем году предполагается открыть частичное переселение из ряда западных губерний в Поволжье. В соответствии с ранее поданной заявкой (Гомельская губерния ставила вопрос о переселении 4 152 семейств – соответственно 24 345 душ) губернии предлагалось переселить 26 000 едоков. С этого момента переселенческая компания входила во вторую стадию.

2. *Отправка ходоков для осмотра и отвода участков в местах переселений.*

Ходоки являлись полномочными представителями переселяемых семей. Они выступали от имени этих семей, выражали их интересы и были первыми, кто вступал во взаимодействие с земельными службами по месту будущих переселений.

Подбирая ходоков, переселенцы должны были действовать обдуманно и постепенно. Это были доверенные и знающие люди, и от них полностью зависел ход

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

переселений. Только заручившись подходящим участком и надлежащим образом оформив его за собой, переселенцам можно было приступать к ликвидации своего хозяйства на родине и к переезду. Необдуманное и самовольное переселение приносило семье не только разорение, но и подрывало всю плановую работу в местах вселения.

В своих поездках ходоки, как правило, представляли интересы пяти семей, то есть при успешном выполнении своей миссии они должны были зачислить участки для 5 хозяйств. Перед отправкой в поездку ходоки получали инструктаж в уземотделах. Они должны были не только зачислить участки, но и определиться, что из инвентаря и имущества переселенцы могут взять с собой, а что им следует оставить. Ходоки получали полномочия от хозяйств, которые представляли, регистрировались в уземотделах для получения ходаческих свидетельств и удостоверений на льготный проезд. Железнодорожные билеты им льготировались на 1/4 стоимости, остальные затраты они покрывали за счет средств делегировавших их переселенцев [8, лл. 26–26об].

По результатам поездок ходоками принимались решения о зачислении за ними земель или об отказе в таком зачислении. Причинами отказов, со слов возвращающихся, часто были опасения материального характера или другие факторы. Так, в 1924 г. ходоки зачислили в Самарской губернии только часть земли, что в основном объяснялось засухой, которую ходоки видели в Поволжье во всех своих проявлениях. На Дальнем Востоке ходокам представили для осмотра участки в пограничной зоне с проживающим там туземным населением. Переселенцев отпугивали незнакомый язык, условия местной жизни, обычаи. Неблагоприятным фактором также выступала отдаленность участков от железной дороги и водных путей. В степных местностях решающее значение для переселенцев имели обводнение и лесистость. В целом в переселенческой среде сформировалось мнение, что наиболее подходящими для них являются места вселения, где условия жизни, быта и хозяйственная обстановка больше всего соответствуют местам их нынешнего обитания. Для переселенцев из Беларуси такими местами были Северный Кавказ, Урал, южные и ближайшие губернии Сибири, а также северные уезды Самарской области.

Засуха 1924 года в Поволжье серьезным образом отразилась на результатах переселений. Эта тема нашла свое отражение в официальных письмах из Поволжья в Гомельскую губернию. Так, в письме Саратовского губземуправления сообщается о недороде в губернии и высказывается просьба сообщить об этом желающим переселиться. В письме приводились также рекомендации, важные для переселенцев. Так, говорилось, что скот вести с собой вовсе не обязательно. Сносную лошадь можно купить на месте за 50 рублей. Кроме того, в Саратовской губернии наблюдается падеж привозимого скота из-за объедания местными травами. Привезенные лошади слабосильные и недостаточно выносливые, особенно, при подъеме залежей, где необходимы волы и верблюды. Из сельскохозяйственных орудий и инвентаря следует везти только тяжелые борону, телеги, бочки и строительный лес. Можно также везти семена, продовольственный и зерновой фураж с перспективой их обмена [8, л. 34].

В августе 1924 года Наркомземом подводится некоторый промежуточный итог потерь от засухи в Поволжье [8, л. 33]. В письме Наркомзема сообщается, что невыполнение условий и требований к переселенцам, в конечном счете, несет тяжелое, а порой непоправимое материальное разорение семей. Невыполнение условий переселения приводят к возвращению домой малоимущих семей. До 70 % переселившихся хозяйств были вынуждены оставить занятые ими земли и вернуться на места прежнего жительства. Руководство Наркомзема обратилось к гомельским властям: «не находя возможности препятствовать их возвращению, просим принять меры по их земельно-хозяйственному устройству на местах» [8, л. 39]. Из приведенной переписки видно, насколько тяжелой и порой драматичной была переселенческая жизнь. Но переселенческие органы не скрывали всех опасностей и невзгод, возникающих на пути переселенцев, и по мере

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

возможности пытались оказать им помощь. После зачисления земель на новых местах переселенцы вступали в очередной – третий этап.

3. *Отправка рабочих дружин со скотом для проведения первых посевов.*

Чаще всего переселение семей происходило в два этапа – вначале отправлялись рабочие дружины для вспашки земель и проведения первых засевов, а уже затем переезжала вся семья. В разъяснениях Наркомзема говорится, что при формировании рабочих дружин их следует обеспечить тягловой силой из расчета 2 лошади на каждую семью и достаточными денежными средствами на возведение построек, приобретение сельскохозяйственного инвентаря и семян (хотя их можно взять и с собой). Норма обеспечения тягловой силой могла быть уменьшена, если дружины отсылаются от коллектива переселенцев. Везти с собой семенной материал можно было только при полной уверенности, что он будет пригоден на новых местах. Что касается семенного фонда на местах, то он создавался при предварительной договоренности между соответствующими губернскими сельхозуправлениями [8, лл. 43–44]. Параллельно с рабочими дружинами в местах выселения шла подготовка к окончательной эвакуации семей.

4. *Организация групп переселенцев и установление сроков их погрузки и отправки. Ликвидация хозяйств. Льготирование переселенцев*.

На уездные и губернские земельные органы возлагалась задача по организации переселенческих групп и разработке графика отправки переселенцев. В обязанности губерний выхода входило также оказание помощи переселенцам за счет местных средств.

Переселенцы переезжали только группами либо в нескольких вагонах, либо целыми эшелонами. И люди, и перевозимые животные проходили медицинский и ветеринарный контроль. Предусматривалось, чтобы места загрузки имели крытые помещения для временного размещения переселенцев, скота и имущества.

Прежде чем выехать, переселенцы должны были распродать свои дома, постройки и другое имущество. Поскольку это делалось в спешке, то и многое продавалось за бесценок. Часто покупателями были кулаки (здесь это слово используется в своем первоначальном смысле – перекупщики), которые затем все перепродавали по повышенным ценам. Именно тогда возникла идея укрепить остающиеся бедняцкие и малоимущие середняцкие хозяйства за счет выделения им ссудных кредитов на покупку продаваемого имущества переселенцев. Были выполнены расчеты размеров кредитных сумм на уезд (120 руб. на отчуждаемое хозяйство). Для правильного использования этого кредита предлагалось его выдавать по договорам, заключенным между покупателем и продавцом. Получая кредит, бедняки выкупали имущество переселенцев, а переселяемые получали помощь от государства.

Переселенцы пользовались льготными тарифами на проезд и провоз багажа (уплачивалась 1/4 от стоимости) и правом сдачи земли в аренду. Порядок арендной сдачи земли предусматривался отдельным циркуляром губземуправления [8, лл. 45–45об]. В местах вселений переселенцы освобождались от уплаты единого сельскохозяйственного налога и отбывания воинской повинности на срок от 3 до 5 лет. Кроме того, им предоставлялось право на получение кредита на переселение. Существовали и другие, местные, льготы. Так, например, переселенцам в Сибирь и на Дальний Восток бесплатно выдавали лесные материалы (строевой лес) на корню.

5. *Транспортировка переселенцев эшелонами или группами вагонов.*

Перед отправкой переселенцев из их числа подбирался комендант эшелона или группы вагонов, который получал инструктаж, и ему выдавалось удостоверение. Работу коменданта он выполнял без всякого денежного вознаграждения. Комендант эшелона получал на руки перевозные документы (накладные, билеты) и путевой лист (туда он заносил сведения обо всех затруднениях, задержках, происшествиях в пути, а также обо всех заболевших или отставших).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Комендант эшелона имел поименный список переселенцев с указанием мест назначения каждого из них. На отдельных станциях проводилась регистрация эшелона.

При движении эшелонов в Сибирь иногда возникали задержки, которые отрицательно воспринимались переселенцами («возникает ропот на распоряжение железнодорожных властей, вводящее переселенцев в чрезмерный расход» – пишется в одном из отчетов) [4, л. 34].

Как уже отмечалось, засуха в Поволжье и требование высокого уровня материальной обеспеченности, предъявляемое к переселяемым семьям (1300 руб. на семью) отрицательно сказались на результатах переселений 1924 г. В 1925 г. переселения приняли более широкий размах. По нарядам Наркомзема для Гомельской губернии было разрешено плановое переселение в Сибирь, на Дальний Восток и в Поволжье общей численностью 18 250 человек. По направлениям переселений это число разбивалось следующим образом: в Сибирь 11 000, на Дальний Восток – 5 000 и в Поволжье – остальные 2 250 чел. Кроме того, было разрешено внеплановое переселение – в Украину, Северный Кавказ и Крым. Суммарное число переселений вне плана неоднократно менялось в течение года, но можно все же остановиться на примерной цифре 6 500 человек, из них на Северный Кавказ – 5 000, в Крым – 1 200 и в Украину – 300 человек [9]. Как видим, в 1925 г. география переселений серьезно расширилась.

Нужно заметить, что постановлением Совнаркома Украины от 24 апреля 1924 г. было признано нецелесообразным дальнейшее переселение в республику из других регионов СССР. В документе отмечалось, что в Украинской ССР очень мало свободных земель и их недостаточно для распределения между украинскими крестьянами. Тем не менее, переселения в Украину продолжались и после обозначенной даты. Переселенцы находили возможность получать разрешения на переезд в Наркомземе в эту республику в частном порядке. Учитывая опыт 1924 г., когда большое число ходоков возвращалось без зачисления земли, в 1925 г. ходоки в своих поездках представляли число претендентов, значительно превышающее план переселений (таблица 2).

Таблица 2. Сведения по числу ходоков и переселенцев, отправленных из уездов Гомельской губернии в период с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 года [2, л. 107]

Наименование уездов	Ходачество			Переселение			
	Число ходоков	От числа семей	В них душ обоего пола	Число семей	С числом душ обоего пола	Одиноких душ обоего пола	Итого душ обоего пола
Гомельский	261	1772	12121	217	1099	167	1266
Клинцовский	292	1868	12868	269	1875	243	2118
Новозыбковский	196	948	6462	35	170	23	193
Стародубский	101	1135	7774	166	565	37	602
Речицкий	57	325	2397	27	126	24	150
Всего по губернии	907	6048	41622	714	3835	494	4329

Как видно из таблицы, 907 ходоков представляли собой боле 40 тыс. населения и эта цифра превышала суммарную возможность переселений в 1925 г. (18 250 чел. по плану плюс 6 500 вне плана). Однако ходоки всего зачислили земли на 10–12 тыс. едоков, что составляло только около 30 % от общего числа желающих выехать. Очевидно, что на местах переселения многое не удовлетворяло ходоков и поэтому они не решались зачислить за собой земли. В Табл. 2 также приведены некоторые данные по переселению крестьянских семей. Если ориентироваться на цифру зачисления земель ходоками, то выехали далеко не все семьи, которые зачислили за собой земли. Всего выехало 4 329 человек. Часть людей могла выехать

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

после октября 1925 г., но очевидно, что значительная часть людей не стала переезжать на зачисленные земли. Таким образом, переселения середины 1920-х гг. в Гомельской губернии были вызваны существенным аграрным перенаселением. Первоначально для переселений были предложены только свободные земли в Поволжье, а затем география была расширена.

Концепция переселений крестьянских хозяйств базировалась на добровольности принятия семьей решения о выезде. Поскольку государство было не в состоянии оказать переселенцам реальную помощь, то был установлен минимум имущественной и финансовой обеспеченности семьи, ниже которого она не допускалась к переселению. В то же время, к переселению стремились малоимущие семьи, которые больше, чем другие испытывали земельную недостаточность, но не имели требуемой материальной обеспеченности. Поэтому в переселении в основном участвовали семьи, имеющие определенный материальный достаток, и которые добровольно приняли решения на переезд.

Принятая схема переселений, сочетающая в себе добровольность в принятии решения на выезд и наличие в семье определенного материального достатка, имела невысокую эффективность. Так, за один год (с октября 1924 по октябрь 1925 гг.), выехавшие из Гомельской губернии ходоки представляли собой более чем 41 тыс. возможных переселенцев, но окончательно на новые места проживания выехала примерно 1/10 их часть (около 4,3 тыс. человек) (таблица 2). Более того, «окончательный выезд», не означает окончательного переселения этих семей. Можно уверенно говорить, что часть выехавших не смогла адаптироваться на новых местах, и через некоторое время они возвратились на родину.

Переселения сельского населения на окраины и на свободные земли в других регионах страны не являлись единственным способом решения проблемы малоземелья. Существовал и второй подход, заключающийся в интенсификации сельского хозяйства, когда то же количество продукции производилось меньшим количеством людей, и для этого требовалась меньшая площадь сельскохозяйственных земель. На использование такого подхода неоднократно обращал внимание Наркомзем в своих письмах, в которых местным земледельческим органам предлагалось развернуть работу по интенсификации хозяйств и никоим образом не поощрять их стремлений к переселениям.

Программа модернизации страны требовала принятия срочных мер по ускоренному развитию и переводу ее на индустриальные рельсы. Для этого требовался большой приток рабочей силы в промышленность. Эту силу можно было получить только за счет освобождения значительной части сельских жителей и переселения их в город. Освободить крестьян для работы в промышленности можно было лишь интенсифицируя сельскохозяйственное производство. Переселение крестьянских семей из одной части страны в другую, при котором не менялся основной вид их деятельности, не давало такой возможности.

При всей важности процесса индустриализации оставалась нерешенной вековая проблема малой хозяйственной освоенности восточных районов страны. Поэтому программа сельскохозяйственного переселения была приостановлена лишь на время. Во второй половине 1940-х гг., в дополнение к прежним, появились новые ее формы: колхозники из трудоизбыточных русскоговорящих районов переселялись преимущественно на территории, вошедшие в состав СССР по итогам войны. В этом процессе приняли участие и сельские жители образованной в 1938 г. Гомельской области. К 1970-м гг., по мере истощения трудовых ресурсов в местах выхода, произошел постепенный отказ от организованных сельскохозяйственных переселений.

Источники и литература

1 Платунов, Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск, 1976.

2 Государственный архив Гомельской области (ГАГом). - Ф. 325. - Оп. 1. - Д. 1160. - Лл. 101–107.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

3 ГАГО. - Ф. - 24. Оп. - 1. Д. - 84. Т. - 2. - Лл. 625–631.
4 ГАГО. - Ф. 13. - Оп. 1. - Д. 1376. - Лл. 29–34.
5 ГАГО. - Ф. - 24. Оп. 1. - Д. 321. - Лл. 15–17.
6 ГАГО. - Ф. 375. - Оп. 1. - Д. 1107. - Л. 18.
7 ГАГО. - Ф. 375. - Оп. 1. - Д. 1007. - Л. 150.
8 ГАГО. - Ф. 375. - Оп. 1. - Д. 1101. - Лл. 26–45.
9 ГАГО. - Ф. 24. - Оп. 1. - Д. 84. Т. 3. - Лл. 862–862об.

Zoya Alieksandrovich, Dzmitry Lin, O. Harbachou. **Peasant resettlement from the Gomel Gubernia in the mid 1920 's.** For example, the Gomel Gubernia analyzed Soviet resettlement policy in 1920-ies. The authors used the significant archival-documentary and statistical material, which reveal the redundancy of the agrarian population province at the turn of XIX-XX centuries, the concept of displacement, the practice of organizing them into phases. Showing the complexity and impact of resettlement campaigns, their impact on the prospects of modernization processes, in both agriculture and industry of the Gomel Gubernia.

УДК 94:327(43+4-11)"1925"

М.М. Мязга
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны

ЗМЕНЫ Ў МІЖНАРОДНАЙ СІТУАЦЫІ Ў ЦЭНТРАЛЬНА-УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ў СУВЯЗІ З ПАДРЫХТОЎКАЙ РЭЙНСКАГА ГАРАНТЫЙНАГА ПАКТА

У артыкуле разгледжана міжнародная сітуацыя, якая склалася ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе ва ўмовах падрыхтоўкі Рэйнскага гарантыйнага пакта. Выяўлены ўплыў, які гэты працэс аказаў на знешнюю палітыку СССР, Германіі і Польшчы, адносіны паміж імі.

У пачатку 1925 г. Германія звярнулася да Францыі і Вялікабрытаніі з прапановай заключыць пакт, які б гарантаваў германа-французскую і германа-бельгійскую граніцы, ўсталяваныя Версальскім дагаворам. Падпісанне такога пагаднення з'явілася б важнай вехай на шляху збліжэння Германіі з краінамі Захаду. Праектуемы пакт закранаў інтарэсы краін Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Адных, такіх як Польшча і Чэхаславакія, таму, што яны мелі агульную граніцу з Германіяй. Але ў той час памкненні Германіі да рэвізіі граніцы з Чэхаславакіяй практычна не прасочваліся, таму Прага спакойна рэагавала на падрыхтоўку Гарантыйнага пакта, і яе дыпламатыя не праявіла актыўнасці па гэтаму пытанню. Іншая справа Польшча. З моманту заключэння Версальскага дагавора Германія не хавала планаў пры спрыяльных умовах дабіцца перагляду ўсталяванай ім польска-германскай граніцы. Сярод дзяржаў рэгіёна, чые інтарэсы закранаў будучы пакт, быў і Савецкі Саюз. Гэта звязана перш за ўсё з тым, што ён даваў новы штуршок збліжэнню Германіі з Захадам, што не магло не паўплываць на рапальскі курс у савецка-германскіх адносінах. У дадзеным артыкуле мы зробім спробу ўстанавіць, як працэс падрыхтоўкі Рэйнскага гарантыйнага пакта ўплываў на сітуацыю ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе і палітыку вядучых дзяржаў гэтага рэгіёна.

Пры ацэнцы будачага дагавора выявілася супаддзенне пазіцый ўрадаў СССР і Польшчы, якія бачылі ў ім фактар, што прывядзе да пагаршэння міжнароднага становішча абедзвюх краін. Савецкае кіраўніцтва пры ацэнцы праектуемага Гарантыйнага пакта зыходзіла з таго, што ён уяўляе сабою спробу, перш за ўсё з боку Англіі, стварыць адзіны антысавецкі фронт еўрапейскіх капіталістычных дзяржаў з удзелам у ім Германіі. Германскі пасол у

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

Маскве У. Брокдорф-Ранцау паведамляў у Берлін, што перамовы аб Гарантыйным пакце адмоўна ўплываюць на савецка-германскія адносіны [1, с. 127].

Заклапочанасць польскага ўрада была выклікана ў першую чаргу тым, што ў прапанаваным Берлінам праекце Гараныйнага пакта адсутнічала ўпамінанне пра ўсходнія граніцы Германіі. Міністр замежных спраў Польшчы А. Скшыньскі ў сваім дакладзе аб міжнародным становішчы Польшчы ў студзені 1925 г. указаў на імкненне Вялікабрытаніі адарваць Германію ад СССР і далучыць яе да антысавецкай кааліцыі. Для гэтага Германія павінна атрымаць істотныя кампенсацыі. Прадаставіць іх брытанскі ўрад паспрабуе за кошт Польшчы ў выглядзе саступкі Германіі Верхняй Сілезіі і Паморья. Пры гэтым, па словах А. Скшыньскага, Вялікабрытанія выдатна разумеее, што нават пад пагрозай страты Сілезіі і Памераніі Польшча не пойдзе на саюз з СССР [2, л. 38]. У час выступлення ў сеймавай камісіі па замежных справах 26 лютага ён адзначыў, што Польшча не падпіша Гарантыйнага пакта, калі ў ім не будуць гарантаваны ўсходнія граніцы Германіі [3, s. 289–292]. У Маскве ведалі пра негатыўнае стаўленне Варшавы да германскай ініцыятывы. Паўпрад у Варшаве П. Войкаў у пасланні ў Маскву ад 18 лютага адзначаў крайнюю заклапочанасць А. Скшыньскага ў сувязі з перамовамі аб Гарантыйным пакце [2, л. 51].

З пачаткам перамоў аб Гарантыйным пакце палітыка СССР, Польшчы і Германіі, іх адносіны паміж сабою будуць у вялікай ступені вызначацца гэтым фактарам. Польская дыпламатыя лічыла неабходным дабіцца, каб у будучых пагадненнях былі ў роўнай ступені зафіксаваны міжнародныя гарантыі як для заходніх, так і для ўсходніх граніц Германіі. Для дасягнення гэтай мэты ўрад У. Грабскага асноўную стаўку рабіў на саюз з Францыяй. У сакавіку 1925 г. А. Скшыньскі накіраваўся ў Парыж, каб атрымаць ад французскага ўрада падтрымку польскай пазіцыі адносна будучага дагавора. Першапачаткова пазіцыя Францыі была спрыяльнай для Польшчы. Але ў далейшым урад Эрыо вымушаны быў кансалідавацца з пазіцыяй Вялікабрытаніі. Брытанская ж пазіцыя зводзілася да формулы, якую выразна сфармуляваў у лісце паслу ў Берліне ад 18 сакавіка міністр замежных спраў О. Чэмберлен: «Мы не возьмем на сябе ніякіх абавязательстваў адносна якіх бы та не было граніц, акрамя граніц паміж Германіяй з аднаго боку і Францыяй і Бельгіяй з другога» [4, с. 182]. Калі 6 ліпені А. Скшыньскі ў Парыжы сустрэўся з французскім калегай А. Брыянам, той заявіў, што Францыя не адмаўляецца ад абавязцельстваў аказваць ваенную дапамогу сваім усходнееўрапейскім саюзнікам, але не прыняў польскія патрабаванні адносна Гарантыйнага пакта. 7 ліпеня ў гутарцы з польскім паслом у Лондане К. Скірмунтам О Чэмберлен заявіў, што англійскі ўрад дзеля таго, каб зрабіць немагчымым заключэнне савецка-германскага палітычнага дагавора, гатовы задаволіць тэрытарыяльныя прытэнзіі Германіі да Польшчы з адначасовай кампенсацыяй апошняй у якім-небудзь іншым месцы [5, с. 64]. У канцы лета 1925 г. стала відавочна, што намаганні Польшчы з дапамогай Францыі дабіцца ўліку яе пазіцыі ў Гарантыйным дагаворы не прынеслі станоўчага выніку.

Савецкі Саюз ва ўмовах збліжэння Германіі з Захадам галоўным для сябе лічыў захаванне рапальскай палітыкі. Намаганні ў гэтым накірунку Масква стала прадпрымаць яшчэ ў 1924 г. перш за ўсё ў сувязі з афіцыйнай заявай германскага ўрада аб намеры дабівацца ўступлення ў Лігу нацый. 17 кастрычніка 1924 г. намеснік наркама замежных спраў СССР М. Літвінаў паведаміў германскаму паверанаму ў справах у Маскве аб гатоўнасці Савецкага Саюза заключыць з Германіяй дагавор, па якім ні адзін з бакоў не меў бы права ўваходіць у Лігу нацый без згоды другога [6, с. 490]. Германскі ўрад заявіў аб гатоўнасці пачаць палітычныя перамовы. Пры гэтым савецкае кіраўніцтва зыходзіла з таго, што рапальская палітыка ў многім трымаецца на антыпольскім грунце. 4 снежня ў гутарцы з германскім паслом у Маскве член калегіі НКЗС СССР В. Коп заўважыў, што “дасягненне паразумення” з Германіяй па польскаму пытанню з’яўляецца “вельмі пажаданным” і прапанаваў арганізаваць сумеснае выступленне супраць Польшчы, калі Германія не адмаўляецца ад сваіх тэрытарыяльных прытэнзій. У. Брокдорф-Ранцау адказаў, што Германія не можа адмовіцца ад сваіх тэрытарыяльных патрабаванняў, але ў цяперашні час абсалютна немагчыма дабіцца

гэтага сілаю. Германскі міністр замежных спраў Г. Штрэзаман падтрымаў прапанову аб абмеркаванні польскага пытання. Ён даручыў германскаму паслу сустрэцца з Г. Чычэрыным і давесці да яго германскую пазіцыю, якая зводзілася да аказання Германіяй і Расіяй нажыму на Польшчу з мэтай адцяснення яе да этнічных граніц. У ходзе гутаркі савецкі наркам у прынцыпе не адхіліў гэтай прапановы, але заявіў, што СССР шукае працягу супрацоўніцтва з Германіяй па ўсіх палітычных пытаннях [5, с. 64, 65].

Палітбюро ЦК УКП (б) 24 снежня 1924 г. абмеркавала пытанне аб перамовах з Германіяй і падтрымала пазіцыю Г. Чычэрэна, якая не адмаўляла сумеснага з Германіяй перагляду польскай грыніцы пры ўмове пагаднення па іншых пытаннях савецка-германскіх адносін, перш за ўсё, аб адносінах да Лігі нацый [7, с. 57]. У тыя ж дні СССР рыхтаваўся пачаць палітычныя перамовы і з Польшчай. У рашэнні Палітбюро ад 18 снежня гаварылася, што пры іх вядзенні не варта адмаўляцца ад прынцыпу выпраўлення граніц з Польшчай [8, с. 10]. Рашэнні Палітбюро ад 24 снежня былі пакладзеныя ў аснову савецкай прапановы аб заключэнні палітычнага дагавора, зробленай Германіі 25 снежня. Акцэнт у ёй рабіўся на неабходнасці ўключэння ў будучае пагадненне пункта, паводле якога СССР і Германія абавязваюцца каардынаваць свае дзеянні па пытанні аб уступленні ў Лігу нацый [9, с. 389]. Пры гэтым было відавочна, што пытанні ўступлення Германіі ў Лігу нацый і падпісання Гарантыйнага пакта непарыўна звязаны паміж сабою.

Савецка-германскія перамовы рухаліся з вялікім цяжкасцямі. Толькі 25 красавіка 1925 г. быў прадстаўлены афіцыйны германскі адказ на савецкія прапановы ад 25 снежня 1924 г. Фактычна яны былі адхілены [10, с. 249–254]. Для аказання ціску на Германію савецкае кіраўніцтва прыбегла да дэманстрацыі збліжэння з Польшчай. Тым больш, што і польскі бок быў гатовы да паляпшэння адносін з СССР. Польскі ўрад разлічваў тым самым аказаць ціск на заходнія дзяржавы, каб прымусіць іх улічыць польскія інтарэсы пры падрыхтоўцы Гарантыйнага пакта. Германія практычна не хавала намеру перагледзець грніцы на ўсходзе. 18 мая 1925 г. Г. Штрэзаман у прамове ў рэйхстазе падкрэсліў, што польска-германская граніца супярэчыць прынцыпу самавызначэння народаў, але Германія не будзе дабівацца яе перагляду гвалтоўным шляхам [11]. Абмеркаванне пытання аб змяненні граніц Польшчы з раздражненнем і заклапочанасцю ўспрымалася ў Варшаве. Прэм’ер-міністр У. Грабскі заявіў у сейме 29 красавіка, што Польшча добраахвотна не пагадзіцца на змены сваіх граніц, чаго дабіваецца Германія [12].

Яшчэ адзін момант, які штурхаў Польшчу да паляпшэння адносін з СССР – імкненне тым самым выклікаць дадатковыя супярэчнасці ў савецка-германскіх адносінах. Польская дыпламатыя разлічвала, што Г. Штрэзаман не здолее сумясціць Гарантыйны пакт і Рапальскі дагавор, у выніку чаго разамкнуцца “геапалітычныя ціскі”, у якія зацiснулі Польшчу Расія і Германія. У мемарандуме МЗС Польшчы ад 27 ліпеня 1925 г. ставілася задача супрацьдзейнічаць савецка-германскаму збліжэнню шляхам выкарыстання любых разнагалоссяў у іх адносінах і “забеспячэння якога б то не было ўдзелу ў пытанні выбару Германіяй пазіцыі “за” ці “супраць” Рапальскага дагавора [5, с. 64]. Такім чынам, меўся фундамент для пацяплення ў польска-савецкіх адносінах на фоне падрыхтоўкі Гарантыйнага пакта. Аднак польска-савецкія перамовы аб заключэнні дагавора аб ненападзе, якія адбываліся з пачатку 1925 г., закончыліся няўдачай у канцы сакавіка. Польскі бок настойваў на заключэнні СССР калектыўнага дагавора з Польшчай, балтыйскімі краінамі і Румыніяй. Масква бачыла ў гэтых планах Польшчы імкненне ўмацаваць яе ўплыў у рэгіёне, у прыватнасці, стварыць польска-балтыйскі блок [13].

Тым не менш, савецкае кіраўніцтва не адмаўлялася ад палітыкі паляпшэння адносін з Польшчай. Польскі ўрад у сувязі з няўдачамі ў адстойванні сваёй пазіцыі адносна Гарантыйнага пакта, таксама захаваў зацікаўленасць у збліжэнні з Савецкім Саюзам. 12 ліпеня 1925 г. у Берліне адбылася сустрэча К. Радака з польскім палітыкам Х. Таненбаўмам. Яны абодва не займалі ў той момант афіцыйных дзяржаўных пасад, таму сустрэча насіла неафіцыйны характар. К. Радак заявіў, што далучэнне Германіі да Гарантыйнага пакта павінна

Репозиторий ГГУ имени Ф. Скорины

змяніць адносіны Расіі і Германіі. Наступствам гэтых змен будзе польска-савецкае збліжэнне. Пры гэтым ён паведаміў, што германскае МЗС спрабавала весці з савецкім бокам гутарку на тэму падзелу Польшчы, але савецкія прадстаўнікі занялі на перамовах адмоўную пазіцыю. К. Радак назваў тры пункты, вырашэнне якіх павінна было спрыяць паляпшэнню польска-савецкіх адносін: 1) адмова Польшчы ад фінансавых прытэнзій да савецкага боку; 2) заключэнне польска-савецкага пакта аб ненападзе; 3) легалізацыя камуністычнай партыі ў Польшчы. У адказ Х. Таненбаўм настойваў на выкананні СССР фінансавых абавязацельстваў па Рыжскаму дагавору і заключэнні ім адначасова дагавораў аб ненападзе з Польшчай і балтыйскімі краінамі [5, с. 65].

Захоўваць перагаворны працэс з Польшчай кіраўніцтва СССР у многім прымушула сітуацыя, якая складвалася ў савецка-германскіх адносінах. Прычым асаблівую трывогу ў Маскве выклікала магчымасць, што ў праектуемым Гарантыйным пакце Германія прадаставіць дадатковыя гарантыі польскіх граніц. 15 красавіка адбылася гутарка германскага міністра замежных спраў з савецкім паўпрадам у Берліне М. Красцінскім, падчас якой германскі бок выказаў запэўненне, што будучы дагавор не накіраваны супраць СССР. Г. Штрэзаман адзначыў, што Германія пакідае за сабой свабоду рук у адносінах ўсходняй граніцы і будзе імкнуцца да яе рэвізіі ўсімі мірнымі сродкамі. У адказ на заўвагу М. Красцінскага, што Германія аб'ядноўваецца з Антантай супраць Расіі, Г. Штрэзаман запэўніў, што германскі ўрад ні разу не меў намеру аб'яднацца з Польшчай супраць Расіі [14, s. 512, 513]. Канцлер Г. Лютар 22 красавіка ў гутарцы з савецкім паўпрадам таксама спрабаваў пераканаць яго, што ўступленне Германіі ў Лігу нацый і яе ўдзел у падпісанні Гарантыйнага пакта не азначае канец рапальскай палітыкі, бо “збліжэнне паміж Германіяй і Расіяй, эканамічнае і палітычнае, дыктуецца аб'ектыўным станам рэчаў” [15, с. 428]. Але заявы германскага ўрада аб гатоўнасці працягваць супрацоўніцтва з СССР не задаволілі савецкае кіраўніцтва. 2 чэрвеня савецкі наркам замежных спраў накіраваў мемарандум германскаму міністру замежных спраў, у якім адзначаў, што ўступленне Германіі ў Лігу нацый без СССР азначала б яе далучэнне да “варожай нам групоўкі. Германія, нараўне з іншымі членамі Лігі нацый, павінна была б падтрымаць Польшчу, Фінляндыю і г. д. у выпадку канфлікту з савецкімі рэспублікамі. Гэта канец Рапальскай сістэмы” [9, с. 237].

Паколькі ў аснове савецка-германскага супрацоўніцтва ляжала агульнае імкненне “адціснуць Польшчы да яе этнічным межаў”, ва ўмовах хуткага збліжэння Германіі з Захадам яшчэ больш узрастала зацікаўленасць СССР у захаванні напружанасці ў польска-германскіх адносінах. Яе наяўнасць з'яўлялася адноснай гарантыяй таго, што Германія не пойдзе на разрыў з Расіяй. Таму савецкая дыпламатыя прыкладала вялікія намаганні, каб перашкаджаць любым пазітыўным зменам у адносінах паміж Варшавай і Берлінам. Паказальны ў гэтым плане ліст П. Войкова ў Маскву ад 22 мая, у якім ён з задавальненнем канстатаваў, што гандлёвыя перамовы паміж Германіяй і Польшчай “знаходзяцца на мёртвай кропцы” [2, л. 205]. У той жа час Масква спрабавала аказаць ціск на Берлін, пагражаючы супрацоўніцтвам з Польшчай. 13 чэрвеня ў гутарцы з Г. Штрэзаманам М. Літвінаў даў зразумець, што ў сітуацыі, якая склалася ў савецка-германскіх адносінах у сувязі з падрыхтоўкай Гарантыйнага пакта, СССР можа пайсці на збліжэнне з Польшчай і Францыяй [16, s. 95]. У канцы лета 1925 г. германскі ўрад прыйшоў да высновы, што ў польска-савецкіх адносінах назіраецца пацяпленне, сведчаннем чаго з’яўляецца, у прыватнасці, заключэнне дагавора аб вырашэнні пагранічных канфліктаў. Г. Штрэзаман пасля гэтага загадаў германскай дэлегацыі на гандлёвых перамовах у Маскве, якая планавала ад’езд у Германію, заставацца на месцы, і, “улічваючы палітычныя меркаванні, заключыць з рускімі які б то ні было дагавор”. Германія адмовілася ад тактыкі зацягвання перамоў з СССР [17, с. 137].

Істотную ролю ў развіцці міжнароднапалітычных падзей у Цэнтральна-Усходняй Еўропе адыгралі візіты Г. Чычэрына ў Варшаву і Берлін у канцы верасня – катрычніку 1925 г. Польскі ўрад актыўна дабіваўся прыезду савецкага наркама ў Варшаву. Дэманстрацыя збліжэння з СССР патрэбна была Польшчы, каб умацаваць свае міжнародныя пазіцыі, аказаць

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ціск на краіны Захаду і прымусіць іх больш лічыцца з польскімі інтарэсамі [18]. Са свайго боку, савецкае кіраўніцтва разлічвала з дапамогай гэтага візіта аказаць ціск на Германію, каб паскорыць перамовы аб заключэнні гандлёвага і палітычнага дагавораў. Г. Дзірксан у сваіх мемуарах пісаў, што прыпынак Чычэрына ў Варшаве па дарозе ў Берлін быў жэстам, які нагадваў шантаж [19, с. 87]. Трэба прызнаць, што разлікі савецкага кіраўніцтва апраўдаліся. Калі ўслед за Варшавай, Г. Чычэрын прыбыў у Берлін, Г. Штрэзаман у гутарцы з ім заявіў аб гатовасці Германіі падпісаць гандлёвы дагавор з СССР. 7 кастрычніка Г. Чычэрына прыняў прэзідэнт П. Гіндэнбург і паведаміў, што ён упаўнаважыў Брокдорф-Ранцау падпісаць гандлёвы дагавор з СССР [20].

У час перамоў у Берліне Г. Чычэрын у чарговы раз выказаў занепакоенасць, што падпісанне Германіяй Гарантыйнага пакта прывядзе да якога-небудзь, хай нават ускоснага, пацвярджэння германа-польскай граніцы. На гэта германскі міністр замежных спраў адказаў, што Германія ніколі не пойдзе добраахвотна на прадастаўленне гарантый Польшчы. 10 кастрычніка Г. Штрэзаман прадставіў Г. Чычэрыну мемарандум, у якім заяўлялася, у прыватнасці, што аб гарантыі ўсходняй мяжы Германіі ў праекце Гарантыйнага пакта няма і мовы [14, s. 515, 512]. Савецкае кіраўніцтва дарма апасалася надання гарантый граніцам Польшчы з боку Германіі па Гарантыйным пакце. Г. Штрэзаман у лісце былому кронпрынцу ад 9 верасня 1925 г. у якасці найбольш важных задач знешняй палітыкі Германіі назваў “вяртанне Данцыга, польскага калідора і карэктыроўку мяжы ў Верхняй Сілезіі” [14, s. 553]. Такім чынам, германскія планы, нацэленыя на рэвізію германа-польскай мяжы, не змяніліся, і, такім чынам, засталася аснова для рапальскага курсу. Як пісаў у сваіх мемуарах Г. Дзірксан, у аснове руска-германскай дружбы “ляжала агульная нелюбоў да свайго агульнага суседа – Польшчы” [19, с. 37].

12 кастрычніка 1925 г. быў падпісаны Маскоўскі гандлёвы дагавор паміж СССР і Германіяй. У Лакарна ў гэтыя ж дні Германія змагла дамагчыся для сябе адмысловых умоў выканання арт. 16 Статуту Лігі нацый. Яны пакідалі ёй свабоду рук у справе ўдзелу ў санкцыях, якія маглі б быць ужытыя гэтай арганізацыяй у дачыненні да СССР. Тым самым Г. Штрэзаману ўдалося сумясціць Рапала і Лакарна. Берлінскі савецка-германскі дагавор аб нейтралітэце ў поўнай меры прадэманстраваў магчымасць сумяшчэння гэтых двух ліній у германскай палітыцы, што было неабходна для паступовай мірнай рэвізіі Версальскага дагавора, да чаго імкнулася дыпламатыя Г. Штрэзамана. Савецкае кіраўніцтва ў той час таксама захоўвала курс на разбурэнне Версальскай сістэмы, у якой, па яго меркаванню, Лакарна мала што змяніла. І. Сталін, выступаючы ў снежні 1925 г. на 14 з'ездзе УКП (б), заявіў, што Лакарнскія пагадненні не сцерлі супярэчнасці паміж пераможанымі і пераможцамі, а толькі абвастрылі іх. Далей ён адзначыў, што Лакарна з'яўляецца працягам Версалю і нацэлена на захаванне статут-кво, створанага пераможцамі [21, с. 13–14]. Тым самым захавалася база для далейшага працягу рапальскай палітыкі.

Такім чынам, падрыхтоўка Гарынтыйнага пакта аказала істотны ўплыў на знешнюю палітыку вядучых краін Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Яна падштурхнула працэс польска-савецкага збліжэння, які пачаўся ў 1924 г. Але карэнных змен да лепшага ў польска-савецкіх адносінах не адбылося. Звязана гэта ў многім з тым, што абодва бакі разглядалі паляпшэнне адносін паміж сабой не столькі як самамэту, а больш як тактычны ход, які павінен быў садзейнічаць вырашэнню знешнепалітычных задач на іншых напрамках. Перамовы аб Гарантыйным пакце парадзілі шэраг новых праблем у савецка-германскіх адносінах, узнікла пэўная пагроза для рапальскай палітыкі. Але захаванне агульнай антыверсальскай і антыпольскай палітыкі дзвюма дзяржавамі дазволіла ім справіцца з цяжкасцямі ў двухбаковых адносінах і захаваць цеснае супрацоўніцтва. У 1925 г. адбылося рэзкае абвастрэнне польска-германскіх адносін. Ва ўмовах падрыхтоўкі Гарантыйнага пакта Германія адчула, што

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Вялікабрытанія і Францыя ў прынцыпе не выключаюць магчымасці перагляду польска-германскай граніцы мірнымі сродкамі. Гэта прывяло да актывізацыі германскай палітыкі ў гэтым накірунку, і Германія ўжо не хавала свойго імкнення перагледзіць свае ўсходнія граніцы, абапіраючыся на падтрымку СССР і добразычлівае стаўленне заходніх краін. Польскай дыпламатыі не ўдалося дабіцца ні перагляду на сваю карыць палажэнняў Гарантыйнага пакта, ні краху рапальскай палітыкі ў адпаведнасці са спадзяваннямі на немагчымасць для Германіі сумяшчаць Гарантыйны і Рапальскі дагаворы. У той жа час аслабла дзейснасць польска-французскага саюза.

Крыніцы і літаратура

1. Трухнов, Г. М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора. 1922–1926 / Г. М. Трухнов. – Мн. : Изд. БГУ, 1979. – 183 с.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. Оп. 32. П. 217. Д. 52667.
3. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. W. 2 t. T. 1. – Warszawa: Inst. Wyd. Pax., 1989.
4. Турок, В. Локарно (5–16 октября 1925 г.) / В. Турок. – М. : Госполитиздат, 1949. – 321 с.
5. Бобенко, О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: От противостояния к сотрудничеству / О. В. Бобенко. – М. : [Б. и.], 2007. – 223 с.
6. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 7. . – М. : Госполитиздат, 1963. – 740 с.
7. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. – М. : «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 960 с.
8. Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1945. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1997. – 144 с.
9. Советско-германские отношения. 1922–1925 гг. Документы и материалы. В 2 ч. Ч. 2. – М. : Издательство политической литературы, 1977. – 408 с.
10. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 8. . – М. : Госполитиздат, 1963. – 862 с.
11. Известия. 1925. 20 мая. № 113. (2446).
12. Известия. 1925. 1 мая. № 98. (2431).
13. Мязга, М. М. Польска-савецкія перамовы аб дагавору аб ненападзе ў 1924–1926 гг. // Веснік БДУ. Серыя 3 – Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1996. – № 1. – С. 47–51.
14. Stresemann, G. Vermachtnis / G. Stresemann. In 3 b. B. 2. – Berlin: Ullstein Von Henri Bernhard, 1932. – 611 s.
15. История дипломатии / Под редакцией А. А. Громыко. В 5 т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1965. – 831 с.
16. Kaminski, M. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918–1939 / M. Kaminski. – Warszawa: Mlodziezowe Agencja Wydawnicza, 1987. – 120 s.
17. Никонова, С. В. Очерки европейской политики Германии в 1924–1929 годах / С. В. Никонова. – М. : Наука, 1977. – 373 с.
18. Мязга, М. М. Візіт наркама замежных спраў СССР Г. В. Чычэрына ў Варшаву восенню 1925 г. / М. М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2015. – № 1 (88) – С. 37–41.
19. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Г. Дирксен. – М. : «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 446 с.
20. Известия. 1925. 9 октября. № 231. (2564).
21. Четырнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет. – М. – Л. : Госиздат, 1926. – 789 с.

Mikalai Miazga. Changes of international situation in Central-Eastern Europe caused by the preparation of Rhineland Guarantee Pact. The article discusses the international situation in Central-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ имени Ф. СКОРИНЫ

Eastern Europe during the preparation of Rhineland Guarantee Pact. It is established how preparation of the pact affected relationship among USSR, Germany, and Poland, and how it impacted their foreign policy.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

УДК 94:316.473=112.2:316.647.8=411.16"192/193"

В.П. Пичуков
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЕВРЕЯ В СРЕДЕ СЕЛЬСКИХ НЕМЦЕВ БССР МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

В 1920 – 1930-е гг. большинство сельских немцев БССР компактно проживало в Мозырском Полесье. В статье освещаются факторы формирования социального стереотипа еврея в глазах местного немецкого крестьянина. Акцентируется этническая персонификация конкретных насильственных мероприятий советской власти в немецкой среде.

В национально-смешанной среде характер межнациональных отношений является значимым социально-политическим фактором. В этом плане весьма показателен регион Мозырского Полесья, где в 1920-30-е гг. «соседствовало» еврейское и немецкое население.

По данным на 1925 г. в Наровлянском районе проживали 1541 еврей и 2017 немцев. В 1931 г. из 44109 чел. населения района евреи насчитывали 1700, немцы – 2464 чел. По информации на 1932 г. при сохранении этих же показателей общего количества населения и численности еврейского населения число местных немцев составляет 3104 чел. [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 5. - Л. 198; Д. 161. - Л. 11; 2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 15].

Однако, констатируя соотносимость количества населения этих национальностей в пределах района, отметим особенность их локализации, влиявшую на частоту повседневных контактов. По переписи 1926 г. в сельской местности отмеченного района проживал 241 еврей и 1934 немца. При этом в местечке Наровля – 1357 евреев (из всего числа населения в 2513 чел.) и 6 немцев [3, с. 220]. Т.е., евреи устойчиво и компактно проживали в основном в местечке и дисперсно (рассредоточено) – в сельской местности. Немцы, наоборот, жили в сельских поселениях – колониях (Березовка, Антоновка, Осиповка, Майдан, Красиловка). В 1925 г. в Березовском национальном немецком сельсовете насчитывалось 1194 немца и 8 евреев. Аналогичная картина наблюдалась и в другом наиболее крупном анклаве местных немцев – Анзельмовском (Роза Люксембургском) сельсовете Ельского (Каролинского) района. Официальная статистика фиксирует здесь в 1925 г. 279 немцев при отсутствии еврейского населения [4, с. LVIII, LXVI]. Таким образом, можно предположить, что в обыденной жизни, имевшиеся этнические стереотипы этих групп населения в отношении друг друга, корректировались не их устойчивым массовым общением, а общим вектором трансформации социокультурной жизни социума.

Проживание в одном регионе неизбежно вызывало контакты в хозяйственной сфере. Еще в период «военного коммунизма» местные евреи и немцы испытали на себе экономическое насилие власти. Так, в списке «Лесопромышленников, спекулянтов и торговцев» Дерновичской волости, на которых было «возложено» выполнение чрезвычайного государственного налога в апреле 1919 г., в числе 22 человек значатся 16 евреев и 1 немец. Данная диспропорция в значительной степени объясняется тем обстоятельством, что немецкая община еще не восстановилась как количественно, так и хозяйственно после депортации местных немцев царской властью в 1915 г. В аналогичном списке, утвержденном в октябре 1919 г., в числе 8 человек значатся 3 немца и 1 еврей [5, Ф. 865. - Оп. 1. - Д. 2. - Л. 12-13; Д. 1. - Л. 46-46об.].

Принципиальное отличие имело проведение коллективизации в среде еврейского и немецкого населения. Еще в начале 20-х гг. землеустройство евреев, наделение их землей, решение социально-экономической проблемы местечка изначально связывалось с коллективными формами хозяйствования. До конца 20-х гг. еврейские национальные

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

колхозы в количественном плане занимали лидирующие позиции в общей статистике коллективных хозяйств БССР.

Обозначая экономическую стабилизацию еврейских колхозов в Мозырском округе на 1927 г., местная власть во многом связывала этот процесс с развитием молочного животноводства. При этом отмечалось, что скот закупается в соседней украинской Волыни и в немецких колониях округа [1, Ф. 69. - Оп. 1. - Д. 258. - Л. 130-130об.]. К этому добавим, что немецкая община Белорусского Полесья явилась результатом миграции немецких крестьян-колонистов с Волыни в начале XX в., а немецкие хозяйства традиционно были ориентированы на молочное животноводство. Немецкие крестьяне являлись наиболее стойкими и последовательными противниками насильственной коллективизации. Начало более-менее массового создания колхозов в их среде относится к 1934 г. и связано с политическими репрессиями, голодом 1933-1934 гг. [6].

Вышеизложенные обстоятельства в какой-то степени объясняют следующий факт. В отчете Анзельмовского национального немецкого сельсовета в ЦИК БССР, датированном 14 декабря 1929 г., отмечается: «Маюцца моманты антысэмітызму і нацыяналізму з боку нямецкай часткі насельніцтва, напрыклад: «Жыды выдумалі каляктывы» і інш.» [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 92. - Л. 67]. На наш взгляд, здесь явное «передергивание» ситуации, смещение властью акцента из социальной в этническую плоскость. Отмеченная характеристика имеет не этническую, а социальную направленность. Термин «жиды» здесь - не обобщение еврейской этничности, а - олицетворение власти в лице ее непосредственных представителей еврейской национальности, в том числе проводивших коллективизацию.

О реальном характере совместного еврейско-немецкого «колхозного строительства» свидетельствует сюжет с сельскохозяйственной артелью «Путь революции» в Анзельмовском сельсовете. Ее организацию в марте 1931 г. инициировали 8 человек, в том числе: 1 немец – секретарь сельсовета и 3 еврея (2 служащих и 1 рабочий), остальные – бедняки. Имея на всех из имущества несколько десятин земли и несколько коров (у евреев - организаторов артели имущества вообще не было), «новоявленные колхозники» просили районное руководство «выдзяліць зямельны масыў калгасу ў колькасьці: 50 гэктараў пахаці, 30 га сенажаці, папасу [выпасу? – В.П.] – 75 га, усяго – 155 га». Проверявшая Ельский район в октябре этого же 1931 г. бригада партийно-советских работников высшего звена из Минска информировала, что колхоз состоит из 23 хозяйств (14 украинских, 6 белорусских, 1 польское, 1 еврейское и 1 немецкое). Причем немецкое хозяйство принадлежало секретарю сельсовета, «які ўвёў у калгас не сябе, а толькі гаспадарку». Как видим, на данном этапе не отмечается увеличения в колхозе ни еврейского, ни немецкого населения. В сентябре 1934 г. в колхозе из 48 хозяйств было 7 немецких [7, Ф. 72. - Оп. 1. - Д. 298. - Л. 1-2, 4; 2, Ф. 6. - Оп. 1. - Д. 2932. - Л. 55; 1, Ф. 3465. - Оп. 2а. - Д. 304. Л. 38].

Гармонизации еврейско-немецких отношений не способствовало несоответствие характера советизации населения этих национальностей, по крайней мере, в рассматриваемом регионе. Ярко выражено различались общественная активность, темпы формирования партийно-советской управленческой элиты. В представленной таблице наглядна разница в динамике членства евреев и немцев в парторганизации Наровлянского района:

Члены ВКП(б) / Годы	1927 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Евреи	22	30	39	36
Немцы	1	-	-	2
Общее количество членов парторганизации	71	96	130	183

[1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 263. - Л. 10; Д. 127. - Л. 34].

В комсомольской организации этого же района в 1931 г. состояло 111 евреев и 5 немцев [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 127. - Л. 35].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В кампании по перевыборам сельсоветов Наровлянского района в 1930 г. приняло участие 67% от всего числа избирателей. При этом, как отмечал инструктор Нацкомиссии ЦИК БССР, «из нацменьшинств самое высокое участие на перевыборах имело еврейское население – 82% и самое низкое немцы – 51%» [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 15].

Это соответствовало индифферентному отношению немецкого населения к советскому официозу в целом. Весьма показательна статистика явки населения разных национальностей Мозырского округа на выборы местных советов в 1930 г. (в % от общего количества населения данной национальности): русские – 91,7 %, белорусы – 60,4 %, евреи – 61,3 %, поляки – 54,8 %, украинцы – 56,7 %, латыши – 100 %, немцы – 46,9 % [7, Ф. 60. - Оп.1. - Д. 717. - Л. 38].

В государственной национальной политике 1920-х гг. и в ее составной части – «белорусизации», и в политике в отношении национальных меньшинств большое внимание уделялось формированию кадров руководящих работников разных национальностей. Тем не менее, в сфере руководства часто наблюдалась картина значительного количественного преобладания работников и служащих – евреев.

В документе под названием «Сведения о национальном составе советского аппарата, обслуживающего население Наровлянского района» (1927 г.) из 379 служащих было 263 белоруса, 66 евреев, 21 поляк, 6 русских, 10 немцев, 11 украинцев и 2 человека «других» национальностей. При этом служащие-немцы в основном были представлены работниками немецкого сельсовета (4 чел.) и местного сельскохозяйственного кооперативного общества (3 чел.). Характерны пометы председателя местного райисполкома рядом с цифрами количества евреев-служащих ряда учреждений и организаций: Наровлянское потребительское общество (12 евреев из 17 служащих) – «нездорово», Наровлянское сельскохозяйственное кооперативное общество (11 из 14) – «безобразно», культурно-просветительские учреждения (3 из 6) – «много» [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. Д. 263. - Л. 48].

Не случайна соответствующая реакция и местных немцев. В этом же 1927 г. на собрании в Анзельмовском сельсовете по обсуждению очередных заготовок сельскохозяйственной продукции для сдачи государству, количество и объем которых возрастали и тяжелым бременем ложились на крестьянские хозяйства, были высказывания: «Советская власть нас душит, грабит … послала к нам евреев и коммунистов и мы должны их здесь кормить своим потом» [8, Д. 17070-с].

Усиливалась этническая персонификация конкретных социально-экономических неурядиц. Неудовлетворительная работа потребительской кооперации в районе, недостаточное обеспечение разно-национального населения необходимыми товарами вызывали реакции типа: «Жиды пользуются кооперацией, лучший товар попадает местечку» (1928 г.). Мы не исключаем подобных настроений и в немецкой среде. В марте 1930 г. работник ЦИК БССР, инспектировавший немецкие сельсоветы Мозырского округа, отмечал, что в Роза Люксембургском сельсовете «на каждом собрании раздаются нарекания на отсутствие товаров и высказывается мнение, что раньше было лучше, так как у еврея-торговца в Житомире можно было достать товаров хоть на 2 млн. рублей (до войны [первой мировой. – В.П.]) эти немцы жили в Житомирской губ. [уезде. – В.П.]» [1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 61а. - Л. 43; 7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 15]. Приведенные примеры также иллюстрируют социализацию образа одного этноса в среде другого в силу менявшихся социальных обстоятельств.

Адаптируясь в целом к советскому политическому режиму, немцы по большому счету с апатией и безразличием относились ко всему, не связанному с их семейным благополучием, с жизнью религиозных общин. В 20-е годы у власти не было оснований обвинять немцев в противостоянии режиму. Характерна официальная констатация в 1930 г.: «Вернее всего политическое состояние населения сельского совета [Роза Люксембургского. – В.П.] будет определено, если население назвать аполитичным». Различные органы власти, в том числе местное ОГПУ, отмечали в 1930 г., начале 1931 г. «весьма лояльное выполнение

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

всякого рода распоряжений и постановлений органов Советской власти, в особенности уплаты налогов. Как правило, немецкие колонии выплачивают налог задолго до срока, среди них не было обнаружено ни одной антисоветской группировки, ни одного враждебного выступления». «Разные кампании и задания Советской власти выполняются с немецкой аккуратностью» [7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 15; 2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 249. - Л. 14; Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 20].

Однако усиление командного, насильственно-репрессивного стиля руководства нарушило диалог, складывавшийся между немцами и властью на основе устраивавших обе стороны экономических отношений. Росло латентное сопротивление немцев режиму.

Основой экономической стабильности немцев в период Нэпа были молочные кооперативные общества, охватившие практически все немецкие хозяйства. Данная сфера производственной деятельности немецкого населения была уникальна. В 1929/30 г. молочная кооперация Анзельмовского сельсовета выработала 88,7% всего масла, произведенного в Ельском районе [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 109. - Л. 12об.]. А район насчитывал 14 сельсоветов.

Педантичные и законопослушные немцы, которые, по заявлению властей, «привыкли точно выполнять всякого рода постановления, но в то же время требуют такого же точного выполнения обещаний со стороны органов власти», убедились, что власть нарушает равновесие взаимообязательств. В ряде официальных документов отмечалось, что «главным источником доходов для немцев-колонистов является обработка молочных продуктов, а не земледелие, вследствие чего немецкий крестьянин принужден покупать хлеб и другие ... продукты». При этом власть, «принуждая немцев продавать свои молочные изделия только в кооперацию», допускала сбои в снабжении немцев хлебом, другими продуктами питания, промтоварами, концентрированными кормами для коров, снижала цены за сдаваемое молоко. Естественно, что немецкое население было недовольно. Абсурдность ситуации признавалась даже органами ОГПУ: «Выходит, что сдавая в кооперацию все излишки своего молочного хозяйства по твердым ценам, немцы-колонисты должны покупать хлеб на частном рынке по спекулятивным ценам» [2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 249. - Л. 9-10; Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 19; Д. 111. - Л. 9; 7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 10, 12, 50].

Чаша терпения была не бездонна у покладистых немцев. Как отмечала власть, с 1927 по 1931 г. молочная артель Роза Люксембургского сельсовета периодически прекращала свою работу. В 1930 г. немцы вновь сократили количество сдаваемой молочной продукции, а 16 июля 1930 г. прекратили сдачу молока. Эта «забастовка» (по определению властей) продолжалась несколько дней до нормализации (отметим, что временной) снабжения населения промтоварами. Протестные настроения нарастали. В 1931 г. в немецкой среде проводилась агитация за прекращение работы маслобойного завода: «Если крестьяне будут сдавать молоко, то на завод для работы пришлют еврея, который им и будет управлять и уничтожит крестьянское добро» [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 109. - Л. 12об.; 7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 50; 8, Д. 17070-с].

Во время голода 1933-1934 гг., охватившего и белорусское Полесье, местные немцы явились инициаторами обращения за помощью в зарубежные гуманитарные организации. По линии Торгсин присылались продуктовые посылки, деньги (в основном, немецкие марки). Наряду с расширением территории движение приняло интернациональный характер. Кроме немецкого населения в нем участвовали местные белорусы, украинцы, поляки, чехи. Пресекая эту «антисоветскую» акцию, власть проводила аресты, выносились карательные приговоры [9; 10]. В этой обстановке весьма характерным выглядит вопрос, заданный немцами представителю районного руководства на собрании в Березовском сельсовете 8 октября 1934 г.: «Почему евреи получают американские доллары [традиционная помощь из-за границы. – В.П.] и на них не сердятся, а на немцев за марки кричат» [1, Ф. 4286. - Оп. 2а. - Д. 37. - Л. 595].

Серьезным препятствием в практике советизации немецкого населения являлся языковой барьер. Значительная часть сельских немцев не знала русского и белорусского

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

языков. Вместе с тем катастрофически не хватало партийно-советских работников, владеющих немецким языком. Не случайно Мозырский окружной отдел ОГПУ отмечал в 1930 г., что в немецких колониях «за все время революции не было ни одного доклада на немецком языке о Советской власти» [2, Ф. 4. - Оп. - 21. - Д. 249. - Л. 13].

Не оправдывались надежды власти, связанные с советской культурно-просветительской работой местных хат-читален. Проверяющий из Минска докладывал в 1930 г., что в Роза Люксембургском сельсовете «сам хатник [заведующий хатой-читальней. – В.П.] –еврей, мало знает немецкий язык, в результате чего крестьяне-немцы почти что совсем не посещают хату-читальню». Не менялась ситуация и в последующие годы. По свидетельству власти на апрель 1934 г., «на днях прибыли в Наровлянский район 5 избачей, но среди них нет ни одного немца, а только евреи и белорусы». В июне этого же года Полномочный представитель ОГПУ БССР Заковский докладывал в ЦК КП(б)Б о невыполнении решения партийного руководства республики «об усилении немецких сельсоветов крепкими работниками партийцами и комсомольцами». «В Березовский сельсовет вместо немцев были присланы три еврея, которые работу нисколько не улучшили» [7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 26; 2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 655. - Л. 21; Оп. 3. - Д. 168. - Л. 307].

В результате – заведующий хатой-читальней Березовского сельсовета Шляфер, по информации местного НКВД на декабрь 1934 г., местными немцами «игнорируется как еврей» [1, Ф. 4286. - Оп. 2а. - Д. 57. - Л. 7]. Остается только предполагать, какая составляющая - этничность, членство Шляфера в ВЛКСМ или недостаточное знание немецкого языка была доминирующей в данной оценке. Скорее всего – все вместе. В 1935 г. Шляфер ходатайствовал перед районным начальством о переводе его на педагогическую работу, желательно – в Биробиджан [1, Ф. 4286. - Оп. 2а. - Д. 95. - Л. 329-329об.].

В конце 20-х - 30-е гг. в условиях насильственной коллективизации, голода 1933-1934 гг., гонений на религию, многочисленных арестов усиливается отстраненность немецкого населения от окружающей жизни в ее официальных проявлениях. Немцы ушли во «внутреннюю эмиграцию», замкнулись в своем национально-религиозном социокультурном пространстве, в котором усливается значение их родного языка. Неродные белорусский и русский языки все больше ассоциируются с коммуникационной функцией официального насилия. Вместе с тем, в обстановке нарастания тоталитаризма, немцы, как могли, отстаивали необходимость уважительного отношения к своей этничности. Уже в 1926 г. партийное руководство Ельского района оценило как «шовинистическую тенденцию» требование населения Анзельмовского сельсовета присылать докладчиков-немцев. В 1929 г. на собрании в этом сельсовете в адрес представителя районной избирательной комиссии прозвучала реплика: «Говори по-немецки». «Если коммунисты хотят быть в сельсовете, то пусть и говорят по-немецки» – заявление в сельсовете в 1932 г. Вынужденные вступать в колхозы под давлением голода и репрессий властей, немцы в 1934 г. требовали создания «самостоятельного национального колхоза». В этом же году на собрании в Березовском сельсовете немцы потребовали от «избача»-докладчика выступать на немецком языке, который, «в связи с незнанием такового делать доклад на немецком языке отказался». В страшном 1937 г. немцы Березовского сельсовета сорвали собрание («начали оставлять зал»), узнав, что местный «хатник», еврей Нодельман, будет говорить по-русски [8, Д. 17070-с; 1, Ф. 3465. - Оп. 1а. - Д. 175. - Л. 54; Д. 195. - Л. 11; Оп. 2а. - Д. 304. - Л. 26; Ф. 69. - Оп. 4. - Д. 69. - Л. 39; 2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 655. - Л. 21].

Национальное чувство обострялось, как ответная реакция на попытки из немцев этнических сделать немцев советских. В такой психологической атмосфере отмеченные «социальные пересечения» с властью в лице ее представителей еврейской национальности усиливали сформировавшийся социальный стереотип еврея в глазах местного сельского немца. В этом смысле весьма типичным выглядит показание свидетеля – в прошлом секретаря Роза Люксембургского сельсовета, немца по национальности на допросе в НКВД в 1936 г. при расследовании деятельности «контрреволюционной группы из немцев-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

единоличников – активных сектантов». По его словам, возглавлявший эту «группу» Э.Лейске в 1935 г. высказывался: «Мы, немцы, страдаем потому, что власть захватили евреи» [8, Д. 17113-с].

Известные нам официальные документы позволяют констатировать наличие бытового антисемитизма в немецкой среде. Так, в 1930 г. учитель из Березовского сельсовета, «бывший австрийский пленный», подал в суд на человека, сказавшего ему: «Ты не немец, а австрийский жид». «Учитель-антисемит» отмечается в этом же сельсовете в 1931 г. Опять же учительница Березовской немецкой школы называла служащего местного сельпо Коробочку – «Проклятый жид» (1932 г.) [7, Ф. 60. - Оп. 1. - Д. 723. - Л. 13; 2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 104. - Л.24; 1, Ф. 4286. - Оп. 1а. - Д. 161. - Л. 400].

Вместе с тем отметим следующее. В целом спектр отношений немцев к иноэтничному населению варьировался от дружественности до подчеркнутой холодности. Во многом это определялось памятью (обидой) о разорении местным населением их хозяйств после депортации 1915 г. Власть, столкнувшись со стойким неприятием немцами колхозов и вообще противостоянию советизации, формировала общественное мнение в направлении абсолютизации немецкой «замкнутости на национальной и религиозной почве», «напряженных взаимоотношениях» между немцами и остальным населением. Речь шла даже о «национальной ненависти» со стороны немцев, «развитом немецком шовинизме». В качестве доводов приводились эпитеты, даваемые немцами белорусским крестьянам, - «grauen» («серый»), «Wickelfußer» («лапотник», «мужик»), категорический отказ «коллективизироваться с белорусскими крестьянами». В 1931 г. об этом писалось в республиканской газете «Савецкая Беларусь»: «Немцы лічаць сябе многа вышэй за беларусаў, ніякай сувязі з беларусамі ня маюць». В 1935 г. бюро Ельского РК КП(б)Б отмечаяет «праявы нямецкага нацыяналізма» в Роза Люксембургском сельсовете: «Асабліва харакцерны выкрыкі ў час пажара па адрасу беларусаў: Яны, «Швайны» [Schwein (свинья). – В.П.], выступаюць супроць нашых» [2, Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 249. - Л. 9, 12; Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 109. Л. 2; 11, 23 жніўня; 1, Ф. 3465. - Оп. 2а. - Д. 358. - Л. 64].

Мы не исключаем существовавших не совсем лестных характеристик, трений на бытовой почве, что представляется довольно универсальным явлением в национально-смешанной среде. Так, в 1929 г. председатель Березовского сельсовета, немец по национальности, информировал Национальную комиссию ЦИК БССР по специально присланной анкете: «Нямецкі шавінізм развіт». В качестве примера приводится частный случай, когда немцы заболотировали кандидата от чешского населения в местный Комитет крестьянской общественной взаимопомощи [2, Ф. 701. - Оп. 1. - Д. 92. - Л. 136].

Однако корректней признать отчужденность немцев к той части местного социума, которая являлась послушным исполнителем официальной политики, не одобряемой немцами, и, тем более, проводником этой политики. Насильственная коллективизация, гонения на религию немцами однозначно связывались со Злом. Поэтому, дело не в упоминаемых властью белорусских крестьянах, а в нежелании немецкого населения вообще «коллективизироваться», терять свободу. Те же немцы, негативно относясь к советской немецкой школе из-за ее брутального атеизма, соответственно проецировали это отношение и на немцев-учителей. Выше упоминаемая бригада партийно-советских работников отмечала в октябре 1931 г., что положение присланных в Роза Люксембургский сельсовет «нямецкіх настаўнікаў цяжкае, у сувязі з тым, што іх як камсамольцаў немцы на стол не прымаюць [не представляют пропитание. – В.П.] » [2, Ф. 6. - Оп. 1. - Д. 2932. - Л. 55].

Местные же евреи, как правило, выглядели в глазах немцев знаковым выражением насильственной советизации. Аналогичный процесс проходил и в самой еврейской среде, где термин «евсеки» (члены еврейских секций партийного руководства различных уровней) олицетворялся с насилием над традиционной еврейской этнокультурой.

В целом местные евреи и немцы представляли собой на локальном уровне два этнических полюса одного социума в его болезненной трансформации. Социальный образ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

еврея в немецкой среде был лишь частью разно векторного видения одного населения другим.

Источники и литература

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области.
2. Национальный архив Республики Беларусь.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том X. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: ЦСУ Союза ССР, 1928.
4. Отчет-справочник Мозырского Окружного Исполнительного Комитета БССР. 1925. - Мозырь, 1925.
5. Государственный архив Гомельской области.
6. Пичуков В.П. Немецкое население БССР и коллективизация сельского хозяйства // Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры. Мат. III междунар. научной конф. 12-14 окт. 2006 года. - Брест, 2007. - С. 75-80.
7. Зональный государственный архив в г. Мозыре.
8. Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области.
9. Пичуков В.П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур. Матер. междунар. научно-теорет. конф. - Витебск, 2001. - С. 103-105.
10. Пичуков В.П. Немецкое население Мозырского Полесья в условиях голода 1932-34 гг.: экологический и социальный аспекты // Гомельщина: Экологические проблемы региона и пути их решения. Мат. Гомельской обл. научно-практической конференции. - Гомель, 2004. - С. 79-84.
11. Савецкая Беларусь (Орган ЦВК і СНК БССР). –1931.

Viktar Pichukou. Social image of the Jew among BSSR rural Germans in the interwar period. In 1920-1930-ies most BSSR rural Germans concentrated in the Mozyr Polesye. The article highlights the factors shaping the social stereotype of the Jew in the eyes of local German farmer. Ethnic personification of specific violent actions of Soviet power in the German environment is accented.

УДК 341.43«1939–1941»(438)(476)

Д.М. Толочко
Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР (СЕНТЯБРЬ 1939–1940)

В статье исследуется вопрос национализации промышленности западных областей республики в сентябре 1939 – 1940 гг. Автор приходит к выводу, что национализация содействовала росту объемов производства, ликвидации безработицы. Наряду с этим национализация всех мелких и части средних предприятий не была в полной мере оправдана. Последние, перейдя в собственность государства, работали зачастую неэффективно и не могли полностью обеспечить потребности региона в товарах широкого потребления.

В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. Оно стало важнейшим шагом на пути создания

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

белорусской государственности. Актуальность темы данной работы связана с тем, что на сегодняшний день в отечественной и зарубежной литературе отсутствуют исследования, в которых основательно исследуются социально-экономические аспекты интеграции Беларуси в период с сентября 1939 по июнь 1941 гг. В советское время наблюдалась искусственное замалчивание отдельных просчетов, имевших место при осуществлении социально-экономических преобразований в регионе. В то же время в современной отечественной и зарубежной историографии зачастую имеет место обратное: необоснованная критика политики советской власти в крае.

С первых дней существования новой власти перед ней встали разнообразные вопросы, которые требовали немедленного разрешения. В регионе в связи с военными действиями стояли предприятия, не работали магазины, учреждения культуры. В этой связи требовалось обеспечить население продовольствием, наладить медицинское обслуживание, организовать торговлю, возобновить работу промышленных предприятий и т.д. [1, с. 9].

Во втором пункте приказа командующего войсками Белорусского фронта М.П. Ковалева об организации Временных управлений на территории Западной Беларуси отмечалось, в частности, следующее: «Приказываю Временным управлениям срочно привести в действие все предприятия и учреждения, которые должны обслуживать население» [2, л. 55]. В соответствии с этим документом 19 сентября 1939 г., например, Барановичское Временное управление издало расширенное постановление, в котором говорилось о запрещении повышения цен на продукты питания, владельцам предприятий предлагалось в срочном порядке запустить их. Временное управление города Гродно 24 сентября 1939 г. созвало специальное совещание владельцев предприятий, магазинов, складов, на котором было предложено немедленно организовать их работу [3, с. 2].

Результаты подобных мероприятий не замедлили сказаться. Значительная часть промышленных предприятий и учреждений торговли в регионе к началу октября 1939 г. начали исправно функционировать. Так, по сообщению органов НКВД БССР, к 25 сентября 1939 г. в городе Вильно приступили к работе табачная фабрика, маслодельный завод, мельница, скотобойня, конфетная фабрика, кожевенный завод. В Гродно были пущены в эксплуатацию кожевенный, фанерный, кирпичный и пивоваренные заводы [4, с. 166]. Наряду с этим следует отметить, что отдельные Временные управления, в частности, в Ошмянском, Поставском районах, не приняли своевременных мер по организации работы промышленных и торговых предприятий [5, л. 6-7].

Первым этапом на пути национализации промышленных предприятий стала организация на них рабочих комитетов, куда входили передовые рабочие, инженеры. Часть местных инженерных работников оказала значительную помощь в организации производства. Например, инженер целлулоидной фабрики города Гродно сумел уберечь ее от попыток разрушения и, благодаря ему, «все хозяйство фабрики – отмечалось в донесении органов НКВД БССР – находится в исправном состоянии» [4, с. 170]. Рабочие комитеты осуществляли контроль за производством, сбытом продукции, деятельностью владельцев предприятий.

Необходимо отметить, что этот контроль был весьма значительным. Владельцы предприятий являлись собственниками скорее номинально. Они не могли устанавливать цены на произведенную продукцию, увольнять рабочих, регулировать заработную плату и т.д. В этой связи можно привести характерный пример. В городе Белостоке часть собственников предприятий начали осуществлять продажу выпускаемой продукции рабочему персоналу по относительно невысоким ценам. По этому поводу секретарь ЦК КП(б)Б Н.Г. Грекова на совещании представителей Временных управлений заявила: «Хозяева заводов хотят показать, что они хорошие и разбазаривают рабочим по сниженным ценам текстиль и другую дефицитную продукцию…Это является недопустимым. Может быть, надо послать наших уполномоченных на эти предприятия…предупредить хозяйчиков, что если впредь такие случаи будут иметь место, они будут привлечены к высшей мере наказания» [6, л. 47] .

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Наряду с этим руководство БССР не исключало возможности проведения национализации тех промышленных предприятий и торговых учреждений, владельцы которых бежали либо по каким - то причинам не приступали к работе [7, л. 12]. Значительная часть владельцев предприятий и особенно частных торговцев не торопились открывать свои промышленные и торговые предприятия в большинстве своем, как отмечали органы НКВД, по причине «боязни прогореть в новой обстановке» [4, с. 164]. Кроме того, случаи явного саботажа со стороны указанного контингента были также нередким явлением. Например, только в Гродненском уезде к 13 октября 1939 г. из-за отсутствия сырья не работало 9 винокуренных заводов. В то же время, согласно данным органов внутренних дел, владельцы этих предприятий умышленно не производили заготовку сырья. Гродненский стеклозавод также не функционировал на полную мощность. «Хозяин завода объясняет это положение отсутствием необходимых химикатов в то время, как они имеются в большом количестве», – отмечалось в донесении наркома внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавы на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко [8, л. 78]. Вместе с тем следует отметить, что указанные выше попытки саботажа со стороны владельцев предприятий не приобрели массового характера.

Первым официальным документом, в котором говорилось о необходимости проведения национализации банков и крупных промышленных предприятий, стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии» от 1 октября 1939 г. Согласно этому документу, Народные собрания Западной Украины и Беларуси должны были принять соответствующие решения [9, с. 79].

В этой связи 5 октября 1939 г. П.К. Пономаренко направил А.А. Жданову свои предложения по поводу национализации промышленных предприятий в регионе. Здесь предлагалось передать в собственность государства все лесопильные предприятия, коммунальные электростанции, типографии, картографические фабрики независимо от их мощности и количества рабочих. Национализации подлежали также крупные мельницы, предприятия текстильной промышленности, которые имели механическую силу не менее 20 л.с. и не менее 40 человек рабочих [10, л. 212-214]. По-видимому, руководство страны одобрило эти предложения, так как они без всяких изменений легли в основу постановления бюро ЦК КП(б)Б от 14 октября 1940 г. «О национализации крупных промышленных предприятий Западной Белоруссии». Затем это постановление, как и предусматривалось решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 октября 1939 г., получило юридическое оформление в принятой Народным собранием Западной Беларуси «Декларации о национализации банков и крупной промышленности».

Через 12 дней после окончания работы Народного собрания, т.е. 11 ноября 1939 г., бюро ЦК КП(б)Б постановило национализировать все предприятия текстильной и лесной промышленности вне зависимости от их мощности и численности на них рабочей силы. Для руководства отраслью было решено организовать государственный текстильный трест в городе Белостоке. Затем, согласно решениям бюро ЦК КП(б)Б от 20 ноября 1939 г. и 1-2 декабря 1939 г., в регионе началась национализация всех предприятий полиграфической, металлообрабатывающей, легкой и химической промышленности. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О национализации промышленных предприятий на территории Западной Белоруссии», принятый в декабре 1939 г., юридически закрепил национализацию всех отмеченных выше категорий промышленных предприятий [9, с. 119-121].

Основная роль в этом процессе отводилась Временным управлениям. Согласно отмеченному выше указу, им вменялось в обязанность создать специальные комиссии численностью от 3-х до 5-ти человек. В их состав должны были войти члены Временных управлений, представители фабрично-заводских комитетов и наркоматов, в ведении которых находилось данное предприятие [9, с. 120]. Так, 10 ноября 1939 г. Временное управление города Кобрина рассмотрело вопрос «О национализации крупной промышленности в г. Кобрине и уезде». С докладом выступил заведующий промотделом Ганзбург. На заседании было принято решение о национализации Кобринского лесозавода «Кресы» со всем

Репозиторий ГГУ имени Ф. Скорины

имуществом, принадлежащим заводу, включая и жилые дома. В постановлении предусматривалось осуществить данное мероприятие в течение 10 дней [9, с. 122-123].

Однако не всегда Временные управления своевременно справлялись с возложенными на них задачами. Например, на заседании Временного управления Кобрина от 10 ноября 1939 г. главным был вопрос о неприятии мер по национализации промышленных предприятий. В частности, шел разговор о необходимости определения конкретного состава лиц, ответственных за национализацию, о сложностях, которые не давали возможности проведения ее в срок [11, с. 212]. Вместе с тем наблюдались и обратные случаи, когда Временные управления, чтобы ускорить процесс «советизации» экономики в Западной Беларуси, национализировали предприятия без всяких на то директив. В этих условиях вышестоящие инстанции настоятельно просили местное руководство проводить национализацию только после принятия соответствующих постановлений, к которым обязательно должна была прилагаться характеристика предприятий [9, с. 122-123].

Следует отметить, что решения бюро ЦК КП(б)Б о национализации всех предприятий текстильной, лесной, легкой промышленности Западной Беларуси противоречили декларации Народного собрания «О национализации банков и крупной промышленности». В этом документе предлагалось национализировать только крупные предприятия региона. Более того, в конце декабря местные органы власти начинают национализацию предприятий тех отраслей, которые не были предусмотрены постановлениями руководства республики. Имеются в виду небольшие частные мельницы, предприятия пищевой промышленности т.д.

К февралю 1940 г. процесс национализации промышленности в Западной Беларуси был завершен. В собственность государства перешли не только крупные, но и мелкие предприятия, численность которых не превышала 2- 3 рабочих. Только в одной Белостокской области было национализировано 685 предприятий [12, с. 34], в Брестской – 214 [13, л. 103]. Национализированные предприятия расширялись, переоборудовались, приобретали специализацию. К концу 1940 г. предприятий, в которых насчитывалось менее 5 человек, в регионе фактически не существовало, а с количеством рабочих от 5 до 127 человек осталось только 127. Фабрик и заводов с численностью рабочих от 20 до 100 насчитывалось 157, от 100 до 500 рабочих – 92, от 500 до 1500 – 16 предприятий [14, с. 109].

Вместе с тем необходимо отметить, что национализация мелких и части средних предприятий, которые производили товары широкого потребления, была ошибкой. Пследние, перейдя в собственность государства, работали зачастую недостаточно эффективно и не могли в полной мере обеспечить потребности населения региона в товарах широкого потребления. В качестве примера можно привести данные о выполнении производственного плана первого квартала 1940 г. по западным областям республики. Предприятия табачной отрасли выпустили продукции только на 73, 6% от плана, маслобойной – 44, 6%, кондитерской – 38, 1%, хлебобулочной – 45,4% [15, л. 54-55]. Вилейским обкомом на протяжении 1940 г. регулярно заслушивались вопросы развития пищевой и местной промышленности в области. В принятых резолюциях отмечалось совершенно неудовлетворительная работа предприятий данных отраслей. Это было неудивительным за 1940 г. производственные планы спитзаводов области, рыбтреста, мясокомбината и других предприятий пищевой и местной промышленности не были выполнено в полном объеме [16, л. 1-4].

Подобная ситуация объяснялась различными причинами: несвоевременным завозом сырья для предприятий региона, отсуствием квалифицированных руководящих кадров и др. Так, в Радошковичском районе Вилейской области известковый завод долгое время простаивал из-за нехватки дров. В Вилейке, как отмечалось в отчете Вилейского обкома, кожевенный завод не работал из-за отсутствия «человека, который пустил бы его в ход». В Ильенском районе Вилейской области после национализации картонной фабрики руководство Наркомлеса закрыло на ней две пилорамы, после чего предприятие оказалось на грани остановки. В этой же области исправно работал фанерный завод. «Наркомлес принял

Репозиторий ГГУ имени Ф. Скорины

этот завод и, не успев принять, вывез два пресса неизвестно куда. Завод стоит», - отмечалось в докладной секретаря Вилейского обкома П.З. Киселева [17, л. 4]. На руководящие должности национализируемых предприятий назначались в большинстве своем работники, присланные из Восточной Беларуси и других регионов СССР. Некоторые из них не имели достаточной квалификации. Так, главным механиком на Пинской спичечной фабрике долгое время работал некто Шапиро, который перед этим был снят с аналогичной должности на фабрике по производству спичек «Везувий». Заведующей аналитической лабораторией была назначена его жена, которая «по приезду на фабрику вмешалась в работу производственной лаборатории и по ее вине произошло 4 случая ожога рабочих» [18, л. 267].

Неудивительно, что в регионе наблюдались значительный рост цен на промышленные товары первой необходимости, нехватка их в свободной продаже, процветала спекуляция. Так, если началу сентября 1939 г. пара мужских ботинок на рынке стоила порядка 7 рублей, костюм – 25-30, то к середине 1940 г. их цена составила соответственно 100 и 400 рублей [19, л. 48].

Наряду с этим следует подчеркнуть, что национализация крупных и средних предприятий торфодобывающей, лесной, текстильной и др. видов промышленного производства была целиком оправдана. Перейдя в собственность государства, эти предприятия повысили эффективность своей работы. Так, в 1940 г. в западных областях было произведено около 43 % всего объема древесины в республике, 49 % пиломатериалов, 54 % цемента, 98 % шерстяных тканей, 32% хромовой и другой мягкой кожи и т.д., удалось практически полностью ликвидировать безработицу, объем валовой продукции увеличился на 195,7 % [14, с. 109].

Таким образом, хотелось бы отметить следующее. Политика «советизации» экономики региона начала проводиться уже с первых дней установления здесь советской власти. Инициатором ее проведения было партийного руководство страны и республики. Центральное место среди осуществленных в сфере экономики мер была национализация промышленности. Результаты ее были в целом позитивны. Это рост объемов производства, ликвидация безработицы. Наряду с этим национализация всех мелких и части средних предприятий не была оправдана. Последние, перейдя в собственность государства, работали зачастую недостаточно эфффективно и не могли полностью обеспечить потребности населения региона в товарах широкого потребления.

Источники и литература

1. Ладысеў, У. Ваенныя падзеі ў лесе беларускага народа / У. Ладысеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999 г. - №3. – С. 3 – 11.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). - Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 1741. Переписка с Белорусским Военным округом и воинскими частями
3. Советская Белоруссия. – 1939. – 29 сентября.
4. Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939-1941. - Warszawa - Moskwa: Oficyna Wydawnicza «Rytm», 2001. – 724 s.
5. Государственный архив Минской области (далее: ГАМО). Ф. 659. Оп. 1. Д. 306. Докладные, спецсообщения и переписка с органами НКВД и милиции.
6. НАРБ. - Ф. 4. - Оп. 21. Д. 1561. Стенограмма совещания, проведённого секретарём ЦК КП(б)Б Грековой в г. Белостоке.
7. Там же. - Д. 1748. Стенограмма совещания председателей Временных управлений Западной Белоруссии.
8. Там же. - Д. 1683. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД.
9. Беларуская нацыя: уз’яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г.: Зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт. – уклад. У.Ф. Ладысеў. – Мінск: Бел. дзярж. ун-т, 2004. – 199 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

10. НАРБ. - Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 1521. Проекты постановлений ЦК КП(б)Б и СНК БССР, в основном, по Западной Беларуси и материалы к ним.
11. Галімава, Н.П. Да пытання аб развіцці прамысловасці і сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі пасля уз'яднання з БССР / Н.П. Галімава, М.В. Кудзін // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт канф., Мінск, 17-18 верасня 1999 г. / Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – С. 211 – 216.
12. Бальшавік Беларусі. - 1940. - № 6.
13. ГАМО. - Ф. 659. - Оп. 1. - Д. 569. Информации о важнейших фактах в жизни местных парторганизаций.
14. Палуян, У. Сацыяльна-эканамічныя і культурныя ператварэнні (1939 – 1950 гг.) / У. Палуян // Назаўседы разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. - Мінск: Бел Эн. - 1999. - С. 109-115.
15. НАРБ. - Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 1509. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам
16. Там же. Д. 573. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам
17. НАРБ. - Ф. 4. - Оп. 21. - Д. 1941. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам
18. Там же. - Д. 2075. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД БССР
19. Там же. - Д. 1940. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам

Dzmitry Talochka. The activities of soviet power for the nationalization of industry in the western regions of the BSSR In this article there was studied the question of the Republic western regions industry nationalization in September of 1939 – 1940. The author came to the conclusion that nationalization favored the industry volume rise, liquidation on unemployment. At the same time nationalization of the small enterprises was not justified in full measure. The latter ones having passed into state property, often worked ineffectively and could not meet the region's requirement in consumer goods.

УДК 94(477):63(091)

О.О. Захарченко
Миколаївський національний
університет імені В. О. Сухомлинського

«НОВИЙ АГРАРНИЙ ПОРЯДОК» НІМЕЦЬКО-РУМУНСЬКИХ ОКУПАНТІВ УКРАЇНИ (1941–1944)

У прадстаўленым артыкуле праведзены аналіз рэалізацыі «новага аграрнага парадку» на тэрыторыі Украіны ў перад акупацыі яе тэрыторыі нямецка-румынскімі захопнікамі. Разглядаюцца захады акупацыйнай ўлады па ўвядзенню аграрнай рэформы, яе этапы і прычыны правалу.

Аграрна політика німецько-румунських окупантів донедавна досліджувалась вибірково і обмежено. В останні роки доступ до раніше засекречених архівів дозволив впритул наблизитись до наукової розробки даної теми. Значно розширена джерельна база дозволила простежити складне і суперечливе коло питань щодо практичної реалізації «нового аграрного порядку» на тимчасово окупованій території України. Завдання даної статті полягає у тому,

РЕПОЗИТОРІЙ ГДПУ ІМЕНІ Ф.СКОРИНИ

щоб показати виняткове місце Південної України в колонізаторських планах нацистів, розглянути особливості здійснення аграрної політики у цьому регіоні, її трансформацію в залежності від перебігу подій на радянсько-німецькому фронті.

В нацистських планах завоювання і освоєння «життєвого простору» особливе місце займали Південь України і Крим. На нараді 16 липня 1941 р. А. Гітлер заявив: «Крим із прилеглими територіями (область північніше Криму) мають стати областю імперії. Ці прилеглі райони повинні бути якомога більшими»[8, с. 162]. За участь у війні на боці рейху Румунії, фюрер пообіцяв віддати Одесу, хоча проти цього висловились Г. Герінг і А. Розенберг. Неабияку активність в наміченій колонізації Північного Причорномор'я і Криму виявив рейхсфюрер СС Г. Гіммлер, який хотів створити на цих землях заселену есесівцями область «Готенгау» [4, с. 28-29]. Роздачею землі і розселенням есесівців займалося спеціально створене ще задовго до агресії Головне управління раси і поселень Ру СХА [6, с. 9]. Для пришвидшеної аграрної колонізації краю і економічного освоєння південноукраїнських степів керівництво Третього рейху збиралося задіяти виховану в нацистському дусі молодь-членів Гітлерюгенду і спілки німецьких дівчат БДМ, які з моменту приходу до влади нацистів проходили обов'язкову щорічну сільськогосподарську практику. Саме молоді багатодітні селянські сім'ї представників вищої «нордичної раси» мали заселити, обжити і назавжди витіснити з рідної землі «неповноцінне» у расовому відношенні місцеве населення. Крім вихідців із рейху до аграрної колонізації планували залучити близьких до «істинних арійців» за «нордичними» ознаками данців, норвежців, шведів, голландців, британців. На територію кримського півострова фюрер мріяв пересилити вихідців із австрійського Тіроля, тому й призначив австрійця А. Фрауенфельда генерал-комісаром округу «Крим». Нацистський вождь не з ким не хотів ділитися перлиною Причорномор'я. Коли у серпні 1941 р. до Вермахту долучилися для ведення спільних дій італійські війська, Гітлер у таємному наказі командуючому 11-ю німецькою армією Шоберту розпорядився ні за яких обставин й близько не допускати італійський корпус, що увійшов до складу цієї армії до бойових дій у Південній Україні і використовувати союзників якомога далі від узбережжя Чорного моря [3, с. 12]. Зазіхали на землі Північного Причорномор'я і румунські завойовники. Маршал Антонеску пообіцяв щедро нагородити українською землею вояків румунської армії. За наказом помічника ставки румунського верховного командування генерала Тетеряну у військових частинах напередодні вирішальних боїв за Одесу почали складати списки солдат і офіцерів охочих заволодіти земельними наділами в Придністров'ї та Прибужжі [7, с. 22]. З дозволу фюрера румунські загарбники майже три роки хазяйнували у так званій «Трансністрії» (території у межиріччі Дністра і Південного Буга) тільки на період окупації. Знаючи про тимчасовість свого перебування у Причорномор'ї, румунські окупанти й поводилися відповідно, намагаючись максимально спустошити сільськогосподарські ресурси регіону для задоволення своїх колосальних потреб у продовольстві та сировині. Тому аграрна політика румунських загарбників була цілковито спрямована на тотальне хижацьке пограбування українського села. У цьому відношенні румунська армія навіть перевершила Вермахт, особливо під час відступу з Північного Причорномор'я навесні 1944 р. Тільки для діючих на території України військових частин румунське командування розраховувало щорічно, шляхом грабунку і реквізиції, одержувати 94 500 т. картоплі, 31 000 т. фуражу, 206 500 т. кормів для коней, 135 500 т. картоплі [2, с. 292].

Головним завданням і основною метою нацистської аграрної політики було налагодження безперебійного постачання продовольством і сировиною Вермахту і рейху. За рахунок сільськогосподарських ресурсів України цілковито утримувались і союзні Німеччині румунські, італійські, угорські, словацькі і хорватські війська. Конкретні форми аграрної політики до війни не розроблялись. Остаточне вирішення аграрного питання відкладалося на післявоєнний період. В ході ж війни окупантами проводилась політика, яка мала чимало протиріч і завжди пов'язувалась з перебігом подій на радянсько-німецькому фронті та з рухом Опору на підконтрольній німецько-румунським завойовникам території. Запроваджуючи

«новий аграрний порядок», нацисти сподівалися вирішити одразу три ключових завдання: економічне, політичне та ідеологічне. Якщо в економічному відношенні аграрна політика мала задовольнити колосальні потреби у продовольстві та сировині, то її політичний аспект полягав у тому, щоб шляхом поступової, поетапної заміни колективного господарювання одноосібним привернути на свій бік українське селянство, як ту категорію населення, що найбільш постраждала від сталінщини в роки розкуркулювання, насильницької колективізації та голодомору 1932-1933 років і тим самим знайти в ньому, або хоч серед певної його частини, спільника й вагому опору в боротьбі з радянським підпільно-партизанським рухом. В ідеологічному контексті нацистські «аграрні реформатори» шляхом роздачі частини захопленої землі у приватну власність, намагалися внести розлад та дезорганізацію в лавах Червоної Армії та радянського тилу. В аграрній політиці окупантів у Північному Причорномор'ї чітко простежуються три основні етапи. Перший етап (з серпня 1941 р. по січень 1942 р.) характеризує політику військової і цивільної окупаційної влади в умовах «бліцкрігу» і до його провалу; другий – в період затяжної війни (лютий 1942 р. – липень 1943 р.), й третій, заключний етап, пов'язаний з великим загальним відступом німецько-румунської армії на південній ділянці Східного фронту, коли ворожі зайди вдалися до варварської тактики «випаленої землі» -- тотальної руйнації, грабунку і спустошення промисловості і сільського господарства краю. Особливо жахливі часи настали безпосередньо перед самісіньким визволенням Південної України від загарбників – у лютому – квітні 1944 року.

На першому етапі аграрної політики в умовах «блискавичної війни», захопивши за доволі короткий час значні території України, оголосивши всю завойовну землю власністю Третього рейху і взявши курс на створення воєнних поселень німецьких колоністів, гітлерівське керівництво вважало доцільним, передусім з економічних міркувань, зберігати деякий час велике сільськогосподарське виробництво, яке утворилося в Україні у передвоєнні роки. У своєму вузькому оточені Гітлер наполягав, що за будь-яких обставин слід повністю підпорядкувати собі існуючу колгоспну систему, створену Сталіним, оскільки вона давала змогу встановити абсолютний контроль за сільськогосподарським виробництвом, збором, вилученням і відправкою до Німеччини великих партій продовольства та сировини.

У грудні 1941 р. Червона Армія перейшла у контрнаступ під Москвою. «Бліцкріг» з тріском провалився. На окупованій території ширився партизанський рух. У війну з рейхом вступила найпотужніша держава світу – США. На початку 1942 року утворилася антигітлерівська коаліція. Ці обставини докорінно змінили ситуацію. Військове протистояння набуло затяжного, тривалого, виснажливого характеру. Все це змусило Гітлера все ж дозволити Розенбергу провести в дію «новий аграрний порядок» (Neue Agrarordnung), оголошений рейхсміністром 15 лютого 1942 року. Згідно указу колгоспи перетворювалися на громадські господарства (Gemeinwertschehaften), радгоспи на державні маєтки (Staatsguter), МТС – на опорні пункти. Другий етап реформи передбачав перетворення частини громадських господарств, які виконають поставки, до статусу сільськогосподарських кооперативів (Landbaugenossenschaften). На третьому етапі реформи передбачалося створення обмеженої кількості одноосібних селянських господарств (Einizelwirtschaften). Весь сільськогосподарський інвентар розподілявся по «десятихатках», на чолі яких стояв призначений окупантами бригадир, контроль за бригадами здійснював сільський староста. У румунській зоні окупації – губернаторстві «Транснітрія» (Одеська область, південні райони Вінницької і західні райони Миколаївської областей), аграрний закон був проголошений 14 березня 1942 р. згідно розпорядження №55 І. Антонеску – Г. Алексяну. За цим законом колишні колгоспи перетворювалися в трудові громади, а радгоспи – на державні ферми. Трудові громади ділилися на трудові бригади, які в середньому нараховували по 20-30 сімей. За ними закріплювалося близько 200 га землі [5, с. 188].

Велику увагу завойовники приділяли ідеологічній обробці населення. До десятої річниці голодомору 1932-1933 років практично в усіх україномовних газетах багато матеріалів було надруковано про цю трагедію українського селянства. Загальноукраїнський часопис

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

«Український хлібороб» (щотижневик накладом 250 000 примірників), закликав «селян віддячити своїм визволителям від колгоспного ярма сумлінною працею». Починаючи з весни 1942 р. масовим тиражем видавались брошури «Питання і відповіді по земельній реформі», «До нового життя», «Про новий порядок землекористування». Лише в травні 1942 р. в РКУ було розповсюджено 275 000 кольорових плакатів, 259 000 брошур, 415 000 листівок і пам'яток, 924 000 стінгазет, які доводили переваги «нового аграрного порядку». Окупанти дозволили місцевим колабораціоністам створювати товариства «Сільський господар». У грудні 1942 року було надруковано сільськогосподарський календар на 1943 рік «Край чорнозему», який прославляв аграрну політику нацистів [5, с. 188].

Для швидкого впровадження «нового аграрного порядку» командуючий тиловим районом групи армій «Південь» 6 травня 1942 р. видав наказ про створення так званих «Особливих штабів аграрної реформи», які мали вести роз'яснювальну роботу для реалізації аграрної реформи. Щоб покращити пропагандистський ефект щодо виголошеної реформи, співробітник рейхсміністерства окупованих східних областей доктор Тауберт 6 травня 1942 р. надіслав Розенбергу службову записку про необхідність виготовлення документального фільму, який мав довести населенню усі переваги аграрного порядку. 25 травня 1942 р. розпорядженням відділу військової адміністрації створено спеціальний штаб «Новий аграрний порядок» при головній групі сільського господарства у Полтаві на чолі з доктором Шиллером. 19 червня 1942 р. економічний штаб «Схід», головна група сільського господарства ухвалили розпорядження «Практичне здійснення нового аграрного порядку». В ньому німецькі пропагандисти мали в першу чергу наголошувати, що основним змістом «нового аграрного порядку» є поступовий перехід від колективного до одноосібного господарювання в межах кооперативів (хліборобських спілок). В РКУ в 1942 р. до цієї категорії господарств станом на 1 грудня перейшло 10,4% громадських господарств [1, с. 186]. Грандіозними були і плани нацистів по економічному і господарському освоєнню засушливих районів Південної України. Це ще раз говорить про виняткове значення цього регіону, оскільки більше ніде на окупованій радянській території за час окупації вони не планували нічого подібного. 30 липня 1942 р. на ім'я рейхскомісара Е. Коха надійшла пам'ятна записка відносно зрошення Південної України і Криму водами Інгульця і Південного Бугу. План зрошувальної системи подавався на окремій карті з усіма подробицями і розрахунками. Відкриття першої черги зрошувальної системи планувалося на осінь 1943 р. Оскільки степові райони Північного Причорномор'я завжди страждали від суховіїв, у липні 1942 р. окупанти видали розпорядження про висадку лісосмуг. Для покращення вивозу зібраного урожаю в рейх генерал-комісар Миколаєва Е. Оперман 28 вересня 1942 р. видав наказ про будівництво вузькоколійних залізниць в генеральній окрузі «Миколаїв» [5, с. 190-191]. Таким чином, на другому етапі аграрної політики нацисти намагалися налагодити економічне життя для подальшого ведення війни, розпочали господарське освоєння Північного Причорномор'я, але не для покращення життєвого рівня селянства, а виключно для більш ефективної експлуатації сільського господарства у власних цілях і закладення фундаменту для повоєнної колонізації краю вихідцями з рейху.

Катастрофа Вермахту і військ союзників на берегах Дону і Волги спричинила нову, ще більш суттєву військово-політичну кризу в керівництві Третього рейху. Намагаючись негайно виправити скрутне становище перед вирішальною битвою світової війни на Курські дузі, нацисти неабияк активізували зусилля на негайному вирішенні аграрного питання шляхом приватизації землі. Перед початком операції «Цитадель», з дозволу фюрера, рейхсміністр окупованих східних областей А. Розенберг вкотре за війну спробував розіграти чергову козирну карту, оголосивши від імені рейху 3 червня 1943 р. «Декларацію німецького уряду про приватну власність селян на землю». Цей документ обіцяв надати землю не тільки селянству, а й тим, хто перебував на примусових роботах у Німеччині (остарбайтерам) і навіть червоноармійцям, закликаючи їх до масового дезертирства напередодні Курської битви.

Але вносити будь-які зміни було вже запізно, оскільки Червона Армія, розгромивши на Курській дузі добірні німецькі війська, остаточно захопила ініціативу і перейшла у рішучий

наступ по всьому фронту. Тому заключний, третій етап аграрної політики позначився відвертим хижацьким пограбуванням і нищенням сільськогосподарських ресурсів України. Відступаючи з Лівобережної України і Донбасу, за наказом фюрера окупанти здійснювали варварську тактику «випаленої землі» - тотально спустошуючи українську землю, піддаючи усе руйнації та знищенню. «Новий аграрний порядок» не дав очікуваних результатів і зазнав цілковитого краху. Українське село нацистським «аграрним реформатором», попри всі їхні намагання, так і не вдалося звабити і здолати.

Джерела та література

1. Миколаївщина в роки Великої Вітчизняної війни: 1941-1944. - Миколаїв: КВІТ, 2004. - 503 с.
2. Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941-1944: В 2 кн. Кн. 1. Борьба в подполье. – К.: Наукова думка, 1985. – 400 с.
3. Петров Б. Н. Как делили Украину Гитлер и Муссолини / Б. Н. Петров//Военно-исторический журнал. – 1992. - №6. – с. 10-15.
4. Родионов В. «Истинные арийцы». Расовые мифы Гитлера / Владимир Родионов. – М.: Яуза–пресс, 2012. – 384 с.
5. Селянство Півдня України: історія і сучасність. Збірка доповідей Всеукраїнської наукової конференції. – Миколаїв: МДУ, 2003. – 240 с.
6. Семенов К.К. Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение/ Константин Семенов. – М.: Яуза – пресс, 2007. – 288 с.
7. Шульга З. П. Українське селянство не буде в фашистській неволі / З. П. Шульга. – Уфа: Видавництво АН УРСР, 1942. – 36 с.
8. Ямпольский В. П. «… Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер. 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937-1945 гг. / Владимир Ямпольский. – М.: Кучково поле, 2008. – 656 с.

Alexei Zakharchenko. "New agrarian order" German-Romanian occupiers Ukraine (1941-1944). Analyzed during the implementation of the German-Romanian occupation of Ukraine "new agrarian order." We consider the actions of the occupation authorities on the implementation of agrarian reform, its stages and causes of failure.

УДК 351.861

О.Ю. Кравчук
Національний університет
кораблебудування імені адмірала Макарова

ПОЛІТИЧНІ АСПЕКТИ БЕЗПЕКИ УКРАЇНСЬКОЇ ДЕРЖАВИ

Апісаны праблемы фарміравання науковых ведаў пра бяспеку краіны, нацыянальную бяспеку, як самастойную катэгорыю. Паказаны вызначэнні паняццяў «бяспека», «нацыянальная бяспяка», «палітычная бяспека». Асветлены палітычны кампанент сістэмы забеспячэння бяспекі Украіны, раскрыта сутнасць палітычнай бяспекі і яе месца сярод іншых складнікаў нацыянальнай бяспекі.

Одним з ключових моментів у розвитку досліджень проблем безпеки є становлення систематології безпеки (у буквальному значенні — наука про системи безпеки) — специфічній

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

галузі знання про суть, зміст і форми безпеки, закономірності її забезпечення, яка покликана зіграти роль сполучної ланки у сфері досліджень різнопланових проблем безпеки.

В Україні приблизно з початку - середини 90-х років минулого сторіччя почали з'являтися все більше наукових робіт, в яких безпека особистості, суспільства і держави розглядаються як об'єкт і предмет дослідження. Значно збільшилася кількість наукових конференцій і семінарів з цієї проблематики. Особливо в цей період спостерігається зацікавленість проблемами національної безпеки як найбільш широкої проблеми, що в апріорі включає і безпеку особистості, і суспільну, і державну безпеку. Тобто, практично одночасно з появою науки про безпеку, в нашій країні почалася диференціація наукового знання про безпеку.

Природньо, що не існувало єдиної точки зору серед вчених стосовно цього питання. Одна група дослідників пов'язувала поняття національної безпеки із загальнонаціональною безпекою і виводить його на основі нації, тобто сукупності народностей, що проживають на єдиній території, мають свою національно-культурну самобутність, спілкуються на одній мові (державна мова). Друга група, національну безпеку інтерпретувала через безпеку країни, маючи на увазі економічні, політичні, організаційні заходи, вживані державою для нейтралізації загроз життєво важливих інтересів країни. В даному випадку уточнюються географічний і територіальний аспект національної безпеки. Третя група дослідників національну безпеку представляла як державну безпеку, що розкриває історичну, територіальну і природну складові національної безпеки. [6,с.6] Цей термін також близький за змістом до національної безпеки і детальніше характеризує її з позицій історичної епохи.

Перш за все, з'явилися такі самостійні наукові напрями, як дослідження безпеки особи, суспільства і держави. Фактично, достатньо незалежно одна від одної досліджуються також інформаційна, продовольча, екологічна, військова і деякі інші види безпеки. Багато вчених пишуть про наявність сформованої і достатньо сильної залежності фактично будь-якого виду безпеки від ступеня захищеності і безпеки державної системи, рівня стабільності і безпеки політичної влади. Аналіз наукових робіт дає підстави говорити про те, що більш дослідженими є інформаційна та екологічна безпеки держави.

Останнім часом з'явилися і активно розвиваються в змістовному плані такі нові напрями наукових досліджень як «культура безпеки», «соціологія безпеки», «політика безпеки» та ін. Все це свідчить про те, що і в XXI ст. забезпечення безпеки стає однією з найбільш гострих і головних проблем, що стоять перед державами і світовою спільнотою. Наявність великого різноманіття загроз породжує завдання ліквідації їх причин або захисту від них, тобто створення суспільству в цілому і складовим його структурам умов для безпечного існування і функціонування.

У Юридичному енциклопедичному словнику за редакцією М.Ю. Тихомирова безпека визначається, як «стан захищеності життєво важливих інтересів особи, суспільства і держави від внутрішніх і зовнішніх загроз політичного, економічного, соціального, військового, техногенного, екологічного, інформаційного і іншого характеру, що припускає встановлення політичної, економічної і соціальної стабільності в державі, безумовного виконання законів і підтримки правопорядку, розвитку міжнародної співпраці на основі партнерства» [7,с. 82]. Існує ряд визначень поняття безпека.

Слід зазначити, що абсолютна більшість науковців стверджують, що вона носить комплексний характер. Через це правомірно виділяти безпеку економічну, політичну, екологічну, військову та інші види безпеки. При цьому всі ці види безпеки діалектично зв'язані між собою не тільки загальним поняттям «безпека», але і насамперед тим, що їх основним об'єктом є суспільство. Вважається, що поняття «безпека» належить до числа найбільш використовуваних понять політологічної думки. А також її необхідно розглядати, перш за все, як поєднання трьох явищ:

а) як відсутність загроз;

РЕПОЗИТОРИЙ ГДУВС

б) як готовність і здатність захищатися або усувати ці загрози і відновлювати статус-кво;

в) як достатній ступінь стійкості до виникаючих загроз, певний імунітет, запас міцності тих або інших об'єктів.

Проблеми безпеки в усіх її проявах, сферах і вимірах завжди залишились одними з найважливіших проблем людського буття. Якщо життєздатність людини залежить насамперед від стану її здоров'я, то життєспроможність суспільства і держави залежить від рівня їх безпеки. Таким чином, безпека - це стан життєдіяльності соціуму, його структур і інститутів, що гарантує їх якісну визначеність в параметрах надійності існування і стійкості розвитку; це положення (стан), при якому на якийсь об'єкт не можуть впливати чинники загроз.

Передуючи розгляду суті і змісту політичної безпеки, звернемося до генезису даного соціального явища і наукового поняття у вітчизняній політичній теорії і практиці. У сучасних наукових дослідженнях практично відсутній термін «політична безпека». Він замінюється або своїми підвидами: зовнішньополітична і внутрішньополітична безпека або поняттями, які на багато ширше і включають політичну безпеку як складову частину, - національна, державна, суспільна безпека. Для того, щоб розрізняти, що ж є політична безпека слід звернути увагу на два складових її терміна «безпека» і «політична».

За найзагальніше визначення «безпеки» можна вважати наступне: безпека - це «відсутність загроз існуванню кого-небудь або чого-небудь». Вчені по-різному трактують те, на що ці загрози націлені. Так, частина з них вважає, що безпека це «відсутність загроз дефіцитним цінностям», які важливі в даний момент (період) і з якихось причин знаходяться в «дефіциті»; інші - як безпека території, суспільства і способу життя в єдності, де держава головний інструмент підтримки такої єдності і суб'єкт забезпечення нормального функціонування і розвитку суспільства, економіки і культури .

Українські дослідники в якості визначального компоненту безпеки вважають систему захисту особи, суспільства і держави. Проте, цей аспект не враховує діючого і динамічного аспекту безпеки. Вивчаючи безпеку можна відмітити, що вона є динамічною категорією, що змінюється залежно від ступеня і рівня розвитку держави, середовища, в якому ця держава функціонує, внутрішніх соціально-демографічних, економічних і інших умов. Так, простежується тенденція, яка фіксує, що загрозими безпеки можуть виступати абсолютно різні явища і процеси: починаючи з загроз матеріальному і духовному благоустрою людей (XIX століття) і закінчуючи загрозами безпеки держави, спричинені умовами зовнішнього (XX століття) і внутрішнього (початок XXI) середовища. Виходячи з того, що безпека є динамічною категорією, що змінюється в часі, ми в нашому дослідженні зосередимо свою увагу на сучасному розумінні безпеки в українській і західній науці, при цьому не зменшуючи заслуг Арістотеля, Платона, Монтеськ'є, Дж. Локка, Т.Гоббса, Г.Гегеля, які розглядали політичну безпеку відповідно до свого часу і соціально-політичних умов. Під політичною безпекою вони розуміли захист політичної влади, держави, політики. При цьому слід зазначити, що політична безпека як особливе суспільне явище зміцнювалося і розширювалося в міру розростання небезпек для влади, держави, політики, які покликані діяти на благо людей [1,4].

Так що ж таке політична безпека як явище і процес? Переважно політична безпека зазвичай ототожнюється з державною безпекою, проте, її фактичний зміст істотно ширший. Вона означає безпеку всього політичного життя кожної особи, суспільства в цілому (політичних структур, стосунків і діяльності), а також її безумовна відповідність як конституційним нормам, так і ухваленим законам. [5]

З погляду внутрішніх умов вона означає стійкість політичної системи, що виражає корінні інтереси основних соціальних груп і що забезпечує соціально-політичну стабільність суспільства, відсутність в ньому соціальних і політичних конфліктів. Отже, на основі цього відзначимо три найважливіші моменти, що логічно випливають з такого розуміння політичної безпеки:

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

- по-перше, політична безпека означає стійкість політичної системи, тобто, сукупності соціально-політичних інститутів, що здійснюють управління суспільством.

- по-друге, політична безпека - це вираження і реалізація політичною системою базових інтересів основних соціальних груп з одночасним забезпеченням соціально-політичної стабільності.

- по-третє, політична безпека означає відсутність в суспільстві жорстких соціально-політичних конфліктів, або постійні й одночасно ефективні дії, насамперед політичній владі, з мінімізації деструктивної дії на соціум таких конфліктів.

З погляду зовнішніх умов політична безпека означає здатність органів державної влади відстоювати основні інтереси країни на міжнародній арені, забезпечувати її цілісність і суверенітет, активну участь в міжнародних відносинах. Єдине, що можна відзначити точно - це те, що політичну безпеку необхідне розглядати в єдності двох взаємозв'язаних аспектів (з погляду внутрішніх умов і зовнішніх). У останньому ж думки учених істотно розходяться.

Що ж необхідно розуміти під політичною безпекою з погляду внутрішніх умов? Це, перш за все, безпека самої політичної системи, політичного режиму або безпека органів влади, апарату управління; політичної еліти або окремих осіб (групи людей); партійна безпека? Тобто, поставимо це питання таким чином: чи потрібно розуміти політичну безпеку досить у вузькому значенні і фактично зводити її тільки до безпеки невеликої групи або невеликої кількості політичних інститутів, що мають доступ до владних ресурсів?

Відповідаючи на це питання, слід погоджуватися з думкою дослідника А.А. Синіцина, який під політичною безпекою розуміє лише безпеку осіб, наділених владними повноваженнями, а також стан, при якому існує мінімум загрози втратити політичну владу. Хоча, слід визнати, що таке розуміння політичної безпеки у вузькому сенсі також цілком може мати право на існування.[5,с.26-28]

Політична безпека - це стійкий стан і ефективний розвиток політичної системи суспільства, який дозволяє адекватно реагувати на негативні внутрішні і зовнішні дії, зберігати цілісність соціуму і його сутнісні якості. Вона може бути охарактеризована як динамічна рівновага політичної сфери. Крім того, під політичною безпекою розуміється і система певних заходів, органів і функцій держави і суспільства для захисту політичних інтересів держави, громадян і в цілому, всього народу. Система політичної безпеки будь-якого суспільства покликана вирішувати досить суперечливу задачу: з одного боку - надійно захищати політику, яка відповідає національно-державним інтересам, а з іншої - виключити її збитковий і небезпечний для національно-державних інтересів процес .

Основними функціями системи забезпечення політичної безпеки української держави є:

- прогностична функція — пов'язана з прогнозуванням, передбаченням, ідентифікацією реальних і потенційних політичних і інших загроз. Дана функція забезпечується діяльністю відповідних аналітичних установ і організацій;
- інформаційна функція - полягає в забезпеченні суб'єктів забезпечення безпеки відомостями про стан об'єктів забезпечення безпеки, характер і ступінь деструктивних і дестабілізуючих дій;
- профілактична функція - є попередженням і нейтралізацією причин можливих політичних загроз на можливо ранішій стадії їх зародження і розвитку. Заходи такого випереджаючого характеру дозволяють заздалегідь зняти і вирішити багато складних проблем забезпечення політичної безпеки;
- мобілізуюча функція - полягає в здатності всієї системи до оперативного реагування на загрози, своєчасному залученню необхідних сил і засобів. Вона реалізується відлагодженим функціонуванням системи і взаємодією її елементів, постійною готовністю до вирішення багатообразних завдань, розвитком правової бази діяльності суб'єктів безпеки, своєчасно поставленою інформацією, прогнозуванням можливих загроз і т.п.;

РЕПОЗИТОРІЙ ТДУ ІМЕНІ Ф. СКОРИНИ

- ліквідації загроз - є основною для системи забезпечення безпеки. Якщо існують загрози, то на них має бути своєчасна і адекватна реакція силами і засобами, що відповідають характеру цих загроз;
- охоронна — направлена як на забезпечення захисту вищого політичного керівництва держави, безпечну діяльності всіх політичних інститутів, так і на припинення ухвалення помилкових політичних рішень, що підривають політичну безпеку, пригноблюють інтереси громадян, суспільства, держави в політичній і інших сферах;
- контрольна — передбачає своєчасну оцінку стану політичної безпеки і діяльності з її забезпеченню з метою своєчасної корекції заходів, використовуваних сил і засобів, методів, способів і прийомів забезпечення політичної безпеки.

Очевидно, що вищеназвані функції органічно взаємозв'язані, взаємно обумовлюють одна одну і повинні реалізовуватися не окремо, а комплексно.

Особливе значення при дослідженні змісту політичної безпеки України має її забезпечення залежно від об'єктів безпеки, виходячи з чого, разом з політичною безпекою автор виділяє політичну безпеку особи і політичну безпеку суспільства в нашій державі.

Так, на думку автора, політична безпека особи в Україні означає, перш за все, захист і реалізацію конституційних прав і свобод громадян, відсутність їх політичного пригноблення.

Так, на думку дисертанта, політична безпека особи в Україні означає, перш за все, захист і реалізацію конституційних прав і свобод громадян, відсутність їх політичного пригноблення.

Політична безпека суспільства в країні є:

- розвиток і зміцнення демократії;
- досягнення загальнонаціональної згоди у корінних питаннях суспільного життя;
- формування основ і реальне функціонування громадянського суспільства;
- своєчасне запобігання кризовим ситуаціям в політичній і інших суспільних сферах.

Таким чином, головною метою забезпечення політичної безпеки України є: з одного боку — формування і функціонування механізму вироблення і реалізації державної політики, що відповідає національним інтересам України, а з іншого - запобігання трансформації цієї політики під впливом зовнішніх і внутрішніх деструктивних чинників в небезпечний для демократичного розвитку та існування суспільства спосіб.

Забезпечення політичної безпеки України повинне здійснюватися з урахуванням ряду принципів. Основними з них можна вважати:

- дотримання суб'єктами і об'єктами безпеки Конституції України та українського законодавства;
- реалізація конституційних положень про розділення державної влади на законодавчу, виконавчу і судову на користь встановлення їх гармонійного балансу для об'єднання можливостей в управлінні державою і соціально-політичними процесами, вдосконалення системи заборон і противаг в діяльності всіх гілок влади;
- єдність, взаємозв'язок і збалансованість політичної безпеки з іншими видами національної безпеки, своєчасна зміна їх пріоритетності залежно від ситуації;
- пріоритетність політичних, соціальних, економічних, інформаційних, дипломатичних, правових і інших заходів забезпечення безпеки над силовими;
- реальність і суспільна значущість завдань соціально-політичного, економічного розвитку України, що висуваються;
- визнання і виконання волевиявлення народу як головної умови в діяльності всіх гілок влади;
- суспільний і парламентський контроль над діяльністю виконавчої влади, витрачанням державного бюджету, кадровою політикою, використанням озброєних сил всередині країни і за кордоном;

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

- періодична звітність вищих посадових осіб держави перед громадянами української держави про стан країни, причини виникнення кризових ситуацій, заходи з їх подолання;
- цивілізована взаємодія державних органів забезпечення безпеки.

Важливу роль відіграє принцип безперервності забезпечення безпеки. Це обумовлено тим, що в процесі суспільного розвитку замість одних суперечностей, загроз, після їх подолання приходять інші, що мають інколи іншу форму і зміст. Звідси і витікає потреба в даному принципі.

Одним з основоположних елементів змісту політичної безпеки України є її вплив на національну безпеку в цілому, а також взаємодія і взаємообумовленість з іншими видами національної безпеки. Вона не тільки забезпечує всі інші види безпеки, але і сама спирається на них, залежить від їх стану. Очевидно, що ефективний механізм політичної влади значно сприятиме забезпеченню національної безпеки України.

Стрижневою ж проблемою політичної безпеки в суспільстві є саме проблема державної влади, що обумовлена наступними обставинами:

по-перше, ефективне функціонування державних механізмів влади забезпечує необхідний ступінь стійкості як політичної сфери, так і всієї суспільної системи.

по-друге, через владні структури здійснюється регулювання політичних процесів в суспільстві.

по-третє, державні органи влади здійснюють керівництво і направляють діяльність спеціальних організацій і установ, які займаються локалізацією і нейтралізацією виникаючих загроз для суспільства.

Одночасно з цим підкреслимо, що безконтрольність держави, опора на її безперечний авторитет у всіх сферах життєдіяльності суспільства, заснований лише на владі, силі і насильстві, також у результаті призводять до виникнення політичних загроз. Насамперед, це стосується самої держави, оскільки силові політичні рішення без усунення таких негативних явищ, як бюрократизація, корумпованість і криміналізація, можуть привести до деградації держави, її відчуження від суспільства і істотного зниження рівня безпеки.

Тому високий рівень політичної безпеки, звичайно, передбачає акцентування уваги державної влади на реалізації життєво важливих інтересів особи і суспільства. Це дозволить врахувати інтереси всіх соціально-політичних, економічних, національних і екологічних систем. Держава при цьому виступає не безконтрольним суб'єктом вирішення всіх питань безпеки, а стає в ряд інших суб'єктів безпеки (перш за все, таких як: суспільство, нації, народності, партії, рухи, конфесії).

Безпеку нормативної підсистеми забезпечує стійкість і стабільність політико-правового регулювання суспільних процесів — діяльність політичної системи в цілому і її структурних елементів, а також поведінка громадян і суспільства в політичній діяльності.

Безпека комунікативної підсистеми грає важливу роль в збереженні стійкості політичних стосунків на основі домінування в суспільстві цивільної згоди, досягнення якої зв'язане, перш за все, з пошуком ефективних способів і каналів політичної участі індивідуальних і колективних суб'єктів, налагодженням стійкої політичної комунікації між ними, відробітком системи демократичних процедур, направлених на вирішення суспільних конфліктів.

У структурі політичної безпеки особливо виділяється безпека духовно-ідеологічної підсистеми, яка включає сукупність політичних цінностей, тип політичної культури, вкорінені в суспільстві політичні ідеології. Стійкість духовно-ідеологічного компоненту політичної системи багато в чому визначає стабільність всієї політичної сфери суспільства. Дезорганізація цінностей політичного життя, розкладання пануючої політичної ідеології, що грає інтегруючу роль в суспільстві, ведуть до різких зрушень в політичній свідомості, що найзгубнішим чином відбивається на політичній ситуації в цілому. Звичні цінності, стійкі правила поведінки, традиції, авторитет держави служать опорою і захистом для тих, хто в особливому ступені має потребу в безпеці.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Як вже наголошувалося вище, політична безпека пов'язана, перш за все, з загрозами в політичній сфері суспільного життя. Політична загроза, як поняття, відображає можливість з боку якої-небудь політичної, військової, соціальної та іншої зовнішньої або внутрішньої системи загрожувати, послаблювати здатність держави розвиватися або порушувати процес реалізації цієї здатності в реальних умовах. При цьому відзначимо, що націленість забезпечення безпеки держави лише на політичні загрози в результаті створює оборонну політичну стратегію і не дозволяє виробити нові нестандартні шляхи виходу з кризи.

В своїй монографії Кремінь В.Г. зазначає, що «загрозами політичній безпеці України слід вважати реальні впливи, які ускладнюють або унеможливлюють реалізацію національних політичних інтересів і створюють небезпеку для суверенітету нації та свободи особистості, а також для цілісності, стабільності і прогресивного розвитку Української держави як рівноправного члена світового співтовариства та суб'єкта міжнародних відносин. Про такі впливи можуть свідчити відхилення вимірюваних параметрів індикаторів політичної безпеки від оптимального рівня стану політичної безпеки. [3]

Якісними параметрами загроз є:

- наявність у даний момент негативного впливу: реального та потенційного;
- спрямування впливу: на яку галузь чи сукупність галузей суспільно-політичного життя впливає цей чинник, реалізацію яких національних інтересів унеможливлює;
- масштаб загрози: чи є її об'єктом система в цілому або ж певна підсистема та локальні об'єкти;
- розташування джерел загрози: внутрішні та зовнішні;
- характеристика загроз стосовно суб'єктів їхньої дії: організовані, ініційовані, стихійні, спонтанні тощо;
- безпосередність впливу на політичну систему: безпосередні або ж опосередковані через інші сфери — економічну, соціальну, духовну;
- репрезентованість у суспільній свідомості: явні, відомі, неявні, невідомі;
- характер експертного виявлення: виявлені, проаналізовані, передбачені та невиявлені, не аналізовані, непередбачені;
- наявність або відсутність протидії в політичній сфері: визначення шляхів і механізму нейтралізації та здійснення відповідних заходів.

Кількісними параметрами загроз можуть бути:

- інтенсивність дії: загрози слабкої, середньої та сильної інтенсивності;
- тривалість впливу: миттєві, короткострокові, середньострокові та довготривалі загрози;
- потужність загрозливої дії.

Зазначається, що «під нейтралізацією загроз слід розуміти систему заходів, які здійснюються суб'єктами політичної безпеки (насамперед державними органами) з метою уникнення або значного послаблення деструктивних наслідків негативного впливу на суспільну систему. Стратегія нейтралізації загроз виходить з положення про найбільшу ефективність та оптимальність такого зусилля, яке, хоча й не усуває чинника конфлікту (в даному випадку джерела загрози), проте досягає такого стану, коли негативні впливи неспроможні дестабілізувати ситуацію в суспільстві.»[3,с.20]

Політична безпека найбезпосереднішим чином пов'язана з врегулюванням політичних конфліктів, під якими розуміється форма боротьби за ресурси влади. Стабільність, як гармонізація або вибір якнайкращого варіанту стосунків між діючими в суспільстві силами, неможлива без достатньої передбаченості, чому сприяє діяльність політичної влади по діагностиці і ранньому виявленню латентної суперечності. У такому ключі суть управління політичним конфліктом полягає в забезпеченні найменших економічних, політичних, соціальних і етичних втрат в процесі управління суспільством. І це твердження є важливим методологічним твердженням, оскільки до найбільших матеріальних руйнувань і людських втрат приводять саме політичні конфлікти і їх основний різновид - озброєні конфлікти

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

(дисертант відносно цієї проблеми згоден з розумінням війни як продовженням політики іншими насильницькими засобами).

Підводячи підсумок, слід сказати, що поняття «політична безпека» у вітчизняній політичній теорії і практиці пройшло свій тривалий історичний шлях розвитку. З 90-х рр. минулого століття у сфері національної безпеки істотне місце займає її політична складова. Початковим моментом розгляду політичної безпеки України є визначення її суті і змісту, що до теперішнього часу залишається предметом жвавої наукової дискусії.

При розгляді політичної безпеки необхідно виходити, перш за все, з того, що вона є соціальним явищем, пов'язаним з наявністю в суспільстві специфічних проблем в конкретній області життєдіяльності людей і виражається в стані політичної сфери в цілому і політичної системи зокрема.

Політична безпека є необхідною умовою збереження цілісності всієї суспільної системи і забезпечення необхідного контролю з боку влади за ходом суспільних процесів. Реалізація головної умови безпечного розвитку суспільства - збереження динамічної рівноваги соціальної системи - в істотному ступені залежить від стану і ефективності функціонування його політичної системи.

Через це політична безпека України виступає ключовим видом національної безпеки. Таке місце політичної безпеки визначається, перш за все, тією роллю, яку грає політика в суспільстві в цілому, - втрата соціумом політичної керованості неминуче веде до різкого зниження рівня безпеки у всіх сферах життя, до виводу з ладу систем захисту життєво важливих основ суспільного буття.

Суть політичної безпеки України полягає в такому стані системи політико-владних стосунків, при якому з одного боку — конституційний лад, структури і посадові особи держави, суспільні об'єднання і громадяни, що беруть участь в процесах формування і реалізації державної влади, не піддаються, або здатні протистояти протиправному, тим більше насильницькому тиску з боку внутрішніх або зовнішніх сил, а з іншого боку — сама влада своїм функціонуванням не являє собою загрозу особі, суспільству і соціальним групам, а також самій державі.

У змістовному плані політична безпека України є сукупністю елементів, властивостей, процесів, що визначають захищеність політичної системи від деструктивних і дестабілізуючих чинників і забезпечують на цій основі можливості особи, суспільству, державі розвиватися в умовах дії різних загроз.

Отже, політична безпека України є певним станом, внутрішньою властивістю, найважливішою атрибутивною характеристикою, необхідною умовою існування і функціонування політичної системи і всього соціуму, взаємозв'язок, взаємодія і співвідношення всієї сукупності чинників, що забезпечують їх збереження, захищеність, функціонування, розвиток і вдосконалення в несприятливих умовах.

Джерела та література

1. Аристотель. Собрание починений: в 4 т. /Аристотель. – М., 1983. –.– Т. 4. –1983.
2. Жуковский М.В. Политическая безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации / М.В.Жуковский //Безопасность. – М., 2002. – № 1-2. – С. 35.
3. Кремень В.Г. Політична безпека України: концептуальні засади та система забезпечення: [монографія] / Кремень В.Г., Бінько І.Ф., Головащенко С.І. – К.: МАУП, 1998.- 92 с.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении/ Дж. Локк.– М.: Мысль, Философское наследие. Соч. в 3 т. 1988. – Т. 3. С. 135-406.
5. Синіцин А.А. Співвідношення політичної і військової безпеки /А.А.Синіцин // Актуальні проблеми військової політики і військової безпеки Росії.– М.:ВУ, 2005. – С. 26-28.
6. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы) / С.В.Степашин. – СПб., 1994. – С. 6.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

7. Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия: [текст] / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров.– М. : Издание г-на Тихомирова М.Ю., 2007. – 972 с.

Olga Kravchuk. Political Aspects of Safety of Ukrainian State. The problems of forming of scientific knowledge are described about safety of country, national safety as independent category. Determinations of concepts are given «safety», «national safety», «political safety».Висвітлений political component of the system of providing of safety of Ukraine, essence of political safety is exposed and it determining role among other constituents of national safety.

УДК 902:903 М 33

Л.В. Матвієнко
Національний університет кораблебудування
імені адмірала Макарова
Г.О. Панченко
Одеський регіональний інститут державного управління
Національної академії державного управління
при Президентові України

ДІАХРОНІЧНІ АСПЕКТИ АДМІНІСТРАТИВНО-ТЕРИТОРІАЛЬНОГО СТАНОВЛЕННЯ ТА РОЗВИТКУ МИКОЛАЇВЩИНИ

У артыкуле з гістарычнага пункту гледжання разглядаецца пытанне станаўлення тэрытарыяльна-адміністратыўнай адзінкі Мікалаеўшчыны і перспектывы яе развіцця. Апроч таго, разглядаецца пытанне неабходнасці правядзення адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформы ва Ўкраіне, улічваючы гістарычны вопыт тэрытарыяльнага станаўлення рэгіёна.

Ефективне розв’язання складних проблем в багатьох галузях науки залежить від стилю і напрямку наукового пізнання сучасності. Важливим в цьому сенсі виступає метод структуралізму, за допомогою якого виявляються закономірності, спільні для гуманітарних і природничих наук. У загальному вигляді структурний підхід аналізу явищ (в тому числі – суспільних) концентрує увагу на системі взаємозв’язків між окремими елементами досліджуваної множини, а не на конкретній природі окремих явищ [11, с.31].

В понятійному апараті структуралізму як методу наукового дослідження одне із чільних місць посідають поняття: діахронія – історична послідовність, наступність у розвитку й еволюції явищ [1, с. 303], та синхронія – 1) точний збіг у часі двох або кількох явищ чи процесів; одночасність; 2) співіснування, збіг у часі елементів якої-небудь системи; метод дослідження співвідношень між елементами в гуманітарних і соціологічних науках.[1, с. 1318].

Синхронія, таким чином, це горизонтальний зріз досліджуваного явища, системи тощо (вісь одночасності), а діахронія – їх вертикальний зріз (вісь послідовності). Розгляд порушеного питання становлення Миколаївщини як адміністративно-територіальної одиниці в такій системі координат сприятиме всебічному аналізу історичних засад, сучасного стану та перспектив подальшого вдосконалення, заснованих на принципах взаємозв’язку та розвитку, органічно поєднаних між собою, сприятиме більш широкому та глибокому розумінню процесу.

Актуальність проблеми формування, становлення та ефективного функціонування окремих адміністративно-територіальних одиниць, що становлять основу цілісної системи адміністративно-територіального устрою країни в цілому, підтверджується також і низкою важливих нормативно-правових документів, в яких питання визначення та формування оптимальної територіальної основи України посідає чільне місце [8, 14].

РЕПОЗИТОРИЙ ТГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

В Україні нормативно-правові питання адміністративно-територіального устрою на даний час регулюються положеннями Конституції України (у першу чергу розділом IX), в якій зазначається, що адміністративно-територіальний поділ – це поділ території держави на певні частини з метою організації управління на місцях. Управління здійснюється органами державної влади, які створюються в адміністративно-територіальних одиницях усіх рівнів – селах і селищах, районах, містах, областях, він формується на загальноукраїнському рівні з урахуванням економічних, соціальних, історичних та національних особливостей розвитку конкретних територій, специфіки розселення [8].

Безперечно, такі характеристики містять в собі всі без виключення регіони України, але хотілося б привернути увагу до історії Миколаївщини, яка посідає значне місце в територіально-адміністративному устрої нашої країни. Сучасна Миколаївська область розташована на півдні України, в степовій зоні, в басейні нижньої течії річки Південний Буг.

Сьогодення краю пов'язане з природними процесами, що проходили на Землі в далекому минулому: територія краю була вкрита морями. У тектонічному відношенні територія Миколаївщини розташована в межах Українського кристалічного щита та Причорноморської западини. Кожному з цих геоструктурних елементів відповідають свої особливі поєднання корисних копалин. Клімат області помірно континентальний. Переважають чорноземні ґрунти. Миколаївщина за особливістю природних умов розташована у межах двох фізико-географічних зон – лісостепової і степової [19, с. 24]. В області налічується 120 річок, з яких 6 – середніх та велика – р. Південний Буг. На півдні область омивається водами Чорного моря.

Всі ці об'єктивні чинники стали причиною того, що Південь України став одним із перших заселених регіонів стародавньої ойкумени. Завдяки сприятливим геокліматичним умовам територія майбутньої Миколаївщини завжди перебувала в центрі міграційних процесів давнього населення. Такою Миколаївщина залишається і сьогодні. Як окрема політико-адміністративна одиниця України Миколаївська область була утворена 22 вересня 1937 р [14, С. 858]. Площа області 24,6 тис км2 (4,1% території України).Обласний центр – м. Миколаїв. Загальна чисельність населення області складає 1млн 168тис (2,6% всього населення України) [16]. Провідне місце Південного регіону в компактному поселенні визначило й переважну сконцентрованість населення. Усвідомлення специфіки їх розвитку, визначеної взаємопов'язаністю адміністративно-територіальних перевлаштувань та соціально-економічних змін Миколаївщини стане у нагоді сьогоденню в умовах ринкового спрямування сучасної Української держави. Останнім часом проводиться активне вивчення питань, пов'язаних як з різними сферами життєдіяльності регіонів України, так і з адміністративно-територіальним реформуванням кожного з них [4, 5, 7, 9].

Дослідженням Миколаївщини, різним аспектам соціального, територіального, адміністративного, культурного, історичного життя регіону займалося багато науковців: Гаврилова І. В., Горбенко К.В., Горбуров К. Є., Гребенников В.Б., Лагута М. Д., Ласинська М. Ю., Мельник М.Ф., Сорока С.В., Токовенко О.С., Шитюк М. М., Шкварець В.П., Яцунська О.О. та інш [2, 3, 10, 18, 19, 20]. Не зважаючи на чисельні дослідження, безпосередньо присвячені специфіці виокремлення Миколаївщини як адміністративно-територіальних одиниці, нагальність розгляду історичного його аспекту спричинило подальші наукові розшуки, важливі у наукових студіюваннях та в практиці державного будівництва.

Тепер розглянемо діахронічні аспекти процесу формування Миколаївської області як регіональної одиниці адміністративно-територіального устрою України. Аналізуючи Миколаївську область як територіально-адміністративну одиницю, слід чітко визначити межі розташування зазначеної області. Як вже зазначалося, територія Миколаївської області розташована на півдні України, у басейні нижньої течії Південного Бугу. На заході вона межує із Одеською, на півночі – з Кіровоградською, на сході – з Херсонською і Дніпропетровською областями.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Протягом історичного минулого територія сучасної Миколаївської області зазнавала різноманітних адміністративно-територіальних змін. Науковці стверджують, що Південь України був заселений у праісторичні часи. Завдяки сприятливим геокліматичним умовам територія майбутньої Миколаївщини завжди перебувала в центрі міграційних процесів давнього населення. Причому, важливим є той факт, що в один і той самий історичний період територія майбутньої Миколаївської області була одночасно заселена як осілими, так і кочовими народами, при цьому ставши колискою автентичного населення – майбутніх слов'ян.

У І тис. до н.е. на цій території мешкали кіммерійці, скіфи та сармати. Антична доба характеризується Великою грецькою колонізацією (VII-III ст. до н.е.). У І-V ст.. н.е. відбувається останнє Велике переселення народів, в результаті якого (доVIII ст..) на основі асимілятивних процесів сформувалося три гілки протослов'ян: анти, венеди та склавіни. Анти заселяли Південь України, створивши протодержаву, яка розпалася у III ст. н.е. в результаті нашестя німецьких племен готів, що були розбиті азіатськими племенами гунів (IV ст.).

Щодо особливостей територіального устрою стародавньої доби на Півдні України, слід зазначити наступне. У давній період (IV тис. до н.е. – І ст. н.е.) основною «адміністративною» одиницею було поселення – значні за площею території, заселені мешканцями, з притаманними їм певними особовостями, вираженими кам'яними забудовами, соціальним устроєм та культурними традиціями, що існували тривалий історичний період. Великі поселення укріплені валами і ровами археологи іменують городищами [6, с. 188]. Не можна оминути увагою факт існування на території сучасного Миколаєва унікального за своїм походженням адміністративного утворення – городища «Дикий Сад», яке є єдиною пам'яткою цього типу доби пізньої бронзи (к. XIII – п. X ст. до н.е.). Також були присутні у меншій кількості та значно менші за розмірами тимчасові (сезонні) поселення – стоянки. У більш пізній період історії (античність, середньовіччя) з'явились міста. Місто – центр ремесла і торгівлі – виникало, здебільшого на основі великого городища [3, С. 7]. Історично ці території також становили єдність. З давньоруських часів вони входили в сферу геополітичного впливу київських князів. За свідченням літописця Нестора, у VII-VIII ст. з 14 племінних об'єднань (або союзів) 7 становили основу майбутнього українського народу, а бужани (уличі та тиверці) – проживали на нашій території.

У середині XIV ст. більшість земель сучасної України входить до складу Великого князівства Литовського, кордон якого проходив і через територію сучасної Миколаївської області зокрема. Протягом XVI-XVII ст. Південь України (в тому числі – і територія сучасної Миколаївщини) був майже незаселеним, в той час як переважна частина України стала складовою Речі Посполитої. Взагалі, період розвитку України середини XIV-XVII ст. характеризується науковцями як бездержавний, тому в адміністративному відношенні поділ територій регулювався законодавствами Великого князівства Литовського та Речі Посполитої, а тому майже вся територія України сприймалась як адміністративна одиниця зазначених держав, і питання про внутрішній поділ Українських земель не порушувався [12, с. 161]. Хоча вже із середини XVII ст. і до кінця XVIII ст. – період існування Гетьманщини – почали визначилися самостійні, адміністративні одиниці: полки, сотні, курені, що і стало основою для подальшого поступального розвитку адміністративно-територіального поділу як України в цілому, так і Миколаївщини зокрема [6, с. 187].

У результаті занепаду Гетьманщини територія Півдня України потрапляє під цілковиту владу Російської імперії, що спричинило нову хвилю адміністративно-територіальних змін. А саме: у 1764 р. створена Новоросійська губернія, яка у 1802 р. була поділена на три: Миколаївську, Катеринославську та Таврійську. Миколаївська губернія, в свою чергу, складалася із 4 повітів. За наказом від 15 травня 1803 р. вона була названа Херсонською. Всі населенні пункти теперішньої Миколаївської області до 1920 р. входили до складу Херсонської губернії. Всеукрревком 28 січня 1920 р. прийняв постанову про розподіл Херсонської губернії. Центром губернії – став м. Миколаїв [12, с. 161]. Миколаївська губернія існувала до весни 1923 р.

РЕПОЗИТОРІЙ ТУ ІМЕНІ В. СУХОМЛИНСЬКОГО

На підставі декрету ВЦВК на засіданні від 7 березня 1923 р. колишній Миколаївський повіт отримав назву округу і ввійшов до складу Одеської губернії з центром у м. Одесі. Протягом 1923-1930 рр. територія Миколаївської області ділилася між Миколаївським, Первомайським, Одеським і Херсонським округами. У 1930 р. була проведена нова адміністративно-територіальна реформа. Із 15 вересня 1930 р. на території України були ліквідовані округи. У 1932-1937 рр. Миколаївська область ввійшла до складу Одеської [13; 15].

Обласний поділ в Україні був започаткований в Україні адміністративною реформою 1932 р., коли згідно з Постановою ВУЦВК і РНК УССР, були утворені Харківська, Київська, Вінницька, Дніпропетровська, Одеська, Донецька, Чернігівська області. У подальшому відбувалися певні зміни в обласному поділі республіки. 22 вересня 1937 р. Одеська область була поділена на Одеську і Миколаївську. З 1954 р. Миколаївська область існує в сучасних межах. Вона включає: 19 адміністративних районів, 9 міст, 17 селищ міського типу і 908 сільських населених пунктів [2, с. 39]. Всі перераховані вище історичні факти є загальновідомими, але вони є підтвердженням того, що народи, які перебували на даній території протягом тривалого хронологічного періоду, безперечно, вплинули на формування економічного, соціального історичного, національного базису нашого краю, що дає безперечні підстави для ствердження особливості Миколаївщини як автентичної адміністративно-територіальної одиниці із обґрунтованими перспективами розвитку в майбутньому.

Безперечно, успішне та послідовне унормування територіально-адміністративного устрою сприятиме більш ефективній реалізації Україною політики європейської інтеграції, подальшому розвиткові держави загалом. Ці перетворення повинні базуватися послідовній адміністративно-територіальній реформі, про необхідність якої вже не перший рік наголошують як науковці, так управлінці-практики, зазначаючи, що слід чітко розмежовувати поняття «адміністративно-територіальні перетворення» та адміністративно-територіальний устрій». Це розмежування полягає в тому, що адміністративно-територіальні перетворення не зачіпають, як правило, питання територіального устрою, який спираючись на природну характеристику території, її розміри, конфігурацію, є територіальним розподілом населення (населені і міжнаселені території, міста, які виступають опорними каркасами території, сільські населені пункти та ін.). Він об'єктивований кліматом, розподілом ґрунтів, природних ресурсів, орографією та іншими чинниками. Реформування територіального устрою вимагає меншою мірою декількох десятиліть, у той час як процес природного (стихійного) формування займає, як правило, століття.

Отже, на тлі формування в Україні політичної нації сучасного європейського зразка та зростання інтересу до критичного аналізу вітчизняної історії посилену увагу привертає історична ретроспектива формування й становлення окремих територіально-адміністративних одиниць, які в розвитку своєму поєднали як загальні риси, притаманні багатьом відповідним адміністративно-територіальним одиницям України, так і унікальні, що стосуються лише певної конкретної території. Це стосується географічного розташування, природно-кліматичних умов, демографічної ситуації тощо.

Джерела та література

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і гол. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2007. – 1736 с.

2. Гаврилова І. В. З історії краєзнавства Миколаївщини (1944-1960 рр.) / І. В. Гаврилова // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження : VI Миколаївська обласна конференція. – Миколаїв, 2006. – С. 38–40

3. Гребенников В.Б., Горбенко К.В. Поселения, грунтовые могильники и клады эпохи бронзы на территории Николаевской области (археологическая карта) / В.Б. Гребенников, К.В. Горбенко. – Николаев: ННУ имени В.А. Сухомлинского, 2010. – с.6-7.

РЕПОЗИТОРІЙ ПУ ІМЕНІ О. ДОВЖЕНКА

4. Грицак В.М. Конституційно-правові поняття «державний устрій» та «територіальний устрій» і застосування їх у юридичній науці / В.М. Грицак // Віче. – 2010 –№ 7. – С. 8-10.

5. Грицак В.М. Політико-територіальний та адміністративно-територіальний устрій держави: проблема співвідношення понять [Електронний ресурс] / В.М.Грицак // Європейські перспективи. – № 1, Ч. 2. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/portal /Soc_Gum/Evp/ 2011_1_2/Hrytsak.pdf

6. Бунятян К.П. Давнє населення України: Навч. посібник. – К.: Либідь, 1999. – С. 186-189.

7. Іжа М. М. Територія як важливий елемент процесу державотворення [Текст] / М. М. Іжа // Держава і право: Збірник наукових праць. – К.: Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2011. – Вип. 51. – С. 714-719

8. Конституція України від 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30 – Ст. 141.

9. Кучабський О. Г. Адміністративно-територіальна організація України: теорія, методологія, механізми становлення: монографія [Текст] / О. Г. Кучабський. – Л.: ЛРІДУ НАДУ, 2010. – 316 с.

10. Ласинська М. Ю. Історична творчість і наукова спадщина миколаївських істориків-краєзнавців першої половини ХХ ст. / М. Ю. Ласинська // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження : VII Миколаївська обласна конференція. – Миколаїв, 2004. – С. 41–44.

11. Повторєва С. Міждисциплінарні можливості структуралізму і пост структуралізму /С. Повторєва // На шляху до синтезу філософії, релігії і науки: Матеріали ІІ Всеукраїнської наук.-практ. конф., 10-11 квітня 2009 р. – Львів, 2009. – 176 с.

12. Полонська-Василенко Н. Історія України: у 2 т. Т.2. Від середини XVII століття до 1923 року. – 3-тє вид. – К.: Либідь, 1995. – С. 161-162.

13. Про адміністративно-територіальний поділ УСРР та про спрощення Радянського апарат: Постанова ВУЦВК від 25.10.1922 // Збірник узаконень та розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України. – 1922. – №45.

14. Про затвердження Положення про порядок вирішення питань адміністративно-територіального устрою Української РСР: Указ Президії Верховної Ради УРСР від 12 березня 1981 року // Відомості Верховної Ради Української РСР. – 1981. – №12. – Ст. 79.

15. Про новий адміністративно-територіальний поділ України: Постанова ВУЦВК // Збірник узаконень та розпоряджень Робоче-селянського Уряду України. – 1923. – №45.

16. Реабілітовані історією: у 27 томах. – Книга 1: Миколаївська область. – Київ-Миколаїв: Світогляд, 2005. – С. 857-861.

17. Соціально-економічне становище Миколаївської області за січень 2014 року / Головне управління статистики у Миколаївській області, 2014: [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.mk.ukrstat.gov.ua/main.htm

18. Шкварець В. П. Миколаївці: визначні історики і краєзнавці минулого В.П. Шкварець. – Миколаїв : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2005. – 160 с.

19. Шкварець В.П., Мельник М.Ф. Історія рідного краю. Миколаївщина: Навчальний посібник / В.П. Шкварець, М.Ф. Мельник. – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили; Одеса: ТОВ Від, 2003. – 280 с.

20. Яцунська О.О. Миколаїв від перебудови до незалежності: історико-політичний аналіз/ О.О. Яцунська. – Миколаїв, 2007. – С. 5-9.

Liudmila Matviyenko, Hanna Panchenko. Diacronical aspects of administrative-territorial formation and development of the Nikolaev region In the article the question of becoming of territorial administrative unit of Mykolaiv area and prospect of its development is examined from the historical point of view. In addition, a question is affected in relation to the necessity of conducting of administrative-territorial reform for Ukraine, taking into account historical experience of the territorial arranging of the Mykolaiv region.

УДК 94:339.9(476+438)«1990»

Л.В. Гавриловец
Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БЕЛАРУСИ С ПОЛЬШЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ*

В статье анализируется состояние торгово-экономических и культурных отношений Беларуси с Польшей в 90-х гг. XX в. Оборот с Польшей занимал по своей величине второе место во внешней торговле Беларуси, которая также являлась третьим по величине товарооборота торговым партнером Польши. Белорусско-польское сотрудничество внесло важный вклад в общеевропейское экономическое сотрудничество, реализованное через создание еврорегионов. На достаточно высоком уровне развивалось культурное сотрудничество Польши с Беларусью в области музейно-архивного дела.

В начале 90-х гг. XX в. главным торгово-экономическим партнером Беларуси среди западных соседей была Польша. Из Польши в Беларусь поступали оборудование, в том числе для АТС, стройматериалы, медикаменты, сельхозпродукция, из Беларуси в Польшу вывозились шины, холодильники, ковры, товары широкого потребления. В 1991-1992 гг. правительство Республики Беларусь стремилось к расширению экономических связей с Польшей. В частности, в 1991 г. обсуждались вопросы создания Белорусско-польского торгового дома, что должно было создать условия для беспошлинного провоза товаров через границу и продажи их за национальные валюты. В апреле 1992 г. правительства Беларуси и Польши подписали соглашение, которое предполагало использование морского порта в Гдыне в качестве места приписки белорусского торгового флота с подведением к нему железнодорожной магистрали с широкой колеей из Белостока.

Подписание в 1991 г. Соглашения между Беларусью и Польшей об экономическом сотрудничестве и торговле и Соглашения о взаимном содействии и защите инвестиций в 1992 г. позволило в определенной степени преодолеть спад во взаимной торговле, вызванный структурными преобразованиями в экономике обоих государств, и обеспечить условия для ее постепенного наращивания. Польские власти 1 декабря 1991 г. подписывают Европейский договор, который в своей экономической части предусматривал создание зоны свободной торговли промышленными товарами в течение 10 лет, что является необходимым условием вступления страны в ЕС основной цели польской внешней политики уже в данный период [1, с. 57]. Но по различным причинам соглашение носило ограниченный характер, поэтому особо не сказалось на развитии белорусско-польских торгово-экономических связей.

По объему товарообмена Беларуси со странами дальнего зарубежья Польша в начале 1990-х гг. стоит на втором месте после Германии. В 1992 г. стоимость экспорта и импорта не была впечатляющей и составляла в сумме 300 млн долларов. Согласно данным палаты внешней торговли Польши 305,8 млн долл., из них экспорт 151,1 млн долл. и импорт 154,7 млн долл. [2, s. 33]. В основном Польша экспортировала зерно, картофель, сахар, текстиль, красители, шпаклевку, автомобили, изделия фармацевтики и косметику. В этот период двусторонний товарооборот носил бартерный характер (33,8% импорта из Беларуси). Существенную роль в развитии торговых связей между Беларусью и Польшей сыграли промышленно-торговые палаты, Товарищество Беларусь Польша, объединение Польша Беларусь и экономические региональные организации, а также польско-белорусская смешанная палата по торгово-экономическому сотрудничеству.

*Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ № Г15М-138

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В 1992 г. на территории Беларуси было зарегистрировано 300 совместных предприятий с участием польского капитала, т.е. около 40% предприятий с участием иностранного капитала, а также около 20% с привлечением иностранных инвестиций. Непосредственно на территории Беларуси действовало 40 польских предприятий, из которых 30 занимались торговлей, 10 производством соответствующей продукции. В июне 1993 г. Польшу с визитом посетил Премьер-министр правительства Беларуси В. Мясникович. Во время визита белорусская и польская сторона подписали соглашение о сотрудничестве при строительстве автомагистрали Берлин-Варшава-Минск-Москва. Таким образом, в период с 1991 по 1994 гг. польские предприниматели вложили в экономику Беларуси около 65 млн долл., создали и зарегистрировали 570 совместных предприятий и 1200 фирм со 100% польским капиталом. Однако уже в 1993 г. упала стоимость товарооборота между странами на 1/3. По мнению польского руководства, зависимость белорусского государства от российских поставок энергии и сырья являлось причиной глубокого экономического спада, который негативно сказывался на развитии торгово-экономических связей Беларуси с Польшей. В связи с этим экономическое сотрудничество стран находилось на уровне ниже их потенциальных возможностей.

В 1994 г. белорусско-польский товарооборот составил 213,09 млн долл., т.е. это был очередной спад в торговых отношениях, однако уже в 1995 г. товарооборот между странами вырос в 2,2 раза и составил 468,8 млн долларов. Эта тенденция сохранилась и в 1996 г. товарооборот вырос на 10,9% и составил 527 млн долл. (в том числе импорт 256,2 млн долл., экспорт 271,2 млн долл.). В этот период значительно увеличилось и количество польско-белорусских производственно-торговых компаний, а также совместных польско-белорусских предприятий, их количество соответственно составило около 600 и 200. Совокупная стоимость аккредитованных польских фирм, однако, составила только около 80 млн долларов. Претерпела изменение и сама структура товарообмена. В 1996 г. значительно увеличился (с 14 до 30,9%) импорт в Беларусь из Польши машин, оборудования и транспортных средств, что, несомненно, было выгодно для польской экономики, испытывающей серьезные сложности с реализацией продукции машиностроения [3, с. 163].

В польском экспорте в 1996 г. доминировали в основном продовольственные товары и изделия электромашинного производства, в импорте минеральная продукция. Беларусь была третьим торговым партнером Польши после России и Украины среди бывших стран Советского Союза, Польша же вторым партнером для Беларуси после Германии в группе государств, не входивших в СНГ. Несмотря на положительные факторы в развитии экономического сотрудничества Польши и Беларуси в первой половине 1990-х гг., можно также отметить и негативные. Среди них неудовлетворительное состояние пограничных переходов, что отрицательно сказывалось на развитии двусторонней торговли и сообщении между государствами. Польша инвестировала строительство терминала в Хорошицах и модернизацию пограничного перехода в Бобровниках. Белорусская сторона, по мнению польского руководства, не достаточно уделяла внимания решению данной проблемы. Кроме того местные органы власти Брестской и Гродненской областей прежде чем сотрудничать с приграничными регионами Польши должны были получить разрешение от центральных властей, что по мнению польских органов власти, не способствовало активному участию в развитии еврорегионов «Буг» и «Неман» [2, s. 35].

Наиболее активные действия по формированию договорно-правовой базы осуществлялись с Польшей в культурной сфере. Республика Беларусь и Республика Польша подписали ряд важных соглашений, в том числе в 1992 г. Декларацию Правительства Республики Беларусь и Правительства Республики Польша о сотрудничестве в области культуры, науки и образования. Уполномоченный Правительства Республики Польша в культурной сфере за рубежом Т. Поляк утверждал, что в 1992-1995 гг. на достаточно высоком уровне развивалось культурное сотрудничество с Беларусью. Польская сторона оказывала помощь в сохранении замков в Крево и Новогрудке, литературного наследия А. Мицкевича. В Несвиже в 1995 г. открыли Международную летнюю школу «Несвижская

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

академия», в которой обучали реставрационному делу. К сожалению, отмечал Т. Поляк, Новогрудское воеводство имело около 400 усадеб, а осталось всего лишь несколько десятков, подлежащих реставрации [4, s. 53].

В 1993 г. между государствами было подписано Соглашение о сотрудничестве в области туризма, а в 1995 г. Соглашение о сотрудничестве в области охраны историко-культурного наследия и Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования [5]. В это же время был подписан протокол о сотрудничестве между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и искусства Республика Польша на 1997 год. С целью более эффективной организации культурного сотрудничества, подготовки рекомендаций правительствам двух государств, решения других важных вопросов взаимодействия в 1993 г. была создана белорусско-польская консультационная комиссия по делам историко-культурного наследия [6, с. 55].

17 февраля 1994 г. министр иностранных дел Польши А. Олеховский на заседании Комиссии иностранных дел Сената заявил, что, несмотря на охлаждение в политических контактах Польши и Беларуси польско-белорусское сближение происходит в культурной сфере [7, s. 47]. Продолжает активно развиваться сотрудничество архивистов, библиотекарей и музейных сотрудников двух стран, а также белорусские ученые участвуют в конференциях, организованных на территории Польши и делятся с польскими учеными своими успехами в исследовательской работе. Так, большую роль в духовной общественной жизни белорусов Польши играет Музей белорусской национальной культуры в Гайновке [8, s. 136].

В укрепление дружеских связей между Республикой Беларусь и Республикой Польшей в 1994-1995 гг. внесло свой вклад культурное и образовательное мероприятие как олимпиада по белорусскому языку. Инициативная группа деятелей Товарищества Польша Беларусь (ТПБ), Белорусского общественно-культурного товарищества (БОКТ), Польского товарищества белорусистов, преподаватели ряда польских ВУЗов, учителя белорусского языка в школах Белосточчины 18 февраля 1994 г. приняли решение об организации подготовки олимпиады по белорусскому языку.

Усилия инициативной группы оправдались, т.к. бывший вице-премьер и одновременно министр национального образования Республики Польша А. Лучак дал разрешение на организацию и проведение олимпиады по белорусскому языку, начиная с 1994/1995 учебного года на территории Польши. Олимпиада по белорусскому языку получила категорию предметной. Необходимость проведения олимпиады по белорусскому языку инициативная группа обосновала тем, что в Польше более чем в 40 основных школах и 2 общеобразовательных лицеях белорусский язык изучают около 4000 тыс. учащихся. Кроме того, белорусская филология изучалась в Варшавском университете, Католическом Люблинском университете, университете Марии Складовской-Кюри в Люблине и филиале Варшавского университета в Белостоке. В этих высших учебных заведениях белорусскую филологию изучали около 200 студентов [9, с. 51].

Олимпиада по белорусскому языку, по мнению инициаторов, должна была содействовать популяризации и престижу данного языка в Польше, а также пробудить интерес молодежи к духовной и материальной культуре белорусского народа в Польше и Беларуси. Целью данной олимпиады было также расширить знания в области белорусской литературы, языка, культуры, фольклора, общественных наук, выявить литературные, языковые и культурные польско-белорусские взаимосвязи.

Согласно решению Министерства национального образования Республики Польша организация олимпиады по белорусскому языку возлагалась на кафедру белорусской филологии Варшавского университета, которая очень тесно сотрудничала с Товариществом Польша Беларусь. В свою очередь ТПБ с главным спонсором Министерством национального образования, оказывает финансовую и организационную помощь в проведении олимпиады. Председателем Главного комитета олимпиады стал профессор А. Борщевский, комитет расположился в Белостоке. В олимпиаде в первые годы ее проведения принимали участие

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

учащиеся III-IV классов, а после реформы образования II-III классов общеобразовательного лицея с белорусским языком обучения в Бельск-Подляске и Комплекса школ с дополнительным изучением белорусского языка в Гайновке [9, с. 52].

Олимпиада носила трехступенчатый характер: первая ступень школьные соревнования, вторая окружные соревнования и третья центральные. На первой ступени (этапе) олимпиады проверялось знание материалов, выходящих за рамки школьной программы: классической или научной литературы, публицистики, которая касалась Беларуси или польско-белорусских связей. Участники олимпиады готовили письменный перевод и отвечали на вопросы экзаменаторов (учителя белорусского языка данной школы и представитель Главного комитета олимпиады). Принять участие во втором этапе могли учащиеся, которые набрали максимальное количество очков (80%). Окружные соревнования (второй этап) носили характер письменного теста и устного экзамена. Целью письменного теста являлось выявление знаний учащихся в области белорусской литературы и языка, белорусской истории и культуры, а также польско-белорусских взаимоотношений. Составная часть письменного экзамена перевод текста с белорусского языка на польский, с польского на белорусский. Тематика экзамена в основном касалась специфики жизни и культурных достижений белорусского меньшинства в Польше. Устный экзамен состоял из системы вопросов, которые главным образом относились к белорусской истории, языку и культуре, а также польско-белорусских литературно-культурных связей. Участникам олимпиады была предоставлена возможность высказаться на вольную тему. К участию в следующем этапе допускались участники, набравшие 90% очков из максимально возможного количества баллов.

Для проведения центральных соревнований Главный комитет олимпиады созывал Центральную комиссию, в состав которой входили преподаватели и научно-методические сотрудники кафедры белорусской филологии Варшавского университета, языковеды Белорусского государственного университета, Гродненского университета имени Я. Купалы. Центральные соревнования также проводились в письменной и устной форме. Их цель выявление способностей участников к самостоятельному анализу и возможности охарактеризовать тематику избранных вопросов по белорусской литературе с учетом эмиграционной литературы и творчества белостокского объединения белорусских писателей «Беловежа». Победителю третьего этапа присваивается почетное звание лауреата олимпиады. Таким образом, это была первая олимпиада по белорусскому языку на территории Польши, тематика которой в основном касалась белорусской классической литературы.

Белорусскую молодежь из всей Польши собирает фестиваль современной молодежной музыки «Басовішча», инициатором которого является Белорусское объединение студентов. Фестиваль проводится ежегодно (с 1990 г.), в нем принимают участие молодежные музыкальные коллективы с Белосточчины и Республики Беларусь. С 1991 г. БОС становится членом-основателем Собрания белорусских организаций в Польше, оно участвовало в создании Белорусского демократического объединения, Белорусского исторического товарищества и некоторых других общественно-политических и культурно-просветительских организаций белорусов в Польше [10, с. 175]. Активное участие в работе Международной книжной ярмарки в Варшаве принимают также книгоиздатели Республики Беларусь. Так, в 1996 г. белорусские издатели получили награду Фонда польской культуры за пропаганду польской книги в Беларуси. С 1995 г. в Кракове очень активную деятельность ведет Объединение Вилла Деция. Главной целью организации является создание условий для диалога разных культур. В их деятельность входит также презентация культур национальных меньшинств Польши, в том числе белорусского.

Особенного внимания заслуживают взаимоотношения между Гродненским государственным университетом имени Я. Купалы и университетом в Белостоке, главными направлениями которых являются: развитие контактов между кафедрами, факультетами; обмен информацией научно-дидактического характера; организация научных стажировок, обмен преподавателями и научными сотрудниками; обмен группами студентов. С большим успехом в

ГГУ имени Ф. Скорины

Польше проходят спектакли Белорусского академического театра имени Я. Купалы во время традиционных театральных фестивалей в Белостоке. Историческая драма Р. Боровиковой «Барбара Радзівіл» была показана Республиканским театром белорусской драматургии в Варшаве в 1995 г., в Королевском театре и «Театре на Воле», где имела большой успех.

Таким образом, в 1990-е гг. ключевые сферы взаимодействия Беларуси и Польши экономическое и культурное сотрудничество. Были предприняты усилия по налаживанию взаимовыгодного двустороннего сотрудничества. Так, в 1995-1996 гг. руководство Гродненского облисполкома заключило соглашения о развитии приграничных хозяйственных и культурных связей с властями Сувалковского и Белостокского воеводств. В марте 1996 г. было подписано Соглашение между управлением культуры Гродненского облисполкома и отделом культуры, спорта и туризма воеводской управы в Белостоке о культурном сотрудничестве на 1996-1998 гг. Независимость Беларуси дала ей возможность на равных вести диалог с западной соседкой Польшей как в культурной, так и экономической сферах.

Источники и литература

1. Ногерас, К. дэ К. Страны Центральной и Восточной Европы и проблемы расширения Европейского Союза / К. дэ К. Ногерас // Белорусский журн. междунар. права и междунар. отношений. - 2000. - № 1. - С. 56-62.
2. Jakimowicz, R. Stosunki polsko-białoruskie w latach 1992-2003 (wybrane aspekty polityczne i gospodarcze) / R. Jakimowicz // Zeszyty Naukowe. - 2007. - Nr. 749. - S. 21-39.
3. Иванов, С. Новые горизонты регионального сотрудничества / С. Иванов // Беларуская думка. - 1997. - № 9. - С. 153-165.
4. Wilczak, J. Wciąż szukamy. Rozmowa z prof. Tadeuszem Polakiem, wiceministrem kultury i sztuki, pełnomocnikiem ds. polskiego dziedzictwa kulturalnego za granicą / J. Wilczak // Polityka. - 1995. - Nr. 50(2015). - S. 52-53.
5. Umowa między Rządem Rzeczypospolitej a Rządem Republiki Białoruś o współpracy w dziedzinie kultury, nauki i oświaty, sporządzona w Warszawie dnia 27 listopada 1995 r. // Dziennik Ustaw. - 1996. - Nr. 76. - Poz. 365. - S. 1713-1716.
6. Шадурский, В.Г. Внешняя культурная политика Республики Беларусь: состояние и проблемы / В.Г. Шадурский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. - 2000. - № 4. - С. 59-72.
7. Wystąpienie ministra spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu Komisji Spraw Zagranicznych Senatu Rzeczypospolitej Polskiej na temat głównych elementów polskiej polityki wschodniej, Warszawa, 17 lutego 1994 r. // Zbiór dokumentów. - 1994. - Nr. 1(535). - R. 50. - S. 42-55.
8. Matelski, D. Restytucja polonników z Białorusi, Ukrainy i Litwy za Trzeciej Rzeczypospolitej / D. Matelski // Studia Podlaskie. - 2002. - T. 12. - S. 129-171.
9. Хмяліньскі, Б. Гісторыя алімпіяды па беларускай мове ў Польшчы / Б. Хмяліньскі // Веснік БДУ. Серыя 3. Гіст. Філасоф. Псіх. Паліт. Сацыял. Экан. Права. - 2006. - № 2. - С. 51-54.
10. Рагачевич, Н.В. Белорусское национальное меньшинство в Польше и польско-белорусское культурное сотрудничество на рубеже веков / Н.В. Рагачевич // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У.К. Коршук [і інш.]. - Мінск: БДУ, 2006. - С. 174–178.

Liudmila Haurylaviets. Trade, economic and cultural relations between Belarus and Poland in the first half of the 1990-ies. In article the condition of trade and economic and cultural relations of Belarus with Poland in 90-th of XX century. The Turn with Poland is analyzed took on the size the second place in foreign trade of Belarus which also was the third on goods turnover size the trading partner of Poland. The Belarus-Polish cooperation has brought the important contribution to the all-European economic cooperation realised through creation of euroregions. At high enough level cultural cooperation of Poland with Belarus in the field of muzejno-archival business developed.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Аляксейчыкава Наталля Мікалаеўна	загадчык кафедры гуманітарных дысцыплін Беларуска-Расійскага ўніверсітэта (г. Магілёў, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Александровіч Зоя Анатолеўна	старшы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага архіва Гомельскай вобласці (г. Гомель, Беларусь)
Багалейша Святлана Віктараўна	дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай і айчыннай культуры Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (Мінск, Беларусь), кандыдат гістарычных навук
Веремеев Сяргей Фёдаравіч	дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук
Ганчар Уладзімір Алегавіч	дацэнт кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук
Гарбачоў Алег Вітальевіч	прафесар Уральскага Федэральнага ўніверсітэта імя першага Прэзідэнта Расіі Б.М. Ельцына, доктар гістарычных навук, прафесар
Гаўрылавец Людміла Ўладзіміраўна	дацэнт Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна (г. Мазыр, Беларусь), кандыдат гістарычных навук
Жыхараў Сяргей Барысавіч	дацэнт кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Захарчанка Аляксей Аляксеевіч	старшы выкладчык кафедры гісторыі Украіны Мікалаеўскага нацыянальнага універсітэта імя В.А. Сухамлінскага (г. Мікалаеў, Украіна)
Кандрацьеў Ігар Віктаравіч	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Інстытута гісторыі, этналогіі і правазнаўства імя Лазарэўскага Чарнігаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя Т.Г. Шаўчэнкі (г. Чарнігаў, Украіна), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Капліеў Аляксей Аляксандравіч	навуковы супрацоўнік Гомельскага абласнога краязнаўчага музея, магістр гістарычных навук
Кіштымаў Аляксей Леанідавіч	дацэнт кафедры паліталогіі і гуманітарных дысцыплін Інстытута парламентарызма і прадпрымальніцтва (г. Мінск, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Краўчук Вольга Юр'еўна	выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Нацыянальнага ўніверсітэту імя адмірала Макарава (г. Мікалаеў, Украіна), магістр дзяржаўнага кіравання
Лін Дзмітрый Рыгоравіч	прафесар Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар
Матвіенка Людміла Ўладзіміраўна	дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Нацыянальнага ўніверсітэту імя адмірала Макарава (г. Мікалаеў, Украіна), кандыдат гістарычных навук, дацэнт

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Мязга Мікалай Мікалаевіч	дэкан гістарычнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Падзерава Ірына Валер'еўна	аспірант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. Танка (Мінск, Беларусь)
Пануждаеў Дзмітрый Мікалаевіч	намеснік начальніка Магілёўскага інстытута Міністэрства Унутраных Спраў Рэспублікі Беларусь (Магілёў, Беларусь), падпалкоўнік міліцыі
Панчанка Ганна Аляксандраўна	галоўны спецыяліст аддзелу навуковых даследаванняў і інфармацыйна-аналітычнай работы Адэскага рэгіянальнага інстытута дзяржаўнага кіравання Нацыянальнай Акадэміі пры прэзідэнце Украіны (г. Адэса, Украіна), кандыдат навук у галіне дзяржаўнага кіравання
Пічукоў Віктар Пятровіч	дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Сакольчык Алена Эдвардаўна	старшы навуковы супрацоўнік аддзела гістарыяграфіі і метадаў гістарычных даследаванняў Інстытута гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі (Мінск, Беларусь), кандыдат гістарычных навук
Талочка Дзмітрый Міхайлавіч	дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Трубчык Алена Генадзеўна	выкладчык кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага універсітэта (г. Мінск, Беларусь)
Хайнак Станіслаў Уладзіслававіч	магістрант кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь)
Цемушаў Сцяпан Мікалаевіч	дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Чаропка Станіслаў Аляксандравіч	загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Шчаўлінскі Мікалай Барысавіч	дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай і айчыннай культуры Беларускага нацыянальнага технічнага ўніверсітэта (Мінск, Беларусь), кандыдат гістарычных навук, дацент
Шыляеў Антон Паўлавіч	асістэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (г. Гомель, Беларусь), магістр гістарычных навук

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

SUMMARY

Stsiapan Tsemushau, Ph.D.	**The organization of government and administration of the Belarusian lands of ancient period in understanding of M. Dovnar-Zapolsky.** In the article analyzes the views on the most important issues of the organization of power and administration of Belarusian lands in the ancient period of Dovnar-Zapol'skiy – a leading representative of the so-called Kyiv School of in Russian historiography, which was at the forefront of scientific understanding of the history of Belarus. The historian has identified several units in the control system and indicated the functional responsibilities of various officials. Great importance in the management of MV Dovnar-Zapolskiy gave the vechu, he endows it all the powers of the supreme authority. In general, the views of scientist on the role of princely power and the national self-government in the form of a veche in the Polotsk principality permanently entrenched in historical science.	14
Stanislau Czaropka, Ph.D.	**The orthodox church in Rus XIII-XV centuries: the struggle for metropolitan.** This article examines the process of registration on the basis of the Kyiv Metropolitanate of all Rus two independent of each other Church structures- Metropolitanate of Kyiv, Halychyna and all Rus in the Grand Duchy of Lithuania and Rus and of the Metropolitanate of Moscow and of all Rus for the Grand Duchy of Moscow	27
Anton Shyliayeu, M.A.	**Noble militia as part of the GDL's Army in the mid 16th century.** Presented article is devoted to one of the most controversial components of the GDL's Army - noble militia . In the context of numerous military threats GDL's Army was forced to embark on reforms that affected the noble militia that led to the emergence of special laws to regulate and govern the convening and serve in the militia .	31
Uladzislau Khainak, M.A.	**The policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth to Sweden at the end of the 16th - the beginning of 17th century.** The article discusses the foreign policy aspects of the relationship of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Kingdom of Sweden, during the reign of Sigismund III Vasa. Influence of dynastic interests, members of the genus Vaz , the policy states.	37
Igor Kondratyev, Ph.D.	**The descendants of service gentry among associates of Leontiy and Pavlo Polubotok**. The modern historical science aims at highlighting the events through the history of individual figures, both of foreground and background importance. In particular, many members of the service nobility of the Northern Left Bank were in the environment of the representatives of the highest Cossack Chernihiv Regiment of Leontiy and Pavlo Polubotok.	42
Andrei Kishtymau, Ph.D.	**Andrei Kishtymau. War of 1812 in studies of Dovnar-Zapolsky.** The article characterized by scientific views of the Patriarch of Belarusian historiography Dovnar-Zapolski on the war 1812, Dan essay treatment scientist to the subject, marked by its priority in the introduction as a story of national historiography are comparisons with approaches and lastouski. Ignatovsky. Marked accent scientists the consequences of war in the context of the general attitude of the Belarusian society to politics of autocracy in the lands of the former Speech, which became split in Belarusian society towards the warring parties. Emphasized the relevance of Dovnar-Zapolsky approaches in finding proper Belarusian interests in Pan-European events and processes	46

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Alena Sakolchyk, Ph.D.	**«Unreliable» Rechitsa and its inhabitants during the revolt of 1863–1864.** The article deals with the specifics of the events of 1863–1864 in the Rechitsa region. Particular attention is paid to the period of 1861–1862, that is called «demonstrative stage» (as a precursor of the uprising) in the historical science. The leading forms and types of political activity of the local population are determined, their position, mood and attitude towards the then realities are traced. The punitive policy of the government in the conditions of the internal conflict are also discussed.	51
Irina Paderova	**Divorce in Belarusian peasant family in the second half of the XIX – beginning of the XXth century.** The article is devoted to the divorce in Belarusian peasant family in the second half of the XIX – beginning of the XXth century. Much attention is given to the reasons of peasant divorces. Archive data about divorces in Belarusian regions were analyzed in the article. The author comes to the conclusion the low number of divorces in Belarus at that time was caused by high moral religious values of people.	55
Natallia Alakseychykava, Ph.D.	**The effects of alcohol on family life of Belarusian townspeople during the second half of XVI-XVIII centuries.** Article seeks to study the problem of consumption of spirits in the XVI-XVIII centuries. residents of the towns of Belarusian lands, its prevalence among the citizens, as well as the impact that provided this harmful habit on the relationship between relatives. The article reflects the negative impact that assisted the overindulgence of alcohol ranging from interpersonal and property disputes and ending with the crime family.	60
Uladzimir Hanchar, Ph.D.	**Charles' practices in the field of agriculture in Belarusian Palessie in the late 19 and early 21 c.** In the article is considered the sorcerous practice in the sphere of agriculture in Polesie in the end of the 19th - the beginning of the 21st century. The author comes to conclusion about importance of the sorcerous practice in region and its concentration around the main occupations of the population: cultivating of cereals and breeding of cattle. The conclusion is made about changing of the sorcerous functions in agriculture under impact of modernization of society beginning from 1930th. As the result, there is a gradual narrowing of the sorcerous functions during the middle – the second half of the 20th century and persisting in sorcerous competence only curing of illnesses, which, reputedly, don't treat by official medicine.	69
Siarhiei Zhykharau, Ph.D.	**Railway construction in the activities of the Poltava regional self-government at the initial stage of early industrial modernization in Russia.** In the article the activity of zemstvo's self-government institutions of Poltava province in the solution of railroad building issues is considered. The main steps of Poltava province zemstvo's chamber for Romny and Krementchug railway construction are analyzed.	73
Sviatlana Bahalieysha, Ph.D.	**Projects of creation of the Belarusian-Lithuanian state during the First world war.** Article is devoted to development of the Belarusian national movement in the occupied territory of Belarus during World War I in the direction of realization of idea of national statehood. Are considered the project of revival of the independent Belarusian-Lithuanian state in the form of Confederation of Grand Duchy of Lithuania and the national foreign policy concept of revival of the Belarusian state - idea "The United States from Baltic yes the Black Sea".	79
Siarhiei Vieramieyeu, Ph.D.	**Police of Homel in 1917-1926.** In this article considered the process of creating and activities of the militia in Gomel during 1917-1926 years. Provides data on the structure , the number and the social composition of the city militia. Specifies the number of committed and crimes solved. Provides a detailed description of the high-profile case in 1925 T. Khasanov. Illuminated celebration militia day in 1923.	83

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Dzmitry Panuzhdayeu	**National and social class composition of the militia in Belarus in the 1920-1930 years.** The article analyzes the national and social class composition of the militia in Belarus in the 1920-1930 years. Notes that the ethnic composition was diverse militia of Belarus, in the social-class structure dominated by representatives of the working class and peasants. National and social composition of the class affected many processes, including the social and economic transformation.	88
Aliena Trubchyk	**Paradoxes of power: Belarusian political committee and Polesse's campaign of general S. Balakhovich.** Article is devoted to the activities of the Belarusian political committee, an organization that emerged on the eve of general S.Balakhovich the military operation, and on whose for the second time was proclaimed Belarusian People's Republic on the fall of 1920. The paper describes the main objectives of the Committee, considered its personnel and the main stages of there forming.	92
Mikalai Shchaulinski, Ph.D.	**The national question in the activities of the Belarusian parties and organizations during the First World war (1914-1918).** The article deals with the process of formation and growth of selfconsciousness of the Belarusians within the period of 1st World War (1914-1918). The contents of Belarusian parties and organizations activities on the guestions of national state system, language and culture development are conveyed	98
Aliaksiey Kapliyeu, M.A.	**Development of medicine in Gomel gubernia in the early post-revolutionary years (1919-1924).** The article is dedicated to the analysis of basic actions of the Soviet government in Gomel province for reforming of structure and functions of system of public health services in 1919 – 1924. Despite declaring unstratified and free public health services, the major support of the state was received by labour medicine, and its maintenance was reached by taking emergency taxes and reduction of number of medical workers. Positive changes in area of sanitary education and management of medical institutions, were followed by propaganda and unduly revolutionary character that was undoubtedly reflected in maintenance and results of the reforms.	105
Zoya Alieksandrovich, Dzmitry Lin, D.Phil., Oleg Gorbachov, D.Phil.	**Peasant resettlement from the Gomel Gubernia in the mid 1920 's.** For example, the Gomel Gubernia analyzed Soviet resettlement policy in 1920-ies. The authors used the significant archival-documentary and statistical material, which reveal the redundancy of the agrarian population province at the turn of XIX-XX centuries, the concept of displacement, the practice of organizing them into phases. Showing the complexity and impact of resettlement campaigns, their impact on the prospects of modernization processes, in both agriculture and industry of the Gomel Gubernia.	114
Mikalay Miazga, Ph.D.	**Changes of international situation in Central-Eastern Europe caused by the preparation of Rhineland Guarantee Pact.** The article discusses the international situation in Central-Eastern Europe during the preparation of Rhineland Guarantee Pact. It is established how preparation of the pact affected relationship among USSR, Germany, and Poland, and how it impacted their foreign policy.	119

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Viktar Pichukou, Ph.D.	**Social image of the Jew among BSSR rural Germans in the interwar period.** In 1920-1930-ies most BSSR rural Germans concentrated in the Mozyr Polesye. The article highlights the factors shaping the social stereotype of the Jew in the eyes of local German farmer. Ethnic personification of specific violent actions of Soviet power in the German environment is accented.	126
Dzmitry Talochka, Ph.D.	**The activities of soviet power for the nationalization of industry in the western regions of the BSSR** In this article there was studied the question of the Republic western regions industry nationalization in September of 1939 – 1940. The author came to the conclusion that nationalization favored the industry volume rise, liquidation on unemployment. At the same time nationalization of the small enterprises was not justified in full measure. The latter ones having passed into state property, often worked ineffectively and could not meet the region's requirement in consumer goods.	131
Alexei Zakharchenko	**"New agrarian order" German-Romanian occupiers Ukraine (1941-1944).** Analyzed during the implementation of the German-Romanian occupation of Ukraine "new agrarian order." We consider the actions of the occupation authorities on the implementation of agrarian reform, its stages and causes of failure.	135
Olga Kravchuk, M.A.	**Political Aspects of Safety of Ukrainian State**. The problems of forming of scientific knowledge are described about safety of country, national safety as independent category. Determinations of concepts are given «safety», «national safety», «political safety».Висвітлений political component of the system of providing of safety of Ukraine, essence of political safety is exposed and it determining role among other constituents of national safety.	143
Liudmila Matviyenko, Ph.D. **Hanna Panchenko, Ph.D.**	**Diacronical aspects of administrative-territorial formation and development of the Nikolaev region** In the article the question of becoming of territorial administrative unit of Mykolaiv area and prospect of its development is examined from the historical point of view. In addition, a question is affected in relation to the necessity of conducting of administrative-territorial reform for Ukraine, taking into account historical experience of the territorial arranging of the Mykolaiv region.	147
Ludmila Haurilavets, D.Phil.	**Trade, economic and cultural relations between Belarus and Poland in the first half of the 1990-ies.** In article the condition of trade and economic and cultural relations of Belarus with Poland in 90-th of XX century. The Turn with Poland is analyzed took on the size the second place in foreign trade of Belarus which also was the third on goods turnover size the trading partner of Poland. The Belarus-Polish cooperation has brought the important contribution to the all-European economic cooperation realised through creation of euroregions. At high enough level cultural cooperation of Poland with Belarus in the field of muzejno-archival business developed.	152

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Навуковае выданне

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 4

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

Падпісана да друку 10.11.2015. Фармат 60х84 1/8.
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 18,6.
Ул.-выд. арк. 16,2. Тыраж 100 экз. Заказ 675.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013,
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330/450 ад 18.12.2013.
Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ